

Е.С.СЕНЯВСКАЯ

1941-1945

*ФРОНТОВОЕ
ПОКОЛЕНИЕ*

Историко-
психологическое
исследование

**Российская Академия Наук
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

Е.С.СЕНЯВСКАЯ

1941 - 1945

ФРОНТОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

**Историко-психологическое
исследование**

Москва 1995

042(02)1

В книге показаны влияние на человека экстремальных условий военного времени, формирование фронтового поколения как особого психологического социума, его роль в достижении победы над врагом.

На основе редких архивных документов и нетрадиционных видов источников автор рассматривает воздействие возрастной психологии на поведение человека в бою, особенности восприятия войны представителями различных видов и родов вооруженных сил, самоощущение женщины на войне, национальные отношения и национальные конфликты в армии, механизмы формирования героических символов, взаимовлияние государственной идеологии и общественного сознания в период Великой Отечественной войны.

Для специалистов-историков, психологов и всех, кто интересуется историей Отечества.

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, профессор *А.К.Соколов*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Б.И.Зверев*;

доктор исторических наук *Ю.П.Шарапов-Антонов*

ISBN 5-201-00589-6
1995 г.

С Институт российской
истории РАН,

ВВЕДЕНИЕ

*«...Это наша судьба,
это с ней мы ругались и пели,
Поднимались в атаку
и рвали над Бугом мосты.
...Нас не нужно жалеть:
ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашей Россией
и в трудное время чисты»¹.*

Эти слова принадлежат поэту-фронтовику Семену Гудзенко, и стихотворение, из которого они взяты, называется «Мое поколение». Фронтное поколение, поколение победителей, в сознании которого сплелись воедино все сложности и противоречия советской эпохи, но самым главным, самым значительным событием в его жизни оказалась все-таки война, ибо «только в переломные моменты развития общества возникает понятие Поколение» и миллионы людей осознают себя таковым.

«...Поколение - это люди, которые не просто одновременно живут на Земле, а, поглощенные одной идеей, одновременно действуют. Острое ощущение поколения возникает в периоды народных испытаний, - размышляет доктор искусствоведения, кавалер шести боевых орденов С.Фрейлих. - Великая Отечественная война разбудила самосознание каждого из нас, это она сделала нас поколением, которое теперь называется военным. Она поставила каждого из нас как личность в новое соотношение с Историей и Народом»².

Человек не выбирает время, в котором он живет. Но он решает, как ему жить и действовать, к чему стремиться, чем и во имя чего жертвовать. От свободного и сознательного выбора миллионов и миллионов молодых людей в годы самой страшной, тяжелой и кровопролитной в истории России - и всего человечества - войны зависели не только само существование нашей страны, но и судьбы мировой цивилизации. Да, фашистскому рейху с его человеконенавистнической идеологией противостояло государство «диктатуры пролетариата» - сталинский режим, не менее жестокий и репрессивный. Но в этом столкновении патриотические, национально-государственные интересы России подчинили себе тоталитарную машину советской империи и даже трансформировали коммунистическую идеологию изначально идеократической системы. Идеи мировой революции были отброшены, а понятия «Родина», «Отечество», еще недавно публично предававшиеся «анафеме», оказались определяющими в сознании народа. Война сразу же стала Народной и Отечественной. Не случайно имя коммунистического вождя система попыталась связать воедино с понятием национальным: политруки поднимали бойцов в атаку с призывом «За Родину! За Сталина!» Тонкий слой коммунистической идеологии сошел на нет, и за ним открылись и пробудились глубины народного духа. Только обращаясь к ним, система могла выжить. Но, спасая себя, система спасала страну: гибель советского государства означала бы гибель России. В тех условиях интересы народа, страны и системы оказались во многом тождественны. Можно и должно говорить о преступлениях системы против народа и личности, об огромной цене, которой была оплачена Победа, о далеко не всегда оправданных жертвах, явившихся результатом того, что человек для системы был «винтиком» - и не более.

Но сами люди не чувствовали себя «винтиками» - и только потому страна выдержала четыре года невероятных испытаний, выжила и победила. Многие фронтовики вспоминают Великую Отечественную как время духовного очищения, ибо нигде они не чувствовали себя так свободно, раскованно, независимо от системы, как на передовой - в окопе, в танке, в самолете. «...Мы ощущали, что в наших руках судьба родины, - через много лет после войны сказал от имени своего поколения писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев, - и вели себя соответственно этому представлению, чувствуя себя гражданами в полном и подлинном смысле этого слова... Для нашего поколения война оказалась самым главным событием в нашей жизни, самым главным! Так мы считаем и сейчас и совсем не собираемся «списывать» все то великое, что совершил народ в те страшные, тяжкие, но незабываемые годы. Слишком высок был духовный взлет всех воюющих, слишком чисты и глубоки были патриотические чувства»³.

Задача историка нашего, постсоветского времени заключается вовсе не в огульном отрицании старых ценностей и сокрушении вчерашних идеалов. Профессионализм исследователя как раз и состоит в том, чтобы бережно взвесить на весах Истории все реалии прошлого, не смешивая подвиг народа и преступления системы, но понимая, что разделить государство и общество - невозможно. Как невозможно отделить день сегодняшний от пройденного страной пути, долгого и мучительного, первые шаги по которому были сделаны именно тогда - в годы тяжких военных испытаний и начала раскрепощения человеческого духа.

* * *

В последнее время внимание исследователей все более привлекают проблемы междисциплинарного характера, связанные с духовной жизнью, социальной психологией, внутренним миром человека, которые в равной мере интересуют философов, психологов, литературоведов. Определенные традиции в изучении такого

рода проблем имеются и в исторической науке. Однако, до недавнего времени в работах историков наблюдался значительный крен в сторону идеологии в ущерб вопросам собственно психологического плана, который изучался явно недостаточно. Невнимание к духовным процессам, роли человеческого фактора⁴ было характерно для многих исторических исследований. Истоки безразличия общества (в том числе в лице исторической науки) к своей духовной жизни коренятся в отношении тоталитарной системы к человеку как к обезличенному винтику государственной машины. Это породило особую область «белых пятен» в истории, среди которых такие составляющие духовной жизни, как мировоззренческие установки, морально-этические и социально-психологические качества людей. Особенно это относится к истории советского общества, которая и по сей день остается в значительной степени обезличенной в силу устоявшегося в историографии приоритетного использования источников официального характера и невнимания к устным и письменным свидетельствам рядовых участников событий - документам, из которых, собственно, и складывается психологический фон, неповторимая атмосфера эпохи. Но цель психологии в историческом исследовании заключается не только и не столько в оживлении исторического фона. Психологический фактор является существенным элементом общественного развития, и без его изучения невозможно понять все те явления и процессы, которые происходят в обществе, где объективные условия всегда существуют во взаимосвязи и взаимозависимости с субъективными.

Среди наименее изученных проблем советской истории особое место занимают духовные процессы периода Великой Отечественной войны. «В советской исторической науке в выявлении причин тех или иных событий отсутствует традиция серьезного анализа роли социальной психологии масс. И война здесь не стала исключением»⁵, - справедливо отмечал академик А.М.Самсонов.

Вопрос о необходимости изучения роли психологического фактора в Великой Отечественной войне неоднократно поднимался в отечественной историографии. Однако до сих пор не было предпринято сколько-нибудь серьезных шагов в этом направлении. В доперестроечное время исследования духовных процессов в советском обществе в условиях Великой Отечественной войны сводились либо к изучению узких конкретных тем, либо к декларированию тезиса о морально-политическом единстве советского общества, идейном руководстве КПСС и массовом героизме как факторах Великой Победы. Целостного научного взгляда на духовную жизнь того периода выработано не было. Между тем, вопрос о духовных истоках победы советского народа над фашистской Германией является одним из центральных в истории Великой Отечественной войны и требует глубокого, комплексного изучения, охватывающего всю совокупность духовных процессов и факторов, на них влиявших. Особое место здесь занимает проблема духовного облика защитников Родины как сложного, разнопланового, во многом противоречивого явления и его роли в создании духовного потенциала Победы. Важность этой проблемы очевидна. Без ее понимания наши представления о минувшей войне, о причинах побед и поражений, о феномене массового героизма советских людей останутся весьма ограниченными, не отражающими всего спектра исторических реалий. Поэтому следует со всей ответственностью подойти к вопросам собственно психологическим и в первую очередь к вопросу о влиянии на человека экстремальных условий военного времени, о формировании фронтового поколения.

В СССР общественные науки были предельно идеологизированы, поэтому все работы в большей или меньшей степени несли отпечаток господствовавшей идеологии. Это относится и к тем исследованиям, в которых делалась попытка максимально объективного подхода к анализу изучаемого явления. Особенно характерна эта тенденция для исследований духовной жизни советского общества, так как данная сфера как раз и является сферой функционирования идеологии. В социальной практике идеология тоталитарного государства имела самодовлеющий характер, стремясь пронизать собой все области жизни и, прежде всего, жизни духовной. Общественные науки отражали эту тенденцию. Вместе с тем, имели место и преувеличения роли идеологии в духовной жизни, попытки подменить ею реальные процессы, в том числе за пределами ее действия. Так, практически не оставалось места исследованиям социальной психологии народа, нравственных начал его жизни. В тех же случаях, когда такие исследования проводились, приоритет отдавался именно идеологическим факторам. Исключения встречались довольно редко. Именно поэтому мы не станем подробно останавливаться на недостатках советской историографии, обусловленных этими общими для всех работ причинами, а постараемся выделить положительные моменты, которые все же имели место, несмотря на сложные условия, в которых приходилось работать исследователям.

Выбранная нами тема пока не являлась предметом специального исторического исследования. В той или иной степени рассматривались лишь отдельные ее аспекты, преимущественно по трем основным направлениям. К первому из них относятся работы, затрагивающие проблемы духовного облика или близкие ему понятия. Разработкой его занимались, как правило, философы. Но, несмотря на обилие работ, посвященных данной проблеме, в большинстве из них определение духовного облика сводилось к пространственным рассуждениям в духе «морального кодекса строителя коммунизма», не оставлявшим места для серьезного научного анализа⁶. Исключения составляют фундаментальные исследования А.К.Уледова, С.Ф.Анисимова и некоторых других авторов в области духовной сферы жизни общества⁷. Однако само понятие духовного облика в их трудах отсутствует. Попытка М.С.Джунусова определить его как сложный комплекс идей, взглядов, представлений, чувств, традиций, нравственных норм, социальных привычек и т.п.⁸, является, на наш взгляд, недостаточно четкой, но вместе с тем отражающей основные элементы структуры духовного облика.

В особую группу можно выделить работы, затрагивающие проблемы духовного облика советского воина, в том числе и в период Великой Отечественной войны⁹. Их сравнительно немного и разрабатывались они главным образом сотрудниками Военно-Политической Академии. Здесь заслуживают внимания работы В.В.Шеляг, в которых дается наиболее точная характеристика структуры духовного облика народа, представляющего собой, по мнению автора, единство мировоззрения, морального облика и общественной психологии¹⁰. Автор анализирует каждую из этих трех составляющих, подчеркивает необходимость различать духовный и моральный облик. Однако, если общий методологический подход к анализу духовного облика как философской категории дается им верно, то применительно к более конкретному сюжету - духовному облику советского воина - начинается путаница, смешение разнородных понятий. Вопреки определению самого автора, духовный облик воинов сводится им к перечислению абстрактных качеств, таких, как коммунистическая идейность, политическая сознательность, верность воинскому долгу, мужество, самопожертвование, гуманизм, коллективизм и т.п. При этом в одном ряду с идейными и нравственными качествами, четкого различия между которыми автор так и не дает, ставятся профессиональные навыки - боевое мастерство, знание оружия, инициатива и находчивость в бою, которые уж никак нельзя отнести ни к одной из составляющих духовного облика.

Такое же бессистемное смешение категорий и понятий разных уровней характерно и для раздела «Духовный облик советского народа - народа-победителя» в 6-томной «Истории Великой Отечественной войны»¹¹. В результате этого подхода не удается получить четкое представление о структуре духовного облика советских людей в годы войны, несмотря на обилие фактического материала, подкрепляющего каждый тезис авторов.

Ко второму направлению следует отнести работы, посвященные роли морального фактора в войне, как общетеоретического характера, так и более конкретные, рассматривающие значение морального фактора в период Великой Отечественной войны. Из них большой интерес вызывает исследование А.Х.Шаваева, в котором моральный фактор определяется двояко: как духовные силы, используемые в войне, и как одно из проявлений общественного сознания¹². Автор выделяет в моральном факторе два уровня: идеологический и общественно-психологический, оставляя без внимания существование нравственного уровня, наличие которого обусловлено самим названием «моральный фактор». Вместе с тем, в работе дается серьезный методологический анализ морального фактора, морального потенциала, их влияния на ход и исход войны. Состояние морального фактора, по мнению автора, - это определенное проявление общественного сознания, в котором доминируют идеи, взгляды, чувства о войне, определяющие направленность и настрой сознания военнослужащих и величину их духовных сил¹³.

В работе С.К.Ильина проводится разграничение между понятиями духовного и морального фактора¹⁴. По его определению, духовный фактор - это духовные силы общества в целом, тогда как моральный фактор является сердцевинной духовного фактора, идеологическим и общественно-психологическим компонентом духовных сил, наиболее действенной стороной духовных сил народа и армии¹⁵. В идеологическом компоненте морального фактора автор выделяет и собственно моральный элемент. Но, на наш взгляд, его можно было бы выделить как самостоятельный. В работе рассматриваются также функции, которые выполняет моральный фактор в ходе войны, в том числе функция морально-политической ориентации в войне, функция сплочения народа и армии, усиления морально-политического единства общества и, наконец, функция непосредственного нравственного стимула, мотива действий, поведения в бою воинов, частей, соединений¹⁶. Как и другие авторы, определяющей стороной морального фактора С.К.Ильин считает моральный дух армии, поскольку именно армия является той силой, которая непосредственно ведет вооруженную борьбу, а солдат является главной фигурой на войне¹⁷. Однако, уделяя значительное внимание общественно-психологическому элементу в моральном факторе, автор лишь вскользь затрагивает вопросы индивидуальной психологии, особенности поведения человека в экстремальной ситуации боя, в то время, как эта сторона проблемы представляет наибольший интерес и является наименее разработанной.

Исследования М.П.Скирдо посвящены роли морального фактора в Великой Отечественной войне¹⁸. Определяя моральный фактор как неразрывное единство морального духа армии и политико-морального состояния населения страны, автор подчеркивает, что моральный дух армии является постоянно действующим фактором, решающим судьбу войны¹⁹. Вместе с тем, отмечает он, фактор этот - величина переменная, в значительной степени зависящая от конкретного хода боевых действий, и может сильно меняться под воздействием побед или поражений войск. В то же время справедливые цели войны способны закалять и поддерживать высокий моральный дух армии, даже если боевая обстановка складывается для нее неблагоприятно²⁰. Автор приводит многочисленные примеры, рассматривает моральное состояние противоборствующих сторон на всем протяжении Великой Отечественной войны. Встречается здесь и понятие «духовный облик советских воинов», однако все снова сводится к бессистемному перечислению отдельных его качеств²¹. Акцентируя внимание на политической стороне морального фактора, автор упускает из поля зрения морально-психологические величины, считая их менее существенными²². Но это характерная черта, присущая работам многих советских исследователей, критиковавших своих западных коллег за чрезмерный «психологизм» и впадавших в другую крайность - абсолютизацию «классового подхода».

Особенно показательны в этом плане работы Д.А.Волкогонова²³. Выделяя два слоя в моральном факторе - рационально-идеологический и общественно-психологический, характеризующие, по его словам, «как

глубину отражения процессов войны, так и силу обратного духовного воздействия на военную действительность»²⁴, автор вместе с тем подчеркивал решающее влияние «верхнего» слоя. И это предпочтение «идеологии» перед «психологией» раскрывалось уже в даваемом им определении морального фактора: «Морально-политический фактор в условиях войны, ведущейся в справедливых целях, есть не что иное, как классово-осознанное отношение народа и армии к войне, их духовная способность и решимость перенести самые тяжелые испытания войны и не утратить воли к борьбе и победе»²⁵. Особую роль в формировании духовных сил народа и армии Д.А.Волгогонов отводил идеологической работе партии в массах и даже строил своего рода периодизацию формирования и развития морально-политического фактора, выделяя в качестве критерия изменение задач идейно-политической работы КПСС на разных этапах Великой Отечественной войны²⁶.

Наконец, третье направление представлено источниковедческими работами, освещающими методологические проблемы изучения и использования таких видов источников, которые могут служить для раскрытия феномена духовного облика, в том числе - духовного облика фронтового поколения. Из довольно значительного комплекса работ, посвященных проблемам мемуаристики, отметим лишь некоторые, ставящие, на наш взгляд, наиболее важные методологические вопросы.

В статье С.С.Минц «Об особенностях эволюции источников мемуарного характера. (К постановке проблемы)» мемуарная литература во всем многообразии ее разновидностей оценивается как «одна из форм осознания ценности человеческой личности, ее роли и места в жизни общества», прослеживается эволюция мемуарных произведений «от своеобразного жанра художественной прозы до планомерно создаваемого исторического источника»²⁷. Большую значимость приобретает анализ таких категорий, как субъективность, художественность, типизация, которые долгое время отождествлялись с недостоверностью источника. Автор указывает на возможность и необходимость использования этих качеств источника в исследовательской работе, на их достоинства при разработке определенных тем. Оценки и выводы по данным вопросам, построенные на основе мемуаристики, могут быть отнесены и к другим источникам личного происхождения.

Большой интерес вызывает цикл статей А.А.Курносова, посвященный мемуаристике о Великой Отечественной войне, особенно изучение в них вопроса о видовой принадлежности записей воспоминаний-интервью, организации и методики их собирания»²⁸. Автор поднимает также проблему выяснения с помощью текстологического анализа, что именно содержит каждый конкретный отрывок мемуарного текста: «более или менее близкое к первоначальному впечатлению свидетельство; ретроспективный взгляд на прошлое с позиций настоящего (и какого именно); ассимилированные мемуаристом исторические концепции и их аргументацию, заимствованную из научной литературы; следы самоограничения и самоцензуры, учета автором политической и идеологической конъюнктуры, замечаний рецензентов, редактора или иных, причастных к изданию лиц, и т.п.»²⁹ Такая постановка вопроса имеет огромную важность при исследовании проблем исторической психологии, в частности, при изучении духовного облика фронтового поколения.

Среди статей, посвященных письмам периода Великой Отечественной войны как историческому источнику, следует выделить работы В.И.Жучкова и В.А.Кондратьева, в которых, называя письма военного времени «чутким пульсом войны», авторы дают их классификацию, указывают на особенности данного вида источников, связанные со спецификой обстановки, в которой они возникли, подчеркивают их уникальность и значимость для изучения морального облика советских людей³⁰. Вместе с тем, ими отмечается явная недостаточность использования писем в исторических трудах о войне, с одной стороны, и иллюстративный подход к их использованию, - с другой.

В.Н.Самошенко рассматривает источники личного происхождения во всей их совокупности как главные по изучению роли психологического фактора в Великой Отечественной войне и указывает на необходимость комплексного подхода к их публикации и исследованию³¹.

Особый интерес для нас представляют исследования по фронтовому поэтическому и песенному фольклору. Обычно они носят этнографический или литературоведческий характер и выступают в виде самостоятельных трудов либо вступительных статей и комментариев к сборникам самодельных стихов и песен военных лет. Так, во введении к книге «Материалы по истории песни Великой Отечественной войны» этнографы В.Ю.Крупянская и С.И.Минц подробно характеризуют песни военных лет как ведущий жанр этого периода³². Среди поднятых ими вопросов - тематика песен, их идейное и общественно-историческое содержание, проблема отбора песенного репертуара в соответствии с событиями действительности, вопросы авторства и изучение процесса фольклоризации авторских текстов. В статье показано, как в песенном фольклоре находят свое отражение основные этапы Великой Отечественной войны, переплетаются темы героическая и лирическая, воплощаются эмоциональные переживания людей, а также отмечается влияние этих песен на моральный дух армии и народа.

Вступительная статья литературоведа П.Ф.Лебедева к сборнику «Песни Сталинградской битвы», построенная на материале, относящемся только к одному значительному событию Отечественной войны, содержит следующую тематическую классификацию песенного фольклора военных лет: песни-призывы к священной мести врагу, походно-боевые песни и марши-гимны воинских частей и соединений, песни о героях, лирические песни, в том числе произведения, созданные в форме и стиле письма, и, наконец, песенная сатира³³. Анализируя художественные особенности фронтовых песен, автор отмечает также историческую взаимосвязь явлений: «Боевая действительность рождала героизм бойцов, а героизм становился источником и содержанием

песни. Песня, в свою очередь, тоже способствовала рождению героизма»³⁴. Отходя от чисто литературных оценок жанра лирической песни, П.Ф.Лебедев указывает, что «на фронте не было и не могло быть «чистой», «обособленной» лирики, не связанной с задачами и нуждами войны... Война вошла во все сферы и уголки человеческого бытия, она выдвигала свои требования и законы... Атмосферой войны наполнялся и внутренний мир людей. Личное, интимное чувство соединялось с понятием гражданского или воинского долга»³⁵. На наш взгляд, эта статья, содержащая значительное число характеристик такого рода, и в виду специфики предмета исследования, имеет историко-филологическую направленность.

То же самое можно сказать и о предисловии К.Г.Свитовой к сборнику «Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны», где большое внимание уделено специфическим условиям создания фронтовых песен и их особенностям, обусловленным этими факторами³⁶. Отмечая, что в большинстве своем эти песни возникали под влиянием чувств и переживаний, переполнивших эмоциональную сферу людей и требовавших выхода и воплощения в произведениях искусства, автор подчеркивает их особую историческую ценность как свидетельства небывалого творческого подъема народа, которого еще не знала история.

Заканчивая этот краткий обзор, нельзя не упомянуть появившиеся в последние несколько лет многочисленные работы философов, социологов, историков, в которых делалась попытка осмыслить феномен общественного сознания в условиях сталинизма³⁷. В них не ставилась специальная задача изучения духовного облика фронтового поколения, но, анализируя психологическую атмосферу советского общества 30-40-х годов, в которой это поколение сформировалось, они неизбежно затрагивали широкий спектр вопросов, имеющих непосредственное отношение к данной теме. Однако и эти работы, появившиеся в условиях перестройки, не были свободны от цензуры и отражали определенную тенденцию «промежуточной» общественно-политической ситуации, когда официальному обществоведению позволялось критиковать сталинизм, не затрагивая основ коммунистической идеологии. Этот подход тоже носил идеологизированный характер, но несколько расширял границы «дозволенной критики». Впрочем, год от года эти границы все более раздвигались и, с крушением тоталитарной системы, очередь дошла до критики ее идеологических первооснов. Как положительное явление последних лет можно отметить тенденцию формирования мировоззренческого плюрализма в науке, попытки более объективного изучения социальной действительности. К сожалению, эта тенденция достаточно слаба и на практике вместо объективного научного подхода одни идеологические клише часто заменяются другими, с противоположным знаком. Среди причин этого явления можно назвать, в частности, публицистический бум, когда суждения о сложных исторических явлениях делали не профессионалы, а нередко просто некомпетентные люди, игравшие на эмоциях читающей публики. Безусловно, профессиональным историкам можно сделать упрек за отставание от публицистов в новом осмыслении прошлого. Однако для серьезной научной работы, требующей глубокого анализа, необходимы время и источники, доступ к которым был расширен совсем недавно, а ко многим до сих пор ограничен. Публицисты же, как правило, ограничиваются чисто поверхностными оценками, которые, тем не менее, оказывают сильное влияние на общество, формируя в нем искаженное историческое сознание. При этом разговоры о якобы наступившей всеобщей деидеологизации кажутся нам преждевременными, так как один социальный заказ иногда откровенно заменяется другим.

Вместе с тем, в российской историографии последних лет все-таки появляются исследования новой для отечественной исторической науки - социально-психологической направленности. В этой связи можно отметить монографию Е.Ю.Зубковой «Общество и реформы 1945-1964»³⁸, в которой среди прочих сюжетов уделяется значительное внимание психологии «своеобразного нового социума» - вернувшихся с войны к мирной жизни фронтовиков. И хотя, по признанию автора, «война как таковая не является предметом изучения в настоящей книге», Е.Ю.Зубкова определяет ее как рубеж, точку отсчета, начальную хронологическую (и социально-психологическую!) веху тех общественных процессов, которые получили развитие в стране в послевоенные годы. «Без уяснения феномена войны, вошедшей в плоть и кровь поколений, не понять хода последующей истории, механизмов общественного поведения, смены чувств и настроений людей»³⁹, - утверждает исследователь и посвящает ряд страниц своей монографии социально-психологическим аспектам войны, оказавшим огромное влияние на формирование послевоенной атмосферы.

Итак, анализ как теоретических, так и источниковедческих работ позволяет сделать вывод, что духовный облик фронтового поколения как целостный социально-психологический и нравственный феномен не являлся еще предметом специального исследования в отечественной историографии. Вместе с тем, в обществоведческой литературе намечены отдельные подходы, облегчающие решение задачи комплексного исследования, включающего разработку теоретических, источниковедческих и конкретно-исторических аспектов данной проблемы.

* * *

«Человек на войне и война в человека» - так можно определить главную идею этой книги. Тем более, что хронологические рамки исследования охватывают в основном период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., то есть период непосредственных военных действий СССР против фашистской Германии. Вместе с тем, духовный облик защитников Родины, проявившийся во всей полноте и получивший дальнейшее развитие в этот период, своими корнями уходит в предшествующие десятилетия, поэтому естественным является ретроспективное обращение к конкретно-историческому развитию духовных процессов в советском обществе в

предвоенный и более отдаленный периоды, когда закладывались основы духовного облика нескольких поколений, участвовавших в Великой Отечественной войне. С другой стороны, жизнь этих поколений не кончилась вместе с войной и их роль в дальнейшем развитии общества выходит за ее рамки. Поэтому, взяв за завершающий хронологический рубеж 9 мая 1945 г., приходится делать определенные отступления, чтобы проследить влияние духовных процессов, проявившихся во время войны, на послевоенную жизнь советского общества, учитывая тот факт, что духовные процессы никогда непосредственно не совпадают с точными датами исторических событий.

Задумывая эту книгу, мы исходили из убеждения, что при исследовании любых духовных феноменов, в том числе периода Великой Отечественной войны, необходимо сочетать приемы и методы ряда обществоведческих дисциплин. Только в таком комплексе - от анализа теоретических проблем до выявления методов изучения и использования конкретных видов источников - возможна плодотворная разработка данной тематики. Результаты методологического уровня исследования должны, в свою очередь, найти применение в решении конкретно-исторических проблем. В соответствии с этими принципами и построена структура данной монографии.

Так, глава первая посвящена методологическому и источниковедческому аспектам изучения роли психологического фактора в Великой Отечественной войне. В ней с учетом ряда фундаментальных выводов, сделанных отечественными и зарубежными исследователями, выделяются методы, на основе которых возможно комплексное историко-психологическое исследование, дается определение духовного облика как философской и исторической категорий. Предметом особого внимания является вопрос о влиянии на человека экстремальных условий военного времени, о формировании «фронтного поколения», отличающегося совокупностью особых социально-психологических качеств и способами их проявления. Используется метод психологического моделирования и реконструкции.

Источниковедческий аспект рассматривается в книге в трех направлениях: в первом из них выделяются методологические принципы источниковедения исторической психологии, в том числе вопрос о субъективности источников как положительном и значимом их качестве при изучении духовного облика социального субъекта; во втором дается классификация источников по проблеме и их подробная характеристика, поднимается вопрос об использовании фронтного фольклора как исторического источника; и, наконец, в третьем на основе конкретных примеров работы с источниками апробируются новые методы.

Другим уровнем исследования является конкретно-исторический, которому посвящена глава вторая, где в развернутом виде на основе конкретно-исторического материала развиваются основные положения, представленные в методологической части работы. Среди важнейших проблем, которые здесь решаются, следующие: выделение системы конкретно-исторических условий и факторов, определивших формирование духовного облика фронтовиков, начиная с предвоенного периода и кончая первыми послевоенными годами; определение структуры духовного облика защитников Родины по областям проявления его качеств; установление морально-психологической доминанты для каждого этапа войны, то есть своего рода периодизация духовных процессов в советском обществе в этот период.

Не менее важным представляется нам изучение особенностей проявления духовного облика различных представителей фронтного поколения, а именно - по социальным, национальным, половозрастным и профессиональным категориям (под профессиональными категориями в данном случае подразумеваются рода войск, для каждого из которых характерно свое психологическое восприятие войны).

Не ставя перед собой задачи всестороннего охвата проблем по столь широкой и многогранной теме, как роль психологического фактора в войне, мы намеренно ограничились изучением духовного облика тех, кто служил в Действующей Армии и на Флоте, оставив за рамками исследования особенности психологии партизан, подпольщиков, участников Движения Сопротивления из числа советских граждан. Обстановка вражеского окружения, в которой им приходилось действовать, коренным образом отличалась от условий службы на фронте и вырабатывала особые качества личности, особый взгляд на войну, не характерный для большинства представителей фронтного поколения, которые воевали именно в армии. Нас интересовали в первую очередь типичные черты, присущие поколению в целом, которые мы и постарались рассмотреть как можно подробнее.

И, наконец, последняя группа вопросов, поднимаемых в книге, касается механизмов формирования героических символов в Великой Отечественной войне: что такое героический символ, какие социальные институты участвовали в его формировании и с какой целью, насколько данный символ отражал реальность события, имел ли значение для повторения аналогичного подвига, в чем заключалось противоречие между объективной необходимостью поддержания боевого духа армии и народа при помощи героической символики и ее ролью в укреплении мифологического сознания общества в условиях сталинизма.

В целом же наша цель состоит не столько в том, чтобы показать фактическую сторону, характеризующую объективные деятельные формы проявления духовного облика советского воина, сколько в попытке осветить духовный облик «изнутри» - через индивидуальное мироощущение авторов дневников, писем, воспоминаний и ряда других источников. «Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на ее описания, она и проще, и сложнее. Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники. Ее понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи»⁴⁰, - писал в 1943 г. Илья Эренбург.

Мы попробуем не только понять, но и почувствовать эту войну.

Примечания

- ¹ Бессмертие. Стихи советских поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945. М., 1978. С. 708-712.
- ² Фрейлих С. Поколение // Коммунист. 1988. N 7. С. 43-44.
- ³ Кондратьев В. Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. N 7. С. 113, 123.
- ⁴ «Человеческий фактор» - термин, давно принятый в зарубежной военной психологии. См.: Мокор П.Х. Военная психология и реальность боя // Современная буржуазная военная психология. Сб. переводн. статей. М., 1964. С. 49.
- ⁵ Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988. С. 333.
- ⁶ См.: Гуцаленко Л.А. Советский человек: нравственный и духовный облик. Минск, 1980; Духовный облик советского молодого человека. Учебн. пособие. М., 1976; Кучмаев Г.И., Кучмаева И.К. Духовный облик советского человека. М., 1974; Вишневский С.С. Формирование духовного облика советского человека. М., 1986; и др.
- ⁷ Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М., 1988; Уледов А.К. Духовная жизнь общества. М., 1980.
- ⁸ Джунусов М.С. Становление духовного облика новой исторической общности // Советский народ - новая историческая общность людей. Становление и развитие. М., 1975. С. 156-157, 392-393.
- ⁹ См.: Левашова З.П. Моральный облик советского воина. Рекоменд. указатель литературы. М., 1950; Журавков М.Г. Моральный облик советского воина. М., 1954; Волкогонов Д.А. Этика советского офицера. М., 1973; и др.
- ¹⁰ Шеляг В.В. Духовный облик советского народа и советских воинов. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М., 1958; Он же. Основные черты духовного облика советских воинов. М., Труды ВПА, 1958. N 18; Он же. В этом наша сила. Очерк о духовном облике советского народа и воинов вооруженных сил СССР. М., 1960; Он же. Человек нового духовного облика // Коммунист вооруженных сил. 1967. N 19; Он же. Структура общественного сознания и проблемы формирования духовного облика советских воинов. Доклад об опубл. работах. М., 1971.
- ¹¹ Духовный облик советского народа - народа-победителя // История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Т. 6. М., 1965. С. 151-172.
- ¹² Шаваев А.Х. Методологические вопросы анализа и оценки морального фактора в войне. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М., 1977. С. 7, 9.
- ¹³ Там же. С. 14.
- ¹⁴ Ильин С.К. Моральный фактор в современных войнах. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1979.
- ¹⁵ Там же. С. 8-9.
- ¹⁶ Там же. С. 9-10.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Скирдо М.П. Роль морального фактора в победе советского народа и советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М., 1954; Он же. Моральный фактор в Великой Отечественной войне. М., 1959.
- ¹⁹ Скирдо М.П. Роль морального фактора в победе советского народа и советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. С. 7.
- ²⁰ Скирдо М.П. Моральный фактор в Великой Отечественной войне. С. 23-24.
- ²¹ Там же. С. 54-74.
- ²² Там же. С. 28.
- ²³ Волкогонов Д.А. Социологический и гносеологический анализ проблем военно-этической теории. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. филос. наук. М., 1971; Он же. Морально-политический фактор Великой Победы // Вопросы философии. 1975. N 3; Он же. Феномен героизма. О героях и героическом. М., 1985; и др.
- ²⁴ Волкогонов Д.А. Морально-политический фактор Великой Победы. С. 12.
- ²⁵ Там же; Волкогонов Д.А. Социологический и гносеологический анализ проблем военно-этической теории. С. 49.
- ²⁶ См.: Волкогонов Д.А. Морально-политический фактор Великой Победы. С. 19.
- ²⁷ Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера. (К постановке проблемы) // История СССР. 1979. N 6. С. 61, 64-68.
- ²⁸ Курносов А.А. Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1941-1945) // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976; Он же. Воспоминания-интервью в фонде комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии Наук СССР. (Организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974; Он же. Приемы внутренней критики мемуаров. (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник) // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; и др.
- ²⁹ Курносов А.А. Приемы внутренней критики мемуаров. С. 487.
- ³⁰ Жучков В.И., Кондратьев В.А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. 1961. N 4. С. 103-114; Кондратьев В.А. О публикации писем советских людей периода Великой Отечественной войны // История СССР. 1986. N 6. С. 96-105.
- ³¹ Самошенко В.Н. Мемуарная литература о Великой Отечественной войне // История СССР. 1969. N 6. С. 156-163.
- ³² Крупянская В.Ю., Минц С.И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., 1953. Труды института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 19.
- ³³ Песни Сталинградской битвы. (Сост. П.Ф.Лебедев). Волгоград, 1985. С. 12, 17.
- ³⁴ Там же. С. 14.
- ³⁵ Там же. С. 16.
- ³⁶ Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны. М., 1985.
- ³⁷ См.: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989. (Гл.: Раздвоение массового сознания, массового поведения, культуры.); Осмыслить культ Сталина. М., 1989. (Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания; Орешин Б., Рубцов А. Сталинизм:

идеология и сознание; Фурман Д. Сталин и мы с религиоведческой точки зрения.); Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. (Баталов Э. Культ личности и общественное сознание; Буртин Ю. Изжить Сталина!); Капустин М. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990. (Гл.: Психология авторитаризма.); Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира. Социализм и «культ личности». (Очерки теории). М., 1991. (Гл.: «Культ личности» и война.); и др.

³⁸ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945-1964. М., 1993.

³⁹ Там же. С. 17.

⁴⁰ Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 230.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

1. Фронтное поколение и его духовный облик: к методологии проблемы

История нашей страны знала немало периодов, когда от человека, его воли, стойкости и готовности к самопожертвованию зависело само существование Родины, но, пожалуй, не было в ней времени, потребовавшего такого предельного напряжения всех человеческих сил, более жестокого по испытаниям, чем период Великой Отечественной войны. И, думается, именно человеческий фактор оказался решающим на той чаще весов истории, которая перевесила силы зла, спасла мир от фашизма, а целые народы от гибели. Имя этому фактору - советский солдат.

Человеческие качества не могут быть абстрактными. Они определяются совокупностью конкретно-исторических условий, включающих социально-экономический уклад жизни, национальный характер, традиции и многое другое. При этом обобщенной характеристикой, определяющей активную позицию в обществе как отдельного индивида, так и социальной общности, является их духовный облик.

Что же представляет из себя духовный облик как одно из базисных понятий исторической психологии? Духовный облик формируется в процессе духовно-практической деятельности путем освоения субъектом социального опыта и духовных ценностей, накопленных человечеством в ходе индивидуального и коллективного развития людей. Структура духовного облика включает в себя три основные взаимосвязанные сферы, образующие совокупность устойчивых качеств социального субъекта, относящихся к его духовной жизни, - а именно: определенных мировоззренческих установок (прежде всего системы взглядов и представлений о духовных и нравственных ценностях, включая идеалы), морально-этических и социально-психологических качеств, которые в соотнесении с материальными условиями бытия в значительной мере обуславливают его практическую деятельность и поступки, реализуются в них. Вместе с тем, деятельность и поступки социального субъекта являются единственным объективным критерием оценки и наиболее достоверным проявлением качеств его духовного облика.

Понятие духовного облика, хотя и относится к разряду общечеловеческих, не является раз и навсегда заданным, но имеет свои отличительные черты, присущие каждой исторической эпохе, определяемые общественным строем, господствующей идеологией, имеющими место в обществе представлениями о духовных и нравственных ценностях, национальными традициями и целым рядом других факторов.

Носителем духовного облика может выступать как отдельный индивид, так и любая социальная общность. Существует также понятие духовного облика эпохи, который воспринимается как некая целостность, а не сумма характерных признаков, поэтому для его реконструкции важны не столько отдельные черты, сколько их особое сочетание. Духовный облик - одна из форм проявления субъективного фактора, и его значение (в первую очередь, в конкретной форме духовного облика народа) бывает особенно велико в переломные моменты истории - революции, войны. Так, в период Великой Отечественной войны Советского Союза против фашизма особого рода уникальным историческим явлением, социально-психологическим и нравственным феноменом стал духовный облик защитников Родины как конкретное проявление духовного облика народа в экстремальной ситуации угрожающей Отечеству опасности и необходимости отстаивать с оружием в руках его свободу и независимость.

Проблема духовного облика в войне имеет несколько важных аспектов, тесно связанных между собой. Конечно, сама война, военные действия, подготовка к ним - явление не духовное, а материальное. Но мнения людей о войне, ее оценки - это явления духовной надстройки, продукты определенной деятельности, которые, впрочем, могут далеко разойтись с действительностью и образовать искаженные, «перевернутые» представления о ней¹. В ходе военных действий в системе поступков социального субъекта проявляются и различные качества его духовного облика, при этом более явно, чем в мирные периоды общественного развития. И здесь, на наш взгляд, необходимо отметить психологическую и нравственную стороны проблемы.

«Война - область опасности»², - подчеркивал Клаузевиц. И эта особенность вооруженных конфликтов оказывает воздействие на всю жизнь общества в данный период, решительным образом влияет на психику людей. Военная обстановка выявляет те качества личности, которые в мирной жизни оказываются в какой-то мере второстепенными или не требуют крайних своих проявлений. Экстремальные ситуации обостряют до предела человеческие чувства, вызывают необходимость принятия немедленных решений, предельной четкости и слаженности действий. В то же время, как отмечал К.Симонов, «Война не есть сплошная опасность, ожидание смерти и мысли о ней. Если бы это было так, то ни один человек не выдержал бы тяжести ее ... даже месяц. Война есть совокупность смертельной опасности, постоянной возможности быть убитым, случайности и всех особенностей и деталей повседневного быта, которые всегда присутствуют в нашей жизни... Человек на фронте занят бесконечным количеством дел, о которых ему постоянно нужно думать и из-за которых он часто совершенно не успевает думать о своей безопасности. Именно поэтому чувство страха притупляется на фронте, а вовсе не потому, что люди вдруг становятся бесстрашными»³.

В ходе боев могут проявиться прямо противоположные качества их участников - трусость и героизм, шкурничество и самопожертвование. Это зависит от индивидуальных особенностей личности, сформировавшихся в предшествующий период, от качества боевой готовности и умения владеть оружием, от

успешного или отрицательного поворота событий для одной из воюющих сторон и многих других факторов, но при этом важнейшим из них является сознательное отношение людей к своим действиям.

И все-таки мало одного понимания, что ты являешься участником смертельной схватки, мало одной готовности к постоянному риску, если нет осознания того, за что именно приходится проливать кровь. Причины, цели, характер конкретной войны решающим образом определяют содержание и проявление духовного фактора воюющих сторон. Справедливый характер войны обуславливает огромные духовные возможности сражающихся масс, и наоборот, несправедливая война ограничивает, снижает их⁴. «В справедливой войне, когда солдат защищает свою Родину, всегда присутствует необыкновенный духовный подъем, взлет патриотических чувств, какая-то особая любовь и нежность к родному дому, которому угрожает опасность»⁵, - отмечал В.Кондратьев.

XX век явился качественно новым этапом в истории человеческих войн, когда, с одной стороны, одним из решающих факторов, обеспечивающих победу, оказалась техника; с другой, - в орбиту военных действий стали вовлекаться многие страны и народы, были развязаны две мировые войны. Казалось бы, в таких условиях человек действительно превращается в ничтожный винтик безжалостной военной машины. И тем не менее, современная война «так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без сознательного и инициативного солдата и матроса невозможен успех в современной войне»⁶. Здесь выступает на первый план роль человеческого фактора, что в полной мере проявилось в годы Великой Отечественной войны советского народа против фашизма.

Обращение к такому специфическому явлению как война требует рассмотрения важного методологического принципа, имеющего первостепенное значение при изучении личности в экстремальных обстоятельствах. Это сформулированное в философии немецкого экзистенциализма понятие пограничной ситуации. Согласно теории М.Хайдеггера, единственное средство вырваться из сферы обыденности и обратиться к самому себе - это посмотреть в глаза смерти, тому крайнему пределу, который поставлен всякому человеческому существованию⁷. Под существованием имеется в виду прежде всего духовное бытие личности, ее сознание. По К.Ясперсу, с точки зрения выявления экзистенции (то есть способности осознать себя как нечто существующее) особенно важны так называемые пограничные ситуации: смерть, страдание, борьба, вина. Наиболее яркий случай пограничной ситуации - бытие перед лицом смерти. Тогда мир оказывается «интимно близким». В пограничной ситуации становится несущественным все то, что заполняет человеческую жизнь в ее повседневности, индивид непосредственно открывает свою сущность, начинает по-иному смотреть на себя и на окружающую действительность, для него раскрывается смысл его «подлинного» существования»⁸. Эти выводы не абсолютны и не бесспорны, но в то же время нельзя не отметить, что чувства и поведение человека в минуту опасности обладают значительными особенностями по сравнению с эмоциями и действиями в обыденной ситуации и могут раскрыть свойства его личности с совершенно неожиданной стороны.

Рассмотрим механизмы и условия формирования духовного облика в военное время.

Все основные, базисные элементы духовного облика формируются еще в мирный период, а война лишь выявляет их с наибольшей определенностью, акцентирует те или иные качества, связанные с условиями военного времени. Вместе с тем, специфика этих условий вызывает к жизни новые качества, которые не могут возникнуть в мирной обстановке, а в военный период формируются в максимально короткий срок. Однако эти черты и свойства очень сложно разделить по времени и условиям формирования, и речь, скорее, может идти о превращении качеств, единичных по своим проявлениям в условиях мирной жизни, в массовые, получающие самое широкое распространение в условиях войны. «Только в бою испытываются все качества человека, - говорил в одном из своих выступлений легендарный комбат Б.Момыш-улы. - Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего незадеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека или проявляется во всей полноте только в бою... В бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества»⁹. Высшие проявления человеческого духа, довольно редкие в обычных обстоятельствах, становятся поистине массовым явлением в обстоятельствах чрезвычайных. Примером тому - массовый героизм советских людей в годы Великой Отечественной войны. В то же время, в чрезвычайных условиях выявляются не только лучшие, но и худшие человеческие качества, которые могут приобретать в них принципиально иное значение: например, слабость характера, несмелость, вызывающая незначительную уступку в обычной жизненной ситуации, может обернуться трусостью и предательством во время войны. В периоды «бедствий народных» как положительные, так и отрицательные качества людей проявляются в гипертрофированном виде, ввиду того, что поступки оцениваются по иному, завышенному нравственному критерию, который диктуется особыми условиями жизни. Однако одновременно с этим широкое распространение имеет формула «война все спишет», которая используется для оправдания безнравственных поступков и перекладывает всю ответственность с индивида на объективные условия действительности.

Духовный облик социального субъекта, имеющего собирательный характер, массовое выражение, так или иначе проявляется через мироотношение и качества отдельных личностей. Многократно повторяясь, варьируясь в разных условиях, они выступают как типичные, присущие всей социальной общности, а те или иные исключения являются подтверждением правила. Восприятие окружающего мира индивидуально для каждого человека, в этом - уникальность личности, неповторимость любого человеческого «я». Но существуют

группы людей, которым свойственны те или иные общие черты психологии. Это специфика разных социальных, национальных и половозрастных категорий, которая имеет место в любых исторических условиях.

Одним из исходных методологических принципов исторической психологии является признание исторической изменчивости и социальной обусловленности человеческого сознания и психики, духовного мира людей. «Жизненный путь человека, - отмечает Б.Г.Ананьев, - это история формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения»¹⁰. Влияние «среды» в формировании исторических типов личности отмечалось уже давно. Культурологические теории, например, различают собственно личность как продукт индивидуальной адаптации к внешним ситуациям и ее общую «базу», которая проявляется с детства под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе, национальности, социальному классу¹¹. Отсюда - логичный вывод о возникновении общих для личности определенного исторического периода форм сознания и способов социального поведения. Известный психолог А.Н.Леонтьев подчеркивает, что изучение форм общественного сознания - это «анализ бытия общества, свойственных ему способов производства и системы общественных отношений», а изучение индивидуальной психики - это «анализ деятельности индивидов в данных общественных условиях и конкретных обстоятельствах, которые выпадают на долю каждого из них»¹². Для нас интересны оба феномена - формирование массового сознания в конкретно-исторических условиях и особенности сознания индивидуального, сложившегося под воздействием общих исторических процессов, происходящих в обществе и на базе личностного жизненного опыта. Характерной особенностью психического развития человека является то, что исторические процессы выступают не «фоном», на котором разыгрываются сюжеты психической жизни, а тем, что содержательно порождает их¹³.

Помимо влияния социально-демографических факторов, существуют внешние факторы, воздействующие на сознание многих людей, оказавшихся в сходных жизненных ситуациях, они также вырабатывают у них характерные особенности психологии. Во время войны главные различия такого рода имеются у тех, кто работает в тылу, и тех, кто непосредственно воюет с врагом. Среди последних, в свою очередь, можно выделить несколько значительных категорий с присущими им особенностями. Разный отпечаток на сознание накладывает жизнь на фронте (в армии, на флоте) и во вражеском окружении (в партизанском отряде, в подполье, в разведке). В армии некоторые особенности психологии можно выделить у представителей различных родов войск, у рядового и командного состава.

Формирование и развитие духовного облика армии в ходе войны зависит от целого ряда факторов, среди которых определяющее значение имеет характер военных действий. Очевидно, что душевное состояние сражающихся масс не может быть одинаково стабильным во время отступления, в период обороны и в ходе успешных наступательных операций. «Ежели вся армия ... отступает, тут такого настроения, которое бывает, когда все идут вперед, быть не может. Тут уже на каждом шагу вы встретите настроение до известной степени подавленное... Когда армия отступает, ... нужна дисциплина во сто раз большая, чем при отступлении, потому что при наступлении все рвутся вперед»¹⁴. Еще Наполеон заметил, что у солдат наступающей армии раны заживают быстрее, чем у солдат отступающей. В то же время, на разных фронтах в один и тот же момент может складываться разная боевая обстановка, и воздействие этих «местных» условий по своему значению ничуть не меньше, чем общих итогов военного положения всей армии на данный момент. Напротив, гораздо больше, так как солдат рискует жизнью на своем конкретном участке и степень риска мало зависит от того, что происходит на других. Хотя известие об успехах или неудачах одной из частей неизбежно влияет на моральный дух армии в целом, - разумеется, в зависимости от масштабов событий.

Много также зависит от места ведения боев. Различные чувства испытывает солдат, когда с оружием в руках защищает родную землю, свой дом, свою семью, когда освобождает затем от порабощения другие народы и, наконец, победоносно завершает войну на вражеской территории. На каждом таком этапе отдельные черты его духовного облика выступают на первый план, приобретая роль психологической доминанты, а с изменением обстоятельств утрачивают ее, уступая место другим. В данном случае в качестве примера берется та из противоборствующих сторон, перед которой стоят справедливые, освободительные задачи. У агрессоров, преследующих откровенно захватнические цели, морально-психологическое состояние будет иным и во время побед, и в периоды поражений: как уже отмечалось выше, содержание и проявление духовного фактора воюющих сторон решающим образом определяется причинами, целями и характером конкретной войны. Тот, кто сражается из хищнических побуждений, может быть храбрецом, но не героем. Храбрость - понятие из области психологии, тогда как подвиг и героизм - категории, прежде всего, нравственные.

Ядром личности как социального субъекта являются мировоззренческие установки, ценности и идеалы, которыми, в первую очередь, определяется социальная направленность субъекта. В экстремальных ситуациях, таких, как война, эти базовые элементы структуры личности проходят испытание практикой. Именно с мировоззренческими установками, ценностями и идеалами связаны основные нравственные принципы личности, которым, в свою очередь, соподчинены социально-психологические качества. Четких границ между разными уровнями качеств духовного облика нет, все они тесно связаны между собой, существуют близкие и переходные их формы. Вместе с тем, между иерархическими уровнями структуры личности могут быть рассогласования и противоречия, и далеко не всегда мировоззренческие установки соответствуют нравственным принципам и качествам, так же как те и другие вовсе не обязательно реализуются в поступках людей. Для полного единства всех трех уровней личностной структуры и их реализации в жизни нужна еще

определенная совокупность социально-психологических качеств, прежде всего, сила характера, волевые качества и т.д. Вместе с тем, положительные социальные качества, такие, как развитая волевая сфера, не предопределяют автоматически положительную направленность личности. Напротив, в этом случае, при антисоциальных мировоззренческих установках и моральной беспринципности, направленность личности может приобретать асоциальный характер. Исходя из этого анализа, можно выявить три основных источника такого явления, как предательство, которое совершается либо по убеждению, либо из-за нравственной беспринципности, либо, наконец, по малодушию, трусости, слабости характера и т.п. Впрочем, здесь возможно соединение нескольких причин, но при этом одна из них всегда является доминирующей.

Противоречивость воздействия специфических условий войны на духовный облик социального субъекта сказывается в течение длительного периода после ее окончания. Не будет преувеличением сказать, что война накладывает отпечаток на сознание и, соответственно, поведение людей, принимавших непосредственное участие в вооруженной борьбе, на всю их последующую жизнь - более или менее явно, но несомненно.

На первый план встает вопрос адаптации, «привыкания» к мирной жизни, перестройки психики «на мирный лад». На войне и, прежде всего, на фронте все значительно проще, четче и определеннее. Ясно, кто является врагом и что с ним нужно делать. Быстрая реакция оказывается залогом собственного спасения: если не выстрелишь первым, убьют тебя. После такой фронтовой «ясности» конфликты мирного времени, когда «противник» формально таковым не является и применению по отношению к нему привычных методов борьбы запрещено законом, такие конфликты бывают на первых порах сложны для психологического восприятия. Людям, у которых выработалась мгновенная, обостренная реакция на любую опасность, в постоянном напряжении были нервы (что не могло не сказаться после войны), а в сознании утвердились переосмысленные жизненные ценности и иное, чем у людей «гражданских», отношение к действительности, своего рода «фронтовой максимализм», в конфликтах мирного времени трудно сдерживать себя, проявлять гибкость, уступчивость, идти на компромиссы. Непримируемость в большинстве случаев становится у них одной из отличительных черт характера.

Если армейская жизнь как таковая требует подчинения воинской дисциплине, беспрекословного выполнения приказов, что в какой-то мере является подавлением воли солдата, то условия войны, сохраняя дисциплину как основу армии, в то же время вырабатывают такие качества, как инициативность, находчивость, смекалка, способность принимать самостоятельные решения в сложной ситуации, - без этого просто не выжить в экстремальных обстоятельствах. Таким образом, с одной стороны, воспитывается исполнитель, привыкший к подчинению и четкому распорядку, к казенному обеспечению всем необходимым, при отсутствии которых он чувствует себя растерянным и в какой-то степени беспомощным. Например, при массовых послевоенных демобилизациях, проходящих обычно в тяжелых условиях разрухи. С другой стороны, формируется сильный, независимый характер, волевая личность, способная принимать решения, независимые от авторитетов, руководствуясь реальной обстановкой и собственным боевым опытом. Такие люди зачастую оказываются «неудобными» для любого начальства в мирной обстановке. «Как это ни парадоксально, - отмечает фронтовик Ю.П.Шарапов, - но война была временем свободы мысли и поступков, высочайшей ответственности и инициативы. Недаром Сталин и его пропагандистская машина так обрушились на послевоенное поколение - поколение победителей»¹⁵.

Особые трудности возвращения к мирной жизни испытывают те, кто до войны не имел никакой гражданской профессии и теперь оказывается «лишним», никому не нужным, чужим. Пройдя такую суровую школу жизни, имея боевые заслуги, вдруг оказаться ни на что не годным, учиться заново с теми, кто значительно младше по возрасту и особенно жизненному опыту, - болезненный удар по самолюбию. Еще обиднее обнаружить, что твое место занято «тыловой крысой», отлично устроившейся в жизни, пока солдат на фронте проливал свою кровь. «Когда мы вернулись в войны, я понял, что мы не нужны», - с армейской прямотой выразил свои ощущения поэт Борис Слуцкий. Далеко не каждый это понял, но почувствовали многие.

Необычайно острую психологическую драму испытывают инвалиды и те, кто потерял близких и лишился крыши над головой. После Великой Отечественной это проявилось особенно сильно еще потому, что государство не слишком заботилось о своих защитниках, пожертвовавших ради него всем и ставших теперь «беспольными». «Бывших пленных из гитлеровских лагерей перегоняли в сталинские. Инвалиды выстаивали в долгих очередях за протезами, наподобие деревяшек, на которых ковыляли потерявшие ногу под Бородино. Самые изувеченные собирали в колониях, размещенных в глухих, дальних углах. Дабы не портили картину общего процветания»¹⁶, - с горечью вспоминает В.Кардин.

Другая трудность - это возвращение заслуженного человека к будничной, серенькой действительности при осознании им своей роли и значимости во время войны. Не случайно ветераны Великой Отечественной, которые в войну мечтали о мирном будущем, вспоминают ее теперь как то главное, что им суждено было совершить, независимо от того, кем они стали «на гражданке», каких высот достигли. «Мы гордимся теми годами, и фронтовая ностальгия томит каждого из нас, и не потому, что это были годы юности, которая всегда вспоминается хорошо, а потому, что мы ощущали себя тогда гражданами в подлинном и самом высоком значении этого слова. Такого больше мы никогда не испытывали»¹⁷, - говорил В.Кондратьев. Чем сильнее была житейская неустроенность, чиновное безразличие к тем, кто донашивал кителя и гимнастерки, тем с большей теплотой вспоминались фронтовые годы - годы духовного взлета, братского единения, общих страданий и

общей ответственности, когда каждый чувствовал: я нужен стране, народу, без меня не обойтись. «Больно и горько говорить о поколении, для которого самым светлым, чистым и ярким в биографии оказалась страшная война, пусть и названная Великой Отечественной»¹⁸.

Жизненный опыт тех, кто прошел войну, сложен, противоречив, жесток. «Иногда человеку кажется, - писал К.Симонов, - что война не оставляет на нем неизгладимых следов, но если он действительно человек, то это ему только кажется». Каким же образом проявляются в мирной жизни качества, сформировавшиеся в войну? Мы уже отмечали, что особенно на первых порах бывшие солдаты подходят к мирной жизни с фронтовыми мерками. Когда, наконец, происходит осознание того, что это не всегда допустимо, у определенной части людей возможны душевные надломы, срывы, ожесточение. Некоторые начинают «приспосабливаться», стараясь не выделяться из общей массы. Другие остаются «бойцами» на всю жизнь, их смелость в новых условиях проявляется как принципиальность, решительность, зачастую - бескомпромиссность. И все же можно поставить вопрос о таком явлении, как послевоенное «потерянное поколение». По словам В.Кондратьева, оно не столько социального, сколько психологического и даже физиологического свойства. «Четыре года нечеловеческого напряжения всех физических и духовных сил, жизнь, когда «до смерти четыре шага». Естественная, обычная реакция организма - усталость, апатия, надрыв, слом... Это бывает у людей и не в экстремальных ситуациях, а в обыкновенной жизни - после напряженной работы наступает спад, а здесь - война...»¹⁹ Фронтвики и живут меньше, и умирают чаще других - от старых ран, от болезней. Война достигает их, даже если когда-то дала отсрочку. Рано или поздно она достигает всех.

Парадоксально, что «нечеловеческие условия войны», которые, казалось бы, по самой своей природе должны вытравлять из людей все человеческое, выявляют такие лучшие качества, как верность, преданность, умение дружить. Чувство товарищества, фронтовое братство, в основе которых лежат особая чуткость и душевная теплота, - удивительный психологический феномен, сохраняющийся, как правило, и в послевоенной жизни. «Помню, как мучила долго тоска, тоска по тем людям, с которыми войну прошла, - вспоминает бывшая радистка-разведчица Н.А.Мельниченко. - Как будто из семьи вырвалась, родных людей бросила. Смее утверждать, что тот, кто прошел войну, другой человек, чем все. Эти люди понимают жизнь, понимают других. Они боятся потерять друга, особенно у разведчиков это чувство развито, они знают, что такое потерять друга. Ты где-то бываешь и сразу чувствуешь, что это фронтовик. Я узнаю сразу»²⁰.

И, наконец, последнее. В подавляющем большинстве те, кто испытал на собственном опыте всю тяжесть и ужасы войны, не может сознательно желать ее повторения. Примером тому - присоединение значительного числа бывших ее участников, особенно из среды рядового и младшего офицерского состава, к антивоенному движению. «Пушечное мясо», в отличие от генералитета, видит войну в самых жестоких ее проявлениях и для него гораздо более характерны пацифистские настроения, чем для высших военных кругов. Война сама порождает протест против войны в сознании рядовых участников, каждый из которых в той или иной степени является ее жертвой.

Подведем некоторые итоги. Победа в войне зависит от собственно военных, экономических и социально-политических факторов. В их взаимодействующей совокупности важнейшую роль играет моральный фактор - единство духовных сил народа и армии. Сердцевину морального фактора составляет моральный дух той части народа, которая непосредственно ведет вооруженную борьбу. «Во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь»²¹.

Доминирующая в структуре духовного облика на протяжении довольно длительного периода роль целого комплекса социально-психологических качеств, необходимых в условиях вооруженной борьбы, не может не сказаться на всей последующей жизни активных ее участников. Для молодых людей, вступивших в войну в незрелом возрасте, именно она, как правило, оказывается основным фактором, окончательно формирующим их личность. Можно сказать, что война создает целое поколение, отличающееся совокупностью особых социально-психологических характеристик или силой их проявления.

Что же такое «фронтовое поколение» и насколько точен этот термин, прочно утвердившийся в публицистике, но не слишком решительно вводимый в научный оборот? Совершенно очевидно, что «фронтовое поколение» нельзя представлять себе как некий монолит. Оно не было единым, как любое поколение людей с разными взглядами, чувствами, судьбами, но прежде всего потому, что само включало в себя несколько поколений. Это понятие можно рассматривать как в широком смысле слова, так и в более узком. В первом случае, фронтовое поколение объединяет вообще всех фронтовиков и здесь возрастной диапазон колеблется от 17 до 50 лет, что показывает довольно искусственный характер применения к ним понятия «поколение». В самом деле, можно ли причислить к одному поколению людей только потому, что им всем пришлось стать современниками какого-либо исторического события? Хотя, несомненно, общность судеб на определенном и весьма важном временном отрезке позволяет рассматривать их в единстве. Существует довольно распространенная точка зрения, согласно которой принадлежность к «поколению победителей» определяется не возрастными категориями, а «исключительно участием в битве за свободу и независимость нашего Отечества»²². Но тогда называть этих людей «поколением» можно лишь символически.

Другой подход предполагает выдвижение более четкого критерия, согласно которому к фронтовому поколению можно отнести тех, для кого именно война и участие в ней стали главным фактором становления их сознательной личности, фактором, наложившим на эту личность особый отпечаток в значительно большей

степени, чем у других участников войны. «Жизненный опыт, добытый годами войны, чем-то очень существенно отличается от всякого другого жизненного опыта. Молодые люди тогда выросли (я имею в виду духовную сторону этого понятия) за год, за месяц, даже за один бой»²³, - писал К.Симонов. Итак, согласно второму подходу, фронтовое поколение - это прежде всего молодые люди, вступившие в войну 18-20-летними, предшествующий жизненный опыт которых не мог оказать на них доминирующее воздействие по сравнению с тем, который они приобрели уже в ходе войны. «Мальчишки - хребет победы»²⁴, как назвал их В.Кондратьев. Впрочем, в этой книге мы не можем ограничиться анализом психологии только одной возрастной категории фронтовиков: война в той или иной степени «отметила» всех, кому пришлось ее пережить и, тем более, в ней участвовать, какими бы разными ни были эти люди. Но, рассматривая духовный облик защитников Родины в целом, мы считаем необходимым подчеркнуть, что основу фронтового поколения составила именно молодежь.

2. «Летопись боя, хроника чувств»: вопросы источниковедения военно-исторической психологии

Теперь, когда мы выяснили, что представляет собой духовный облик и определили основные параметры воздействия на сознание условий военного времени, возникает вопрос: на основании каких источников можно проследить все эти явления и процессы, выявить особенности духовного облика различных представителей фронтового поколения? Рассмотрим источниковедческие проблемы сначала в методологическом аспекте, а затем уже в более конкретном.

Человек - творец истории. И не только потому, что она есть продукт человеческой деятельности, творчества народных масс, что история человечества складывается из человеческих судеб. Независимо от стремления к объективности познания, каждый исследователь, изучающий прошлое, неизбежно привносит в представление о нем что-то свое, в соответствии с собственным жизненным опытом и психологией своей эпохи. Поэтому, быть может, самое главное для историка - попытаться понять своих предшественников, почувствовать то, что чувствовал творец источника в момент его создания.

Традиционно историко-психологические исследования строились на изучении памятников культуры как основного источника по истории духовной жизни прошлого. Для выявления духовного облика эпохи использовались произведения художественного творчества, памятники литературы и изобразительного искусства, «ибо их питали те же образы и символы, которые пронизывали все мирозерцание эпохи»²⁵. Иногда привлекались этнографические данные - преимущественно для сравнительного метода и реконструкции прошлого на основе его следов и остатков, сохранившихся в позднейших обществах; с другой стороны, эти материалы как бы дополняли письменные источники, большинство из которых принадлежало верхушке общества и отражало интеллектуальную и эмоциональную жизнь определенных социальных слоев, в то время как в произведениях устного народного творчества и элементах обрядовой культуры выразился духовный мир необразованной, а потому «молчащей» массы общества²⁶. Подобный выбор источников вполне объясним: изучался в основном духовный мир людей древних обществ, средневековья, эпохи Возрождения, значительно реже - нового времени. Соответственно и круг источников был довольно ограниченным: чем дальше вглубь истории пытается заглянуть исследователь, тем труднее ему «вызвать на откровенность тени предков».

Для изучения особенностей духовного мира своих современников или людей сравнительно недавнего прошлого возможностей гораздо больше. Информация существует уже не только в закодированной форме, но и в виде прямых свидетельств - рассказов и размышлений о себе и своем поколении. Основными источниками становятся документы личного происхождения - дневники, письма, мемуары, при анализе которых необходимо учитывать социальную обусловленность мышления их создателей и различать три уровня отражения духовных процессов: общие представления эпохи, идеи и представления той социальной общности, к которой принадлежит автор, и, наконец, его собственное, индивидуальное отношение к действительности. К мемуарам примыкает и совершенно особая категория источников - устные воспоминания, которые существуют до тех пор, пока жив человек - носитель памяти об исторических событиях. Иногда рассказы такого рода передаются из поколения в поколение и приобретают характер семейных преданий, в которых по истечении времени трудно выявить первоначальную основу и позднейшие добавления. Но, несмотря на это, они являются уникальным источником по изучению исторических типов духовного облика.

Сохранилось множество источников, в которых отображена духовная деятельность людей и при работе с которыми принято всячески подчеркивать их субъективность. Здесь мы подходим к важнейшей методологической проблеме - необходимости преодоления давно сложившегося стереотипа, согласно которому субъективность исторического источника, независимо от вида и характера исследования, в котором он используется, воспринимается как недостаток, часто отождествляется с понятием «недоверности» источника²⁷. Эту проблему следует рассматривать в нескольких аспектах: прежде всего, сама субъективность источника является отражением объективного процесса его создания и последующего существования. Затем следует поставить вопрос о субъективном содержании источника и его объективной значимости. Но мы остановимся на другой стороне проблемы: значение субъективности исторического источника для освещения определенных тем, связанных с вопросами исторической психологии.

Распространенная в субъективно-идеалистической философии идея о внутренней сути человека как основном предмете философского исследования привела многих ученых к обоснованному выводу о том, что в

исследованиях нуждается феномен самой человеческой субъективности. И этот тезис вполне укладывается в материалистическое понимание истории. Ведь «История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она не сражается ни в каких битвах!»! Не «история», а именно человек, действительный, живой человек - вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История - не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»²⁸, - писали К.Маркс и Ф.Энгельс в «Святом семействе». Так что же такое человеческая субъективность? М.А.Барг, например, определяет ее как «практическую, духовную, нравственную вооруженность индивида в процессе взаимодействия с объективным миром людей и вещей»²⁹ и подчеркивает, что «именно включение интеллектуальных и эмоциональных сил в акт материального и духовного производства есть ключ к искомому ответу на вопрос о роли человеческой субъективности в истории»³⁰. Изучение этих интеллектуальных и, в особенности, эмоциональных сил является одной из задач исторической психологии.

Вообще говоря, ни один вид источника нельзя считать бесполезным, непригодным для научного исследования. Вопрос заключается в том, для какого исследования тот или иной источник является наиболее адекватным, какие проблемы на его основе раскрываются наиболее полно и ярко. Даже те качества, которые традиционно считаются негативными, - недостоверность источника, искажение фактов, тенденциозность, действительно мешающие установить истину, чисто фактологическую сторону явления или процесса, вместе с тем сами могут стать предметом самостоятельного исследования и послужить источником по изучению социальной психологии, особенностей мировоззрения автора документа и той социальной общности, к которой он принадлежит. Разного рода заблуждения, намеренное умалчивание о каких-либо событиях или откровенная ложь могут иногда сказать об эпохе и ее психологическом климате больше, чем самые скрупулезные подсчеты статистики. Поэтому у историка не должно быть пренебрежительного отношения ни к одному виду источника. Просто они в разной степени соответствуют конкретным задачам его исследования, а некоторые могут быть плодотворно использованы на других научных направлениях. Впрочем, иногда из-за недостатка информации по интересующему его вопросу исследователь вынужден обращаться к источникам, которые в какой-то мере могут восполнить этот пробел, но по своему характеру не совсем подходят к данному исследованию. В таких случаях требуется особое внимание к используемым документам и углубленный источниковедческий анализ с учетом их специфики, чтобы качество полученной информации было равноценно свидетельствам основных видов источников.

Мы не ставили перед собой цель показать все виды источников, которые могут быть использованы в работе по исторической психологии. Наша задача заключается в том, чтобы рассмотреть те из них, которые более всего соответствуют интересующему нас предмету исследования - духовному облику фронтального поколения. Источники по его изучению можно классифицировать следующим образом:

1) Источники, освещающие духовный облик «изнутри», - письма, дневники, воспоминания, то есть источники личного происхождения;

2) Источники, отражающие универсалии и стереотипы массового сознания, - например, фольклорные произведения;

3) И, наконец, источники, с одной стороны, формирующие стереотипы массового сознания, а с другой, - с разной степенью объективности фиксирующие деятельность и поступки людей, через которые проявляется их духовный облик. Для Великой Отечественной войны это, прежде всего, листовки, фронтовая армейская печать, публицистика, политсводки и политдонесения.

Последней категории источников, в значительной мере являющейся порождением пропагандистской машины, принадлежит ведущая роль в создании героических символов.

Рассмотрим наиболее важный массив источников по нашей теме. Это источники личного происхождения - письма, дневники, воспоминания участников Великой Отечественной войны.

Главная особенность мемуаров и переписки - их субъективность. В описании фактов проявляются индивидуальные качества автора, его мировоззрение и политические взгляды. Связанная с этим специфика в изложении событий, в характеристике людей определяется как субъективность, то есть личное мнение автора³¹. Такое определение субъективности дает В.С.Голубцов. Однако, на наш взгляд, это слишком узкое ее понимание, не включающее ни индивидуальной формы отражения действительности автором документа, ни многообразного спектра его переживаний. Значение мемуарных и эпистолярных источников очень велико, и дело даже не в том, что по целому ряду вопросов они служат единственным свидетельством. М.Н.Покровский писал по этому поводу: «В особенности ценными являются всякого рода воспоминания, дающие тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятыми или понятыми неправильно. Непосредственные свидетели возникновения документа могут лучше истолковать его букву, нежели люди, подходящие к документу через ряд лет с настроениями и представлениями, которых не было ни у кого в ту минуту, когда документ возник»³². Источники личного происхождения играют первостепенную роль в воссоздании «живого образа человека» в его неповторимой индивидуальности, дают возможность восстановить атмосферу эпохи, психологический фон событий, без которых немислимо и само их понимание. Именно эти источники позволяют приоткрыть внутренний мир своих создателей, сделать изучение событий прошлого живым, эмоциональным.

«Основным источником переписки и мемуаров является память. Она аккумулирует человеческий опыт, сохраняет традиции - в этом ее достоинство. Воспроизводится по памяти в первую очередь то, что необходимо в человеческой деятельности, а это связано с процессами мышления, с целенаправленной деятельностью человека»³³. Запоминается подчас не все существенное; на первый план могут выступать разрозненные и даже случайные факты, а события более значительные - упущены, что-то может быть привнесено автором позднее, на основании других впечатлений, или просто придумано, но тем самым эти источники являются характерным отображением духовной деятельности людей, свидетельством особенностей все той же человеческой психики. Исследования психологов показывают, что наиболее значительные и важные для себя события человек запоминает в первую очередь, наиболее правильно и точно; то, что произвело на него наибольшее впечатление и было связано с более или менее сильными чувствами, сохраняется в памяти в течение продолжительного времени³⁴. То есть процесс запоминания связан, прежде всего, с эмоциональным восприятием событий. Сами мемуаристы нередко подчеркивают сложности, с которыми сталкиваются, когда вспоминают прошлое. «Странная это вещь, память, избирательная, - размышляет фронтовик Мансур Абдулин. - Картинку, например, помнишь до подробностей, звуки помнишь, запахи и, что интересно, мысли, которые в тот миг думались, помнишь... А название места забыл! Или неправильно его произносишь. Или дата не та!.. Но вот что тяжелей: ведь все, о чем я пишу, мне надо пережить заново, и у меня от этого «заново» стало побаливать сердце. Я могу записать «солдатский дневник», как он есть во мне, только через свои собственные ощущения. Может быть, мои товарищи гвардейцы и фронтовики узнают в этом описании и себя самих, и свои чувства в те дни...»³⁵

В той же связи особое место занимают так называемые «лирические отступления», время от времени прерывающие изложение событий, - это размышления, описания мыслей, чувств, впечатлений, личные оценки автора по поводу происходящего в окружающей его действительности. Что может быть субъективнее, чем этот своего рода «источник в источнике», весьма своеобразный элемент в и без того сложной структуре мемуарной и эпистолярной литературы?! И тем не менее, именно эта часть источника является наиболее значимой в раскрытии и освещении духовного облика отдельного человека, а совокупность такого рода материалов дает возможность широкого обобщения, создания образа целого поколения, жизнь и деятельность которого пала на определенный отрезок времени. В этом смысле источники периода Великой Отечественной войны выделяются особо не только потому, что своеобразие исторических условий, в которых они создавались, наложило отпечаток как на форму, так и на содержание этих документов (это закономерное явление, так как любой исторический источник является носителем социальной информации, продуктом своего времени), но и потому, что влияние событий Великой Отечественной войны определило целый исторический период в развитии духовной атмосферы советского общества, необычайно сильно отразилось в индивидуальном и массовом сознании всего населения нашей страны, а источники личного происхождения, как самый интимный, и потому отличающийся высокой степенью достоверности вид документов, наиболее ярко воплотили в себе черты этого сознания во всей его многогранности, сложности и противоречивости. Обратимся к словам К.Симонова, подчеркивавшего огромную важность записи и сохранения воспоминаний о войне - «живой» памяти и «живой» истории: «Для того, чтобы выработать какой-то взгляд на войну, надо ее знать. Для того, чтобы сказать о ней правду, надо знать взгляды разных людей, которые участвовали в ее событиях... Мы окажемся тем ближе к правде, чем больше будем разговаривать с людьми, которые участвовали в войне, докапываясь до их индивидуальной правды, точки зрения на войну, то есть до собственного рассказа человека о том, что он видел, чувствовал, переживал, как он смотрел на вещи, как он считал тогда, - это особенно важно постараться восстановить - как он считал тогда!.. Мне кажется, что нужно как можно больше знать о войне и искать правду на скрещении разных точек зрения»³⁶.

Основополагающим принципом исторической психологии, выдвинутым французскими историками школы «Анналов», является осознание и понимание эпохи, исходя из нее самой, без оценок и мерок чуждого ей по духу времени³⁷. Бросается в глаза близость этого принципа одному из положений ранней философской герменевтики, в особенности, «психологической герменевтики» В.Дильтея, тесно связанной с традициями немецкой романтической философии. Это идея непосредственного проникновения в историческое прошлое, согласно которой «понимание» как метод познания духовных явлений характеризуется способностью исследователя «вживаться» в изучаемую эпоху, поставить себя на место создателя источника и таким образом понять смысл исторического явления³⁸. На основе данной идеи строится метод психологического реконструирования (переживания), то есть интерпретация исторических текстов путем воссоздания внутреннего мира их автора, проникновения в ту историческую атмосферу, в которой они возникали, с максимальным приближением к конкретной психологической ситуации. Позднее под методом психологической реконструкции стали понимать восстановление определенных исторических типов поведения, мышления, восприятия и т.д., основанное на интерпретации памятников духовной и материальной культуры; своего рода «психологическую палеонтологию»³⁹, и признали этот метод как основной для психолого-исторического исследования.

Убеждение в том, что для понимания истории главное - проникнуть в субъективный мир исторических персонажей, характерно для многих писателей, пишущих на исторические темы. Но это в значительной степени проявление их творческой интуиции: художественное освоение области исторической психологии вообще началось гораздо раньше, чем научное. Норвежская писательница Вера Хенриксен так говорит о своем творчестве: «Что такое исторический роман? Это попытка вжиться в определенный период, понять людей,

живших в то время, и таким образом совершить психологическое путешествие в прошлое. Однако это не будет абсолютной правдой о том времени и тех людях. Это, скорее, то, что исследователи называют «моделью» - картина общества и человека, какими они, по-видимому, были. Порой с помощью этой модели можно намеренно пробить брешь в общепринятых понятиях и помочь людям поставить определенные вопросы...»⁴⁰ Последнее особенно важно.

Интересно, что принцип «взгляда на прошлое из прошлого» действует и там, где речь идет о событиях, пережитых самим автором и описываемых им какое-то время спустя. «Я стараюсь писать «из того времени», - признавался Вячеслав Кондратьев, - и мой герой не должен знать то, что знаю я сегодня, как автор. Иначе будет неправда»⁴¹. Такого же понимания историзма придерживался и Константин Симонов, когда работал над собиранием и записью «солдатских мемуаров»⁴². Для историков такой подход к прошлому - явление сравнительно редкое. Тем любопытнее пример английского исследователя Макса Хастингса, который в своем труде «Оверлорд», посвященном открытию второго фронта во Второй мировой войне и основанном на воспоминаниях участников событий, прямо признается в том, что «пытался мысленно совершить прыжок в то далекое время», что, по его мнению, очень важно для написания книг подобного рода⁴³. Он даже намеренно смоделировал сходную ситуацию, приняв участие в учениях английского военно-морского флота, и считает, что полученный при этом опыт раскрыл ему «нечто новое о природе сражения и о том, как ведут себя солдаты в бою»⁴⁴. Не менее интересной является попытка автора мысленно поставить себя на место противника и взглянуть на войну с «чужой стороны». «Я пытался беспристрастно описать переживания немецкого солдата, не касаясь всей одиозности того дела, за которое он сражался»⁴⁵, - пишет М.Хастингс. И это классический пример «психологического вживания» исследователя во внутренний мир исторического субъекта.

Мемуары, в отличие от писем и дневников написанные по прошествии часто довольно длительного срока и рассматривающие события прошлого «через призму времени», подчас с изменившихся позиций, что ведет к определенным искажениям ввиду невозможности всецело восстановить подлинные мысли и ощущения давно минувшего, сохраняют, тем не менее, яркую эмоциональную окраску в повествовании и оценках и позволяют воссоздать образ одного человека в разные периоды его жизни - в тот, о котором идет речь в воспоминаниях, и тот, когда эти воспоминания создавались. А выборочность как свойство памяти, сохраняющей то, что в свое время оставило в сознании глубокий след, приводит опять-таки к возможности обобщения, к созданию некоего символа, что вплотную подводит к вопросу формирования представлений об идеальной личности в разные исторические эпохи, - к явлению все той же исторической психологии. Это явление имеет непосредственное отношение и к проблеме духовного облика как в этическом, так и в историческом аспекте.

Здесь будет уместно вспомнить о другой позиции, преобладающей в современной герменевтике и наиболее четко выраженной Х.-Г.Гадамером, который считает, что понимание требует постоянного учета исторической дистанции между интерпретатором и текстом, всех исторических обстоятельств, непосредственно или опосредованно связывающих их, взаимодействия прошлой и сегодняшней духовной атмосферы⁴⁶. По его мнению, это не только не затрудняет, а, напротив, способствует пониманию истории. На наш взгляд, эта точка зрения несколько не противоречит первой, а лишь дополняет ее некоторыми принципиальными положениями. Исследователь должен сначала восстановить первоначальный смысл, который вкладывал в источник его создатель, а затем выразить собственное к нему отношение - с позиций своего времени и соответствующей ему системы знаний и представлений об изучаемом явлении. Здесь проходит разграничение двух понятий - понимания как познания внутренней сути предмета из него самого и объяснения как толкования этого предмета на основе индивидуально-личностных представлений исследователя и представлений, закрепленных в обществе на данном этапе развития. Соединение двух этих позиций особенно интересно прослеживается в некоторых мемуарах, когда автор, с одной стороны, пытается с максимальной полнотой и точностью восстановить свои мысли, чувства и поведение в описываемый им период, а затем выражает свое к ним отношение, сформировавшееся на протяжении ряда лет, иногда - целой жизни. Вопрос о том, «как бы я поступил сейчас, попав в подобную ситуацию», и ответ на него, содержащий иной канон поведения, ясно показывают эволюцию мировоззрения на основе сложного жизненного опыта и некоторые особенности возрастной психологии. Но и ответ, предусматривающий повторение поступка, совершенного в прошлом, вовсе не означает, что личность мемуариста и его представления о мире не претерпели никаких изменений. Это говорит, скорее, об устойчивости базисных элементов структуры данной личности и об их эволюции в пределах одной поведенческой установки, а не в переходе от одной установки к другой.

Таким образом, можно сделать вывод, что субъективности отдельных видов источников (прежде всего, источников личного происхождения) при разработке тем, связанных с воссозданием атмосферы исторической эпохи, ее психологического фона, с выявлением духовного облика поколения в целом или отдельных его представителей, является необходимым, а порой и единственным их свойством, позволяющим успешно решать указанные задачи. Внутренний мир человека - не что иное, как субъективная реальность, а изучение субъективной реальности возможно только на основе субъективных источников.

Среди писем военных лет выделяются три группы документов, авторы которых вели непосредственную вооруженную борьбу с врагом. Это письма с фронта, письма партизан и предсмертные письма-завещания узников фашистских тюрем и концлагерей. Уже в годы войны наиболее яркие из них публиковались на страницах газет и журналов, было издано несколько сборников этих замечательных документов⁴⁷. Письма,

относящиеся ко второй и третьей группе, дошли до нас в незначительном количестве, но тем ценнее эти уникальные свидетельства мужества и стойкости борцов против фашизма. Письма с фронта сохранились лучше и в отдельных случаях позволяют проследить боевой путь автора от начала войны и до победы. Но такие полные комплексы - редкая находка для историка. Даже если боец оставался жив и не выбывал надолго из строя по ранению, в сложных условиях военного времени далеко не все письма доходили по назначению. Поэтому, как правило, мы и здесь имеем разрозненные подборки документов.

Необходимо отметить, что все существующие ныне публикации фронтовых писем в достаточной степени тенденциозны, подобраны «тематически» с целевой направленностью - показать героизм и патриотизм советских людей, их высокие душевные качества. Все это, несомненно, было. Но было и другое - отрицательные настроения, отражающие трудные условия фронтового быта, усталость от постоянного риска, конфликты с начальством или товарищами по службе, наконец, естественную реакцию на поражения наших войск и т.п. Такие письма не помещали в сборниках, не выставляли в экспозициях музеев. Думается, в музеи они вообще могли попасть лишь случайно, «по недосмотру», а если уж попадали, то оставались в хранилище, недоступном для широкой публики. Такой подход нельзя назвать фальсифицированным, он понятен и в какой-то мере оправдан, но с научной точки зрения неприемлем: остается недосказанность, «фигура умолчания», жизнь человека на войне представляется односторонней, в героико-романтизированном виде. Огромный пласт документов, бесценных и искренних свидетельств остается «неподнятым», как, например, до сих пор закрытые для исследователей материалы военной цензуры в Центральном Архиве Министерства Обороны. А ведь военная цензура была озабочена не только и не столько сохранением военной тайны (место действия, дислокация частей, их нумерация и т.п.), сколько настроениями в Действующей Армии. В этом, кстати, кроется причина того, что мы оказались лишены многих духовных ценностей того времени - мыслей, оценок, стихов, которые авторы писем с фронта утаивали, удерживали в себе, зная, что им не миновать военной цензуры. Люди, без страха поднимавшиеся в атаку на врага, среди своих боялись «сболтнуть лишнее» и угодить в СМЕРШ.

Фронтовые дневники - явление довольно редкое. В Действующей Армии запрещалось ведение подобного рода записей. Очень интересно отмечается этот факт в воспоминаниях поэта-фронтовика Давида Самойлова: «Вести дневник или записывать что-либо для памяти на войне не полагалось. Информбюро постоянно цитировало дневники немецких солдат и офицеров. Я не помню публикаций наших солдатских и офицерских дневников. Даже генеральских не помню. Есть журналистские дневники - Симонова и Полевого, но это другое дело. Солдат практически и не мог вести постоянные записи. Это внушило бы подозрения, да и при очередной бесцеремонной проверке вещмешка старшина приказал бы уничтожить тетрадку или записную книжку, поскольку они не входили в список необходимого и достаточного солдатского скарба»⁴⁸. Однако, вопреки всем уставным запретам, записи такого рода все же велись и до нас дошли некоторые дневники, созданные на передовой и в партизанских отрядах. Авторами большинства опубликованных дневников являются фронтовые корреспонденты, писатели, поэты. Основная же масса этих документов хранится в семьях фронтовиков или в музейных фондах. Написанные «для себя», они отличаются большей свободой и раскованностью суждений, чем даже письма, которые обычно предназначаются для прочтения узким кругом людей, - разумеется, с поправкой на военную цензуру. Но и в дневниках, как в любом другом документе, сохраняется, - хотя и значительно слабее, - элемент самоцензуры.

Третий вид источников личного происхождения - мемуары. Как источники мемуары имеют ряд характерных особенностей. Наиболее важные из них выделены в статье С.С.Милиц⁴⁹. Так, она отмечает, что художественность - это черта, изначально присущая произведениям мемуарного характера (дневники не составляют исключения). Близость мемуаров к произведениям художественной литературы признавалась уже давно. Но при этом образность восприятия прямо отождествлялась с вымыслом⁵⁰. А ведь беллетризация является одной из составных частей характеристики мемуарных источников, не недостатком, а одной из особенностей данного вида, и степень достоверности источников мемуарного характера зависит не от склонности автора к образному мышлению, а от способности адекватно отображать современную ему действительность. Таким образом, стремление облечь изложение в художественную форму совсем не обязательно лишает источник исторической достоверности⁵¹. С проблемой художественности тесно связан вопрос о типизации. Это свойство также часто рассматривается как усугубляющее недостоверность источника, и исторической правде противопоставляется «правда вымысла». Но и в истории, и в литературоведении типизация понимается как определенное логическое обобщение действительности. «Стремление автора мемуаров к типизации связано с расширением общественных функций мемуарной литературы, с осознанием ее ценности как средства идеологического воздействия»⁵². В годы Великой Отечественной войны, в обстановке высшего подъема духовных сил советского народа мемуаристы приходят к поиску типичных ситуаций, типичных образов, к пониманию типичности своей индивидуальности, неразрывности слияния своей судьбы с судьбой страны, своего народа⁵³. С этими важными методологическими выводами можно полностью согласиться. Особое значение они приобретают для психолого-исторических исследований, так как и художественность, и типизация являются, по существу, формами выражения все той же субъективности источника.

Однако для нас наибольший интерес представляют не мемуары в собственном смысле слова, как их принято понимать, а скорее отрывочные воспоминания об отдельных боевых эпизодах, воспоминания-

размышления в форме писем ветеранов войны в редакции газет и журналов, а также записи-интервью. Избирательность памяти почти всегда выносит на поверхность то, что вызвало когда-то наиболее глубокое потрясение. И, на наш взгляд, именно эта разновидность мемуаристики выявляет наиболее яркие впечатления и события человеческой жизни, дает больше возможностей для понимания духовного облика, чем воспоминания, охватывающие иногда довольно значительный период времени, а потому «смазывающие» значение отдельных эпизодов и вызываемых ими мыслей и чувств. Еще одно целесообразное, на наш взгляд, ограничение при использовании воспоминаний для работы над проблемой - это сужение круга авторов. Поставив себе цель показать войну «из окопа», глазами непосредственных участников боевых действий, лучше всего привлекать свидетельства тех, кто прошел войну в званиях от рядового до комбата, стараясь, по мере возможности, показать представителей всей родов войск со свойственными им особенностями психологии и восприятия военной действительности. К сожалению, этот комплекс источников до сих пор в значительной мере остается нетронутым. В то время, как мемуары видных полководцев широко используются исследователями, воспоминания рядовых бойцов и офицеров младшего и среднего звена почти не упоминаются в трудах историков.

В целом, все эти виды источников, являясь по самому происхождению очень личными, сугубо индивидуальными, и в то же время, будучи источниками массовыми, характерными для своего времени, поднимаются до значения символа, создавая как в совокупности, так и каждый в отдельности, типичный образ данного поколения.

Для изучения явлений духовной сферы ценность имеют не только источники, фиксирующие те или иные конкретные события, явления или их оценки конкретными лицами, но и источники, заключающие в себе обобщенную, часто художественную оценку, и приобретающие особую ценность вследствие независимого от создателя источника широкого социального бытования. Особая ценность их в том, что в таком случае содержащиеся в них мысли и оценки приобретают характер знака, символа, определенного среза духовной реальности. Такими источниками, при всей их специфике, являются популярные песни, стихи, фольклорные произведения.

Вопрос об особенностях фронтовой поэзии и фольклора (песенного и поэтического) как исторического источника имеет несколько важных аспектов. Прежде всего, это произведения народного творчества, элементы его духовной культуры. И информация, которую они несут в себе, говорит в первую очередь об эмоционально-психологическом восприятии действительности в тот или иной период, в связи с тем или иным событием. Характерной особенностью этого вида документов является образность и широта обобщения. Исследователь, интересующийся конкретными историческими фактами или деталями событий, вряд ли сможет почерпнуть их из данного источника: искусство всегда сохраняло за собой право на условность, особенно в таких массовых видах, как народное песенное творчество. И даже в тех случаях, когда песня посвящена какому-то реальному герою, - не только в процессе ее фольклоризации, но уже в самый момент создания в текст заложена типизация образа. В ряде песен герой - историческое лицо - назван своим подлинным именем, но часто бывало, что, утратив связь с «прототипом», песня продолжала жить как рассказ о безымянном герое. С другой стороны, «момент обобщения здесь настолько силен, а действительность давала такое количество примеров подвига, что часто песня о герое без имени применялась к конкретному историческому лицу, наполнялась живыми историческими подробностями»⁵⁴. И все же в большинстве случаев в песнях, как героического, так и лирического жанра, дается собирательный образ бойца, защитника родной земли, отчего она становится близка и понятна каждому, сражающемуся с врагом, каждому, кто ждет с фронта родных и близких, - всему народу. В этом всенародном характере песен военных лет, независимо от того, солдатские они или партизанские, песни ли «полонянок», угнанных на немецкую каторгу, или матерей, жен, невест, ждущих возвращения мужчин с войны, - в этой осознаваемой всеми общности судеб советских людей заключается сила уникального исторического документа, который полнее, чем любой другой жанр фольклора, запечатлел героические дела и тяготы военной поры. Но несомненно, что ведущая роль в создании и распространении песен в годы Великой Отечественной войны принадлежала армии и партизанским отрядам, которые сосредоточили в себе лучшие, наиболее творческие силы народа. «Здесь, под влиянием героических событий, возникали новые песни, бесконечно варьировались и творчески переосмыслились в связи с боевой обстановкой песни давно знакомые»⁵⁵, отражая не столько внешнюю, сколько внутреннюю сторону событий, своего рода «психологию войны».

Остановимся только на двух, на наш взгляд, наиболее важных аспектах проблемы. Оба они связаны с процессом фольклоризации авторских текстов популярных песен, с возникновением новых вариантов старых народных песен. Дело в том, что сама по себе широкая распространенность песни свидетельствует о социальной значимости отраженных в ней мыслей, чувств, настроений. Фольклоризация таких популярных произведений может означать либо приспособление содержания песни к изменившейся обстановке, к новым историческим условиям, - через дополнение абстрактного текста конкретными деталями, соответствующими образу жизни той социальной общности, в которой данный песенный вариант возник, или через создание нового текста «по мотивам» старого на прежней или слегка измененной музыкальной основе, - либо она представляет прямую полемику с автором произведения, если содержание песни не соответствует или даже противоречит настроениям, распространенным в настоящий момент в народе. Приведем несколько примеров.

Изменение старых песенных текстов, быть может, одно из самых интересных явлений в развитии фольклора военных лет. Наиболее распространенной была замена отдельных строк и куплетов в русских народных, казачьих, старых солдатских и популярных песнях советских авторов⁵⁶. Очень часто сочинялись стихи на известные мелодии любимых песен. Известно множество вариантов стихотворных текстов на одну и ту же мелодию. Так, различные варианты старой шахтерской песни «Коногон» бытовали у представителей разных родов войск, при этом у танкистов, летчиков, моряков, артиллеристов при сохранении основы сюжета - гибели героя песни и описания горя его родных после получения известия об этом, сама сцена гибели каждый раз приводится в соответствие с реальными боевыми условиями, в которых данному роду войск приходилось действовать (см. приложение N 1 (I, 3; III, 1)).

На разных этапах войны имели распространение те песни, которые наиболее точно отражали настроения людей в связи с изменением положения на фронтах. Так, по свидетельству К.Симонова, в сорок первом это было «Напрасно старушка ждет сына домой...», в сорок втором - «Землянка», в сорок третьем - «Темная ночь», в сорок четвертом - сорок пятом - «Хороша страна Болгария...», «Эх, кабы дожить бы до свадьбы-женитьбы...» и т.п.⁵⁷ То же самое происходило и с фольклором - менялась жизнь, менялись и песни. А фольклор, как очень гибкая форма, на любые изменения «реагировал» довольно быстро. По существу, фронтовой фольклор - это песенная летопись войны. В ней, как в зеркале, отразились мысли и чувства людей, их боль и надежда. Были и другие, - не вписывавшиеся своей сермяжной правдой в систему агитации и пропаганды, зачастую спорящие с ней. Их пели в землянках в минуты затишья, переписывали в блокноты, посылали в письмах домой, инвалиды исполняли их в поездах. Они разлетались по всей стране столь же быстро, как их знаменитые и обласканные собратья. Сегодня, незаслуженно забытые, они известны лишь узкому кругу специалистов, да еще сохранились в памяти тех, кто пережил войну.

Одним из наиболее ярких примеров отражения в фольклоре горькой, ничем не приукрашенной правды военных лет, являются, на наш взгляд, песни «интимного» содержания. Так, всем известная песня «Огонек» на стихи М.Исаковского имела распространение не только в виде традиционного рассказа о девушке, верно ждущей с фронта своего жениха, но и в прямо противоположном варианте, в котором она изменяет другу и отказывает ему, когда он возвращается домой инвалидом. Подобный полемический характер имеют варианты таких песен, как «Темная ночь», «Моя любимая» и некоторых других (см. приложение N 1 (I, 1,4; III, 2)). Это свидетельствует о том, что если в песнях «официальных» на всем протяжении войны преобладали мажорные ноты, то устное народное творчество, не связанное с задачами пропаганды, очень быстро откликлось на малейшие оттенки настроений людей и непопулярные в средствах массовой информации темы предчувствия смерти, тоски по дому, осуждения женской неверности занимали в нем весьма значительное место, - очевидно, такое же, как и в самой жизни фронтовиков. Яркое тому подтверждение можно найти во фронтовом дневнике бойца Георгия Напетваридзе. 23 октября 1941 г. он записал: «Едем на фронт. Вагон набит людьми, как ларь - кукурузой. Тихо, очень тихо, так, что даже нельзя разобрать слов, а только мотив, поют. Содержание песни такое: мы едем. Впереди путь далекий и незнакомый. Потеряна жена, чужие люди увели ребенка. Едем мы, гонимые, исполненные жажды мести. За нами - сожженные нивы и сады. Неутомимый враг преследует нас, и едем мы в глухую ночь. Мы вернемся и, усталые, позже снова отыщем друг друга, но на это требуется больше времени, чем на войну... По забитому людьми вагону проходит хмурый политрук. Он слышит песню, но ничего не говорит, не останавливает ребят. Мотив песни как нельзя лучше выражает общее горе, и у слушателей на глазах сверкают слезы»⁵⁸.

Еще в 1944 г. этнограф В.Ю.Крупянская выпустила в свет сборник «Фронтовой фольклор». В комментариях к нему автор отмечает, что «если в песенном творчестве наших поэтов преобладает героический жанр, то в красноармейской среде наблюдается огромная тяга к лирике», интимный мир переживаний и чувств ищет выхода в песне⁵⁹ (см. приложение N 1 (I, 2; II, 1,2,3; IV)). Фольклор так же, как письма и дневники, отражал то, что недоступно никаким другим видам источников, - душу человека на войне.

Фронтовая песня звучала в окопах и землянках, перед боем, на отдыхе, в походе... Везде она была неизменным спутником бойца, и каждый новый исполнитель непременно вносил что-то свое, становясь соавтором песни, автором которой был народ. О процессе фольклоризации песен, о переосмыслении творческого наследия предшествующих поколений в новых исторических условиях, о преемственности народных традиций первыми, еще во время войны, сказали сами фронтовики, - как было тогда принято, с изрядной долей патетики. «Я не буду делить репертуар песен на старые и новые, - говорил старший сержант В.Родионов в своем письме в Государственный Литературный музей, - в этой войне защищали Родину все, от мала до велика, отец стоял плечом к плечу с сыном, и потому неудивительно, что песни того или другого поколения сплелись в единый репертуар - советский, русский. Встав на защиту советского отечества, сын преисполнился мудрости отца, отец - юношеского пыла и вдохновения сына, оба - гордости за прошлое и настоящее своей Родины»⁶⁰. Эта более чем восторженная и далекая от аналитичности оценка передает, тем не менее, главное - тот факт, что фронтовой фольклор возникал под влиянием чувств и переживаний, переполнивших эмоциональную сферу людей и требовавших какого-то выхода. Именно это вызвало небывалую творческую активность народа, сумевшего в особой лирической форме отразить всю историю Великой Отечественной войны.

До сих пор мы говорили о фольклоре. Но очень сложно провести грань между песнями самодельными, авторы которых впервые начали сочинять в годы войны, и песнями, написанными поэтами-профессионалами, но прошедшими долгий путь из уст в уста, подвергшимся обработке и дошедшими до нас как варианты народных песен. Так же трудно разделить поэтическое и песенное творчество военных лет. Стихи фронтовых поэтов, в отличие от песен, не являются фольклором в полном смысле этого слова, если понимать под ним устное народное творчество. Кроме того, в большинстве случаев мы имеем здесь твердо установленное авторство. Однако, процесс сближения и взаимопроникновения этих двух жанров шел довольно интенсивно, и значительная часть стихов, напечатанных как в центральных, так и во фронтовых, армейских, дивизионных газетах, продолжала дальнейшее свое существование в качестве песен, тем более, что сочинялись многие из них в ритмических размерах песен уже известных и легко ложились на их мелодии. Известный этнограф М.Азадовский упоминает имевшие место во время войны дискуссии о том, являются ли вообще фронтовые песни фольклором или их следует рассматривать исключительно как формы народно-художественной самодельности и творчества начинающих поэтов, так как песни эти не отличились еще в эпические формы, не приобрели окончательной шлифовки и далеки от образцов старого фольклора. Однако, по его словам, подобно старинным народным песням они также утрачивают своего творца-создателя, становятся продуктом коллективного творчества и выполняют фольклорную функцию⁶¹. Иной точки зрения придерживается В.Ю.Крупянская, которая трактует термин «военный фольклор» очень широко, включая в него как памятники непосредственного творчества самой красноармейской массы (новые песни, частушки, шуточные рассказы и анекдоты, пословицы и поговорки), так и произведения поэтов-самоучек, и произведения, изданные профессиональными поэтами, получившие широкое распространение в красноармейской среде, ассимилировавшиеся с ней и подвергшиеся значительной переработке в соответствии с ее понятиями и вкусами⁶².

До сих пор исследования этого вида источников носили этнографический или литературоведческий характер. Историки и источниковеды их изучением почти не занимались, хотя произведения песенного и поэтического фольклора абсолютно уникальны в плане раскрытия духовного облика социального субъекта в определенную историческую эпоху и могут успешно использоваться в историко-психологических и собственно исторических исследованиях.

Третью группу источников по проблеме составляют листовки, фронтовая армейская печать и публицистика военных лет. Все они очень близки друг другу по происхождению, целевым функциям и средствам эмоционально-психологического и идеологического воздействия на массы. Общим для этих видов источников является агитационно-пропагандистский характер материалов, тиражируемых через средства массовой информации или непосредственно через военные политорганы. Задачам пропаганды подчинены как целенаправленный отбор фактов, освещаемых в этих документах, так и специфическая форма их подачи. Еще одна черта, характерная для всех трех видов, - это их предельная степень подцензурности в условиях военного времени и в целом сталинской идеологической системы обработки масс. Однако степень официальности этих материалов, а значит, и внесения в них субъективных моментов, различны и зависят, в первую очередь, от происхождения конкретного источника.

К особенностям листовок как вида печатной агитации относятся, прежде всего, оперативность и сравнительная легкость распространения. Они могли появиться в любых условиях и в любом месте в исключительно короткое время как призыв к действию или ответ на какое-либо событие. Для этого вида источников характерна наиболее открытая целевая заданность и соответствующая ей форма подачи информации, как правило, очень лаконичная и эмоциональная.

Видовой спектр листовок широк и разнообразен - от сводок Совинформбюро и отдельных приказов Верховного Главнокомандующего, воззваний и обращений к советскому народу до инструкций и памяток бойцам и командирам, популярных стихов и песен, статей известных писателей и журналистов. Последние хорошо показывают, насколько зыбкими бывают границы между листовками и периодической печатью. Типографским способом издавались листовки Главным Политуправлением Красной Армии и Военно-Морского Флота, политуправлениями фронтов и флотов, политотделами армий и дивизий. Большинство из них печаталось в типографиях фронтовых красноармейских газет. Широкое распространение получили рукописные листовки в форме «Боевых листовок», близки им по форме партизанские газеты и журналы, а также листовки, которые выпускали подпольщики в тылу врага. Каждый из этих видов характеризуется своими особенностями. Но для нашей проблемы в первую очередь представляют интерес документы, в которых через конкретные действия получил отражение духовный облик советских воинов. Это серии листовок о подвигах⁶³, представляющие собой краткие рассказы или очерки, дающие как портреты отдельных героев, так и описание подвигов воинских групп, подразделений и частей. Выпускались они, как правило, по горячим следам событий. Но не все периоды войны одинаково богато представлены этими документами. Весьма ограниченное количество такого рода материалов имеется за начало войны, когда выпускались листовки, содержащие главным образом воззвания и обращения к сражающимся войскам или листовки-инструкции о методах ведения боя: тогда еще не было конкретного боевого опыта в современной войне, который можно было бы пропагандировать. И о многих подвигах в то время еще не было известно. Так, современный историк не найдет листовок о героических защитниках Брестской крепости, о подвигах других героев первых дней и недель

войны⁶⁴. О пограничниках, принявших на себя первый удар, и о бойцах, сражавшихся в окружении, узнали гораздо позже. Однако, постепенно разнообразие видов, назначение и круг адресатов листовок расширялись. По мере продвижения наших войск на запад и освобождения советской территории от фашистской оккупации, появлялись сообщения о зверствах врага на советской земле, снабженные фотографиями или рассказами очевидцев. Такие листовки воспитывали ненависть к врагу, справедливую жажду отмщения, то есть те черты, которые в определенный период занимали значительное место в структуре духовного облика фронтовиков. В целом, все листовки так или иначе были направлены на поднятие боевого духа армии, партизан, населения, оставшегося на оккупированной территории, и сыграли свою роль в формировании отдельных качеств их духовного облика.

Другой вид источников - фронтовая печать, представленная таким же широким спектром материалов, что и листовки, и несущая сходную с ними целевую установку. Отличие состоит в том, что в дивизионных, армейских и фронтовых газетах различные материалы помещались вместе - воззвания и призывы Сталина соседствовали с заметками фронтовых корреспондентов, с публикациями писем читателей и со стихами армейских поэтов. Соответственно и воздействие их на сознание было комплексным. Однако, преобладающее значение здесь имела информация с театра боевых действий, очерки военкоров, составленные по свежим следам событий и фактов. Недостатком этого вида источников является отсутствие указаний на время и место события или совершенного подвига, нет данных о принадлежности того или иного солдата, сержанта и офицера к конкретной воинской части и подразделению⁶⁵. Да и какой армией выпускалась та или иная газета определить бывает очень сложно. Так, например, в архиве Белорусского Государственного Музея Истории Великой Отечественной войны хранятся подшивки некоторых армейских газет, принадлежность которых даже к конкретному фронту так и не удалось установить⁶⁶.

Значительное место как во фронтовой, так и в центральной печати занимала публицистика. Публицистике как виду источника свойственно большее авторское участие, четко выраженная позиция, а значит, и личностный момент, обладающий большими потенциальными возможностями эмоционального воздействия на читающую аудиторию, чем материалы «анонимные». Вместе с тем, авторская позиция есть сложный продукт взаимодействия собственного индивидуального мировоззрения публициста и влияния на его личность официальной идеологии и стереотипов массового сознания. Все три составляющих этой личностной позиции так же важны для исследователя, как и приводимые в этом источнике факты. Особенно это касается художественного публицистического произведения. Хотя границы между публицистикой в широком смысле слова и художественной писательской публицистикой относительно подвижны, они, тем не менее, существуют: в основе обычной публицистической статьи, как правило, лежит развитие какого-либо тезиса, положения, мысли, а стержень статьи художественно-публицистической составляет определенная поэтическая идея, заключенная в сквозном образе-переживании, ее эстетическим центром является, в первую очередь, лирическое «я», сам автор, его субъективные чувства, настроения, а не объективные картины действительности⁶⁷. С учетом определенной специфики, к художественной публицистике можно отнести и очерк, которому тоже свойственны публицистичность как настроение и пафос, но, в отличие от статьи, обстоятельства, явления и предметы имеют здесь самостоятельную ценность, то есть в очерке как таковом, помимо эмоциональной стороны, большое значение приобретает сторона чисто фактическая, документальная⁶⁸. Интересно такое наблюдение: в начале войны, когда наша армия отступала или оборонялась, преобладали в основном публицистические статьи, а когда она пошла в наступление, верх берут очерки, насыщенные фактическим материалом. Но для всех периодов войны характерно усиление национально-патриотических мотивов в публицистике, что способствовало повышению ее эмоционального накала и придавало ей ярко выраженный политический и лирический характер⁶⁹.

В послевоенные годы было издано несколько сборников военной публицистики и фронтовых очерков⁷⁰. Однако при работе с публицистикой следует обращаться к первоисточнику - тем газетам, где впервые была напечатана та или иная статья. В позднейших публикациях, как правило, допускаются модернизации: выбрасываются упоминания о Сталине, слово «немцы» заменяется на «враги», «фашисты» и т.п. Быть может, это не влияет на основное содержание материала, но серьезно искажает особенности фразеологии того времени, психологическую атмосферу, в которой писались данные очерки и статьи.

Особое место в ряду источников по изучению духовного облика фронтового поколения занимают политсводки и политдонесения. В Центральном Архиве Министерства Обороны отложился значительный комплекс документов Главного Политуправления Вооруженных Сил, в фондах каждого фронта, армии, части собраны материалы политорганов, которые, с одной стороны, активно использовались в качестве «киллюстраций» к идеологическим схемам, долгое время подменявшим у нас научные исследования; с другой, - оставались почти недоступными для историков, не связанных с партийными и военно-политическими структурами. Сложности в получении допуска к ним сохраняются до сих пор.

Традиционно из данного источника черпались сведения о партийно-политической работе ВКП(б) в армии и на флоте, о мужестве и героизме личного состава частей и соединений, но тщательно замалчивались многие другие вопросы, отраженные в донесениях политорганов в адрес вышестоящих органов. В действительности круг проблем, охватываемых ими, довольно широк - от отчетов по выполнению директив Главного Политуправления до хроники чрезвычайных происшествий, но при всем их разнообразии можно

выделить два основных направления, два слоя информации, отражающих два уровня общественного сознания - не в философском, но психологическом аспекте. Об этом свидетельствует само название документа: «Еженедельная сводка о проделанной партийно-политической работе по обеспечению выполнения боевых задач и боевой учебы в политико-моральном состоянии личного состава частей армии». Обращает на себя внимание термин «политико-моральное состояние». Его трактовка как бы раздваивается: с одной стороны, фиксируется внешняя реакция личного состава на официальные политические мероприятия, то есть выступления на митингах и красноармейских собраниях, посвященных важным событиям - приказам Верховного Главнокомандующего, успешным боевым операциям на этом или других фронтах, расследованиям преступлений оккупантов, проведению подписки на Государственные займы и т.п.; с другой стороны, дается информация о настроениях в частях на «бытовом уровне» - о разговорах бойцов между собой без оглядки на начальство и политорганы, то есть сведения, полученные от агентуры из среды самих этих бойцов. В плане психологическом данный информационный слой позволяет не просто понять подлинное отношение людей к тем или иным событиям, но и высвечивает внутреннюю противоречивость этого отношения, когда одобрение и поддержка «партии и правительству», высказанная на многолюдном митинге, дополняются словами недовольства в узком кругу друзей, причем, и то, и другое - вполне искренне. Что это - раздвоение сознания? Страх перед карательными органами? «Чувство локтя», когда энтузиазм массы захлестывает даже трезво мыслящего индивида? Привычка к двойному мышлению - помпезно-официальному и обыденному? Или все это вместе взятое? Впрочем, одобрение «глобального масштаба» сочеталось, как правило, с недовольством «мелкого характера» - плохим питанием, тяжелыми условиями жизни, придирками начальства и т.п. Но как только последнее выходило за бытовые рамки и приобретало политический оттенок, дело изымалось из ведения политотдела и направлялось в СМЕРШ.

Другой аспект проблемы - распространение института доноительства, его психологические корни, а также, что именно воспринималось сталинской системой как недопустимое, «крамольное», подлежащее различным мерам взыскания. Наиболее важным здесь является слой информации, затрагивающий «отрицательные настроения» в армии, вернее, то, что подразумевали под ними политорганы и как они с этим боролись. В ряде случаев в деле можно проследить дальнейшую судьбу человека, неосторожно высказавшего свое мнение в присутствии соглядатая и взятого «на заметку» бдительными политработниками или «особистами». С другой стороны, огромный интерес представляет информация о бытовых условиях жизни на фронте и в тылу, отраженная в «настроениях», те детали и подробности, которые необходимы исследователю для воссоздания исторической обстановки, построения модели, максимально приближенной к изучаемому объекту прошлого.

В способах обобщения информации и выводах из нее в политсводках (что особенно видно при сопоставлении с первоисточником-донесением) проявлялись как общие подходы политорганов к отдельным вопросам, так и личные качества составителя, его образовательный уровень. В некоторых случаях оценки вполне объективны, в других - тенденциозность граничит с фальсификацией. Последнее, однако, ни в коей мере не снижает ценности источника. Напротив, эти его особенности могут быть использованы при изучении атмосферы сталинской эпохи, тех приемов и методов, которыми пользовались в своей работе идеологические структуры. Здесь также прослеживается взаимосвязь служебной документации политорганов с агитационно-пропагандистскими материалами.

В целом, вся эта группа источников интересна прежде всего в плане изучения механизмов психологической обработки масс и процесса формирования в их сознании героических символов. В исторической психологии эта проблема занимает особое место и должна стать предметом самостоятельного исследования, так же, как и вопрос о том, на какой пласт сознания воздействуют те или иные источники, какие элементы сознания они формируют.

* * *

Мы рассмотрели некоторые методологические вопросы источниковедения исторической психологии, выявили характерные особенности каждой группы источников по интересующей нас проблеме. Однако своеобразие этих документов таково, что они не являлись простым отражением происходивших событий и процессов, но сами были органической частью, фактом духовной жизни советского народа в годы Великой Отечественной войны. Приведем несколько примеров работы с конкретными источниками, которые позволяют проследить некоторые общие закономерности, присущие данным видам источников как фактам духовной жизни.

Особенно показательны в этом отношении фронтовые письма. Мысли и чувства разных людей были так близки, так совпадали их мечты и надежды, такое было духовное родство у товарищей по оружию, что и чужие письма - сугубо личные! - воспринимались как свои собственные. И тот, кто чувствовал, что сам не сумеет так живо и образно передать свое душевное состояние в строчках письма, заимствовал слова у другого. Наиболее яркие письма переписывались и распространялись наравне с полюбившимися песнями. Заменялись лишь адреса и имена, да некоторые детали. Так, в Центральном Музее Вооруженных Сил в Москве хранятся предсмертные письма старшего лейтенанта Александра Набоки к матери и жене⁷¹. В сборнике «Говорят погибшие герои» эти же письма - к матери и невесте - подписаны именем красноармейца Олега Нечитовского⁷². Письма О.Нечитовского были опубликованы после его гибели в газете «Комсомольская правда» 6 августа 1944

г., то есть на несколько месяцев раньше, чем погиб Александр Набока. Факт удивительный, но закономерный. И можно ли считать заимствованные слова «чужими» для человека, который пал смертью храбрых, как и их автор, и своей судьбой подтвердил и это письмо, и эти слова? В воинских частях часто бывали случаи, когда бойцы, хорошо владевшие слогом, писали письма по просьбе своих менее грамотных товарищей, по-своему излагая их мысли. Об этом свидетельствует в воспоминаниях Давид Самойлов, упоминая и о существовании такого явления, как солдатские «письмовники»⁷³. И явление это в чем-то сродни процессу фольклоризации стихов и песен. Недаром же многие фронтовые песни созданы в форме письма к жене или к любимой девушке; известны и песни-ответы бойцам от имени далеких подруг. В сборнике «Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны» целый раздел посвящен песням-письмам с фронта и на фронт⁷⁴. Немало таких песен и в других сборниках фольклора.

Хочется подробно остановиться на одной из таких песен, потому что интересна сама судьба ее, связанная с судьбой человека. Эта песня «Разгоняет коптилочка тьму» на мотив знаменитой «Землянки» (кстати, стихи А.Суркова тоже написаны в форме письма) была обнаружена нами в экспозиции зала Победы Центрального Музея Вооруженных Сил в пробитой осколком записной книжке сержанта Дмитрия Власенко. Стихи сразу же привлекли внимание своей образностью и мелодичностью. Начался поиск, выяснение истории песни. В фондах музея оказался значительный комплекс документов о Д.Власенко, который погиб 20 февраля 1945 г. на подступах к Берлину⁷⁵. 7 сентября 1945 г. в газете «Комсомольская правда» под заголовком «Бесстрашный русский воин» было опубликовано письмо старшего лейтенанта Якова Смоляка, в котором приводятся эти стихи, найденные у Д.Власенко после его гибели, рассказывается о подвиге сержанта и о том, как незадолго до своего последнего боя Д.Власенко, вспоминая невесту, сказал стихами:

*«...Я хочу даже в крике «ура!»
Твое имя вперед пронести».*

И его боевые товарищи, основываясь на этом факте и найдя в записной книжке убитого друга листок со стихами, сочли Д.Власенко их автором (хотя сам он этого нигде не утверждал), а стихи - посвященными его любимой девушке Лидии Харламовой. Однако, проанализировав все материалы, в том числе письма незнакомых людей, присланные его невесте после публикации в газете, мы пришли к выводу, что Д.Власенко не является автором стихотворного текста, который следует считать словами фронтовой песни, известной задолго до февраля 1945 г. и широко распространенной на других фронтах. Вот что пишет, например, гвардии лейтенант И.Мацак 22 ноября 1945 г. из Польши: «В газете была напечатана та песня, которую мы, офицеры и бойцы, так горячо любили во время боев с немецкими захватчиками. Сейчас, когда отгремели бои, во время учебы, можно услышать часто, как кто-нибудь из воинов запекает: «Разгоняет лампадочка тьму» - и сразу же перед глазами встают последние картины боя»⁷⁶.

Подтверждением этому явилась и обнаруженная впоследствии публикация писем лейтенанта Бориса Самойлина к своей невесте, в одном из которых, от 9 декабря 1943 г., приводится строфа из этой песни: «На языке крутится наша фронтовая душевная песенка:

*О тебе я на фронте грущу,
И тебя после дней боевых
Я в глубоком тылу отыщу,
Если только останусь в живых»⁷⁷.*

Незначительные расхождения в тексте еще раз доказывают, что песня была известна в нескольких вариантах, как это и свойственно фольклорным произведениям.

Интересно, что эта песня как бы отражает переписку с незнакомой девушкой:

*«Разгоняет коптилочка тьму,
Освещает мне путь для пера.
Мы с тобою близки по письму,
Мы с тобою, как брат и сестра».*

А ведь среди писем военных лет записки незнакомым бойцам и командирам составляют значительную группу. Упоминание об этом мы снова находим у Д.Самойлова: «В войну часто переписывались незнакомые одинокие люди - солдаты, оставившие семью в оккупации, с девушками, брошенными эвакуацией на Урал или в Сибирь. Девушек этих звали «заочницы». Порой такая переписка заканчивалась свадьбой»⁷⁸. Таким образом, в словах фронтовой песни запечатлелось одно из весьма распространенных явлений периода Великой Отечественной войны.

Еще один примечательный факт - это процесс взаимопроникновения и взаимоотражения разными видами источников друг друга. Письма с вложенными в них стихами и стихи в виде писем, воспоминания, рассказывающие о том, что значили для людей на войне письма от родных и близких, как нужны были им любимые песни. Но, пожалуй, самое интересное, как оценивались эти виды источников в них самих, что писалось о письмах - в письмах, что пелось о песнях - в самих песнях. Примером могут служить хотя бы эти знакомые всем строчки:

*«Кто сказал, что надо бросить
Песни на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне!»⁷⁹*

Что же касается писем, то почти в каждом из них встречаются слова о том, как радостно получать солдату весточку из дома, как поддерживает она его душевные силы, помогает и ободряет в бою. Но главное, подчеркивая искренность этих документов, многие фронтовики уже тогда считали, что в будущем именно по ним следует сверять свои душевные качества, чтобы поддерживать их на той нравственной высоте, которую достигли на войне, потому что под пулями не лгут, не лицемерят, не думают о том, как бы покрасивее высказаться. «Кончится война, и совсем небезынтересно будет прочитать все эти письма, полученные на фронте, - писал 22 апреля 1943 г. пулеметчик Василий Пластинин. - И по ним сверить свою жизнь и жизнь своих друзей. Ведь сегодняшние дни, а теперь уже годы войны отличает невероятная людская искренность, что ли, обнаженные чувства, отсутствие фальши в отношениях между товарищами. И если кого-нибудь из них я увижу изменившимся, я предъявлю ему его собственное письмо и скажу: «Смотри, каким ты был»⁸⁰.

«Летописью боя» и «хроникой чувств» назвал в своих стихах фронтовые письма поэт Иосиф Уткин. Но этот образ с полным правом можно отнести также к поэзии и песенному фольклору военных лет, к дневникам и воспоминаниям фронтовиков, в которых нашли отражение социально-психологические аспекты истории Великой Отечественной войны.

* * *

Итак, источники для изучения духовного облика социального субъекта могут иметь двойственный характер: объективно фиксировать социальную практику, а именно, - действия и поступки, отражающие интересы, ценности и идеалы, взгляды и убеждения, нравственные установки людей, - с одной стороны; а с другой, - непосредственно отражать эту, субъективную сторону их бытия. При этом источники, носящие субъективный характер, имеют подчас не меньшее, а даже большее значение, чем источники, безличностно, чисто фактологически отражающие социальное бытие, потому что, в отличие от последних, только они позволяют непосредственно проникать в духовный мир человека, выявлять побудительные мотивы его поведения.

При разработке тем, связанных с проблемами социально-исторической психологии, с воссозданием атмосферы исторической эпохи, ее психологического фона, с выявлением духовного облика поколения в целом или отдельных его представителей, источники, относящиеся к продуктам индивидуальной духовной деятельности, приобретают особое значение. В определенной исторической ситуации, будучи созвучны духовной жизни и духовному состоянию целой социальной общности, они становятся ее общим достоянием и выразителем общих взглядов, настроений и чувств. Особенно это относится к литературно-художественным произведениям, прошедшим через фольклорную обработку и ставшим в результате этого продуктами коллективного творчества.

Своеобразие источников по изучению духовного облика социального субъекта таково, что они не являются простым отражением происходящих событий и процессов, но сами становятся органической частью, фактом духовной жизни социальной общности в определенный исторический период. Вследствие этого, как для источников личного происхождения, так и для произведений поэтического и песенного фольклора характерны некоторые общие закономерности, присущие данным видам источников как фактам духовной жизни. Это процесс взаимопроникновения и взаимоотражения разными видами источников друг друга; оценка их социальной значимости в них самих; склонность к типизации, и, что самое важное, эмоционально-психологическое отображение действительности и соответствующее воздействие данных источников на сознание воспринимающего субъекта.

В целом, разнородный характер источников, привлекаемых для разработки данной проблемы, требует дифференцированного подхода к их изучению и использованию, углубленного источниковедческого исследования, отработки специальной методики. В своей совокупности они составляют уникальный комплекс документов, взаимно дополняющих друг друга и позволяющих разносторонне осветить духовный облик определенной социальной общности и отдельных ее представителей в конкретный исторический период. В данном случае - духовный облик фронтового поколения.

Примечания

¹ См.: Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М., 1988. С. 164-168.

² Клаузевиц. О войне. В 2-х тт. Т. I. М., 1937. С. 78.

³ Симонов К. Солдатские мемуары. М., 1985. С. 297.

⁴ См.: Волкогонов Д.А. Морально-политический фактор Великой Победы // Вопросы философии. 1975. N 3. С. 11.

⁵ Кондратьев В., Кожемяко В. Какая же она, правда о войне? // Правда. 1990. 20 июня.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 155.

⁷ Современная буржуазная философия. М., 1978. С. 300.

⁸ Там же. С. 330.

⁹ Момыш-Улы Б. Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 39-40.

¹⁰ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1969. С. 104.

¹¹ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 169.

¹² Там же. С. 23.

¹³ См.: Серов Н.К. О диахронической структуре процессов // Вопросы философии. 1970. N 7. С. 73.

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 88-89.

- ¹⁵ Шарапов Ю. Как пред господом Богом чисты... // Красная звезда. 1991. 22 июня.
- ¹⁶ Кардин В. К вопросу о белых перчатках // Библиотека «Огонек». N 29. М., 1991. С. 7.
- ¹⁷ Кондратьев В. Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. N 7. С. 124.
- ¹⁸ Там же. С. 116.
- ¹⁹ Кондратьев В., Кожемяко В. Указ. соч.
- ²⁰ Алексиевич С. У войны не женское лицо. Минск, 1985. С. 308.
- ²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 121.
- ²² Ради жизни на земле // Правда. 1990. 8 мая.
- ²³ Война: день за днем... Беседа с писателем К.Симоновым // Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 147.
- ²⁴ Кондратьев В. Указ. соч. С. 116.
- ²⁵ Розовская И.И. Методологические проблемы социально-исторической психологии (на материале французской исторической «школы» «Анналов»). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М., 1972. С. 23.
- ²⁶ Там же. С. 23-24.
- ²⁷ Зайончковский П.А. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. Т. 1. С. 4; Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник. М., 1959. С. 68, 73-74; и др.
- ²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 102.
- ²⁹ Барг М.А. О роли человеческой субъективности в истории // История СССР. 1989. N 3. С. 124.
- ³⁰ Там же. С. 127.
- ³¹ Голубцов В.С. Дневники, воспоминания, переписка // Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 525.
- ³² Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 559.
- ³³ Голубцов В.С. Указ. соч. С. 528.
- ³⁴ Соболев Г.Л. Источниковедение и социально-психологические исследования эпохи Октября // История и психология. М., 1971. С. 237.
- ³⁵ Абдулин М. 160 страниц из солдатского дневника. М., 1985. С. 147.
- ³⁶ Симонов К. Солдатские мемуары. С. 301-302.
- ³⁷ Розовская И.И. Указ. соч. С. 20.
- ³⁸ Юозайтис А.И. Субъективная реальность и исторический субъект в философии В.Дильтея. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. Вильнюс, 1989. С. 8, 18; Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма: Гельдерлин, Шлейермахер. М., 1989. С. 102, 126.
- ³⁹ Белявский И.Г., Шкуратов В.А. Проблемы исторической психологии. Ростов-на-Дону, 1982. С. 191.
- ⁴⁰ Хенриксен В. Королевское зеркало. Роман. Пер. с норв. М., 1990. С. 6.
- ⁴¹ Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. Вып. 2. М., 1985. С. 225.
- ⁴² См.: Симонов К. Солдатские мемуары. С. 301-302.
- ⁴³ Хастингс М. Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт. М., 1989. С. 30.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 29.
- ⁴⁶ Бессонов Б.И. Герменевтика. История и современность // Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 14.
- ⁴⁷ Библиографию см. в статье Б.И.Жучкова, В.А.Кондратьева «Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник» // История СССР. 1961. N 4. С. 103-114.
- ⁴⁸ Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. N 1. С. 68.
- ⁴⁹ Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера. (К постановке проблемы) // История СССР. 1979. N 6. С. 61.
- ⁵⁰ Белявский И.Г., Пронштейн А.П. Некоторые психологические аспекты отражения действительности в исторических источниках // Известия Северокавказского научного центра высшей школы. 1974. N 1. С. 20; и др.
- ⁵¹ Минц С.С. Указ. соч. С. 61.
- ⁵² Там же. С. 62.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Крупянская В.Ю., Минц С.И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., 1953. Труды института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 19. С. 19.
- ⁵⁵ Там же. С. 9.
- ⁵⁶ а) «Варяг», «Коногон», «Раскинулось море широко», «Черный ворон» и др.; б) «За курганом пики блещут», «Любо, братцы, любо» и др.; в) Песни гражданской войны: «Каховка», «По долинам и по взгорьям», «Там вдали за рекой» и др.; г) «Три танкиста», «Любимый город», «Катюша», «Синий платочек», «Землянка», «Огонек», «Темная ночь», «Моя любимая» и др.
- ⁵⁷ Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 164.
- ⁵⁸ Напетваридзе Г. Неоконченная баллада. Рассказы, военные дневники, письма, стихи. М., 1964, С. 80.
- ⁵⁹ Фронтовой фольклор. М., 1944. С. 19-20.
- ⁶⁰ Крупянская В.Ю., Минц С.И. Указ. соч. С. 19.
- ⁶¹ Фронтовой фольклор. С. 5-6.
- ⁶² Там же. С. 4.
- ⁶³ Серии листовок: «Герои и подвиги», «Герои Советского Союза - балтийцы», «Герои нашей Армии», «Герои гвардии», «Моряки - Герои Советского Союза», «Мастера своего оружия», «На защите города Ленина», «Герои боев за Крым» и др.
- ⁶⁴ Герои и подвиги. Советские листовки Великой Отечественной войны, 1941-1945. М., 1958. С. 5.
- ⁶⁵ Рыбенков Г. Документы о патриотизме советских людей // Военно-исторический журнал. 1966. N 4. С. 110.
- ⁶⁶ БГМИ ВОВ. КП-30748 и др.

- ⁶⁷ Кузьмичев И. Голос героического народа // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 13.
- ⁶⁸ Там же. С. 16-17.
- ⁶⁹ Там же. С. 15.
- ⁷⁰ Фронтовые очерки о Великой Отечественной войне. М., 1957; Военная публицистика и фронтовые очерки. М., 1966; От Советского информбюро 1941-1945 гг. Публицистика и очерки военных лет. М., 1982; и др.
- ⁷¹ ЦМ ВС. 4/67082/1-2
3080
- ⁷² Говорят погибшие герои. М., 1986. С. 333-334.
- ⁷³ Самойлов Д. Указ. соч. С. 70.
- ⁷⁴ Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны. С. 42-60; Еще в 1944 г. В.Ю.Крупянская сделала такое наблюдение: «Сейчас уже можно говорить о стихотворных посланиях (к матери, невесте, жене, другу) как о самостоятельном и очень активном фольклорном жанре. Подобные стихи, авторами которых являются и не поэты-профессионалы, чрезвычайно популярны, охотно переписываются, читаются, что называется, «ходят по рукам». // См.: Фронтовой фольклор. М., 1944. С. 11.
- ⁷⁵ ЦМ ВС. 4/3072.
- ⁷⁶ ЦМ ВС. 3/43510.
- ⁷⁷ Творцы победы: от рядового до маршала. М., 1987. С. 42-43.
- ⁷⁸ Самойлов Д. Указ. соч. С. 69.
- ⁷⁹ Лебедев-Кумач В. Только на фронте // По военной дороге. Сб. песен о Советской Армии и Военно-Морском флоте. М., 1988. С. 192.
- ⁸⁰ Борисов А. Встреча с погибшим другом. М., 1987. С. 126.

ГЛАВА II. «ОТКУДА МЫ? МЫ ВЫШЛИ ИЗ ВОЙНЫ...» (ФРОНТОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН)

1. «Долгие версты войны»: динамика духовного облика фронтовиков (1941-1945)

Чтобы осознать в полной мере феномен поколения, на плечи которого всей тяжестью обрушилась война, необходимо обратиться к такому сложному, разноплановому, противоречивому явлению, как общественное сознание советских людей, формировавшееся в обстановке 30-х годов, причудливо сочетавшей социалистические идеи, вдохновленный ими трудовой энтузиазм миллионов, утверждавшийся советский патриотизм - и тоталитарную практику сталинщины, массовые репрессии и психологию нагнетаемого страха. Все это плюс ход и характер войны, навязанной нашей стране фашистским агрессором, войны, получившей значение национально-освободительной, всенародной борьбы за выживание целых народов, и сформировало духовный облик людей, отстаивавших государственную независимость СССР.

Специфика 30-х - 40-х годов, отразившаяся в общественном сознании и сформировавшая его двойственный, противоречивый характер, заключалась в том, что «идеалы Октября», сколь бы ни были они утопическими и иллюзорными, воспринимались сознанием миллионов людей как реальные и вполне достижимые. Преобразования в экономике страны, проводившиеся новой властью, были на первых порах достаточно эффективными в плане достижения ближайших задач выхода из послевоенной и послереволюционной разрухи. А так как представлялись они именно социалистическими, близость и осязаемость их осуществления распространялась в сознании и на задачу «построения социализма» в целом, вызвала прилив энтузиазма и преданности новому строю; возвышенность поставленной цели заставляла мириться с «временными трудностями и лишениями», с «неизбежными издержками» в выборе средств по принципу «лес рубят - щепки летят». Трагедия, однако, заключалась не в том, что расходились цели и средства, но как раз в соответствии этим иллюзорным идеям их материального воплощения. Иллюзии, начав жить самостоятельной жизнью, приобрели характер материальной силы, агрессивной и опасной. Вместе с тем, человек не мог осознать иллюзорности происходящего, потому что на его глазах происходили гигантские по масштабам изменения (которые он считал социалистическими), создавалось ощущение огромного взлета, грандиозности преобразований в рамках одного поколения¹.

С возникновением административно-командной системы партийно-государственного руководства страной объективно стоявшая перед обществом задача преодоления отсталости и нищеты стала решаться военно-бюрократическими методами всеобщего огосударствления, предельной централизации и жестоких репрессий, что было оплачено дорогой ценой массового голода, разорения деревни, фактического прикрепления крестьян к земле² и даже таких же попыток в конце 30-х годов в отношении рабочего класса³. За рост промышленности и городов, за формирование мощной государственной машины было заплачено миллионами жизней и утратой многих элементарных гражданских прав и свобод. Величием цели - созданием нового, счастливого строя - оправдывались любые жертвы, чудовищно-безнравственные средства ее достижения уже не казались таковыми, а считались закономерными и неизбежными издержками великой и справедливой борьбы. Забвение многих норм общечеловеческой морали во имя классовых интересов пролетариата формировало извращенные представления об извечных человеческих ценностях и привело в результате к нездоровому раздвоению массового сознания и массового поведения в обстановке, когда «донос как форма исполнения гражданского долга оценивается так же высоко, как воинская или трудовая доблесть, и явно выше, чем самостоятельность, принципиальность, товарищеская верность, обычная честность»⁴. Самым страшным было то, что в значительной своей массе люди были искренне убеждены в том, что совершают гражданский поступок, принося в жертву идее своих друзей, знакомых, близких. Впрочем, этот период характерен также готовностью принести в жертву и самих себя, героико-романтическим отношением к жизни и пониманием долга. Психология жертвенности во имя «прекрасного будущего», утверждавшаяся со времен революции, гражданской войны и военного коммунизма, сочеталась с психологией ожидания этого «завтра». Несколько потесненная в условиях нэпа, она достигла своего апогея в период 30-х годов, воплотившись в массовом трудовом энтузиазме при отрыве от элементарного материального обеспечения и при полной бытовой неустроенности. Для поддержания этой веры в «светлое будущее», в «непогрешимость и мудрость Великого вождя товарища Сталина», использовалась целая система пропагандистских средств, среди которых огромную роль играли далекие от жизни символы различного рода и масштаба, которые действительно поднимали энтузиазм и веру населения, но в то же время имели оборотной стороной дезинформацию граждан о реальном положении в стране. Насмотревшись веселых и бодрых кинофильмов о беззаботной жизни рабочих и колхозников, люди почти верили, что пусть не у них, но уже где-то в стране так или почти так начинают жить, а если такой жизни пока еще нет, то до нее - рукой подать. При этом официальная пропаганда, в том числе и средствами искусства, старательно обходила массовые голодовки и нищету в деревне, срывы производственных планов, провалы внешней политики, и уж тем более военные неудачи, каковой фактически явилась финская кампания 1939-1940 гг., стоившая больших потерь и показавшая слабые стороны Красной Армии⁵. А если и говорилось о трудностях и провалах, то действительные причины их тщательно маскировались, а связывались они с происками «врагов народа».

Психология народа не могла не найти отражения в психологии армии, которая состояла преимущественно из молодых выходцев из крестьянства и рабочего класса. Эту психологию в большинстве своем малограмотной молодежи отличала слепая вера в социальную справедливость установленного общественного строя, вера в то, что если сегодняшняя жизнь и полна трудностей и лишений, то будущее, и очень близкое будущее, благодаря «мудрому руководству товарища Сталина» будет сытым, радостным и счастливым. В этой вере широких слоев народа, в том числе и рядового состава армии, отразились не только результаты целенаправленной пропаганды и собственный общественный опыт низов, утративших свой социально-ущербный в дореволюционном сословном обществе статус, получивших возможности продвижения вплоть до высших государственных и военных постов, но и отсутствие демократических традиций в нашем обществе, наличие в народе иллюзий, согласно которым решение всех проблем и противоречий действительности зависит от воли одного человека, гениального и непогрешимого вождя, что активно использовал Сталин для установления и укрепления режима своей личной неограниченной власти⁶.

Сталинизм принес армии целую совокупность факторов, действовавших на ее личный состав, организацию, стратегию и тактику. Прежде всего, он предопределил жесткий социальный отбор, вызвавший еще задолго до массовых репрессий многочисленные чистки среди командного состава, приведшие к ее почти поголовному по происхождению рабоче-крестьянскому характеру. Последствия этого были многочисленными и неоднозначными. Рядовой состав армии имел ту же социальную психологию, что и те слои общества, с которыми он был кровно связан. Следствием этого была преданность советскому государству и готовность выполнять любые приказы, в том числе и расправляться с негодными руководителями общества как с «врагами народа». Столь же преданным новому общественному строю был и командный состав армии 30-х годов, который был ему обязан своим социальным и служебным продвижением. Но культ личности принес не только веру в Вождя, в идеологические штампы. Он нес в общественную психологию народа, в том числе его армии, атмосферу нетерпимости, вражды, подозрительности, неуверенности и страха, послушности любому начальству. Эта психология была порождена структурой деспотической власти и механизмом командно-бюрократического управления, органическими элементами которого были авторитарная воля начальства, беззаконие и репрессивные меры. Такая политическая практика обосновывалась «теорией» обострения классовых борьбы в процессе строительства социализма.

Массовые репрессии, развернувшиеся в стране с начала 30-х годов, не могли обойти и армию. Высший командный и офицерский корпус в значительной мере были истреблены или находились в лагерях. Аресты как «врагов народа» и «предателей» многих тысяч командиров и политработников привели к подрыву доверия солдат к своим командирам и к тому, что сами командиры стали бояться проявлять инициативу, принимать самостоятельные решения, пассивно ожидали указаний «сверху». Это особенно тяжело сказалось в первые недели и месяцы войны⁷. Репрессивный режим вызвал подрыв кадровой основы армии и морально-политических основ ее боеспособности. Маршал Г.К.Жуков впоследствии вспоминал: «Мало того, что армия, начиная с полков, была в значительной мере обезглавлена, она была еще и разложена этими событиями, наблюдалось страшное падение дисциплины, дело доходило до самовольных отлучек, до дезертирства. Многие командиры чувствовали себя растерянными, неспособными навести порядок»⁸.

Попытки стабилизировать положение в армии, укрепить обороноспособность и дисциплину в 1940-м - начале 1941-го года не могли компенсировать ни потери в командном составе, ни раздвоенность психологии военнослужащих, приведшие к подрыву дисциплины и значительной деморализации армии. Негативное значение для морального духа войск имели также отказ от антифашистской пропаганды после заключения в августе-сентябре 1939 г. Пакта о ненападении и Договора и Дружбе и границе с Германией и установка на дружеские отношения с фашистским соседом. С другой стороны, пропагандой осуществлялась милитаризация массового сознания, формировалась установка на готовность к будущей войне как неизбежной в условиях «враждебного капиталистического окружения». Однако, характер этой войны представлялся совершенно неадекватно. Так, советская стратегическая доктрина исходила из односторонней, поверхностной формулы: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападающих армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение, с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы малой кровью»⁹. Такая доктрина фактически исключала саму возможность вторжения вражеских войск. Отсюда и оборонительные мероприятия в приграничных районах проводились недостаточно энергично, особенно в глубине от границы.

Исходя из этой доктрины, действовала и вся пропагандистская система страны. Весьма значительным воздействием такого рода, особенно на молодежь, обладало искусство того времени, которое, по сути, превратилось в одно из действенных средств пропаганды. Бравурные песни и бодрые киноленты о непобедимости Красной Армии притупляли готовность к длительной и тяжелой борьбе, вызывали самоуспокоенность и восприятие возможной войны как парадного шествия. Настроения легкой победы над врагом имели место и в первые дни войны - не среди тех, кто уже вступил в неравную, смертельную схватку, но там, где еще не успели столкнуться с реальной силой агрессора. «В тот день (22 июня - Е.С.) многим казалось, что начавшаяся война будет стремительной, победоносной. Такой, какой она изображалась в популярных в те годы кинофильмах «Город под ударом», «Эскадрилья номер пять», в романе Павленко «На Востоке», в песнях, которые ... пели чуть не каждый день, - вспоминает бывший офицер-артиллерист

А. Дмитриев. - Никто ... и представить себе не мог, какой долгой, жестокой, опустошительной, испепеляющей будет эта война, какого огромного напряжения она потребует, каких колоссальных жертв»¹⁰.

С таким противоречивым сознанием, раздвоенной моралью, дезориентированным в оценке характера будущей войны и реального противника, подошло поколение, составившее основную часть Красной Армии, к лету 1941-го года.

Следует учитывать, что в войну вступила армия, весьма разнородная по своему составу: социальному и возрастному, по образовательному уровню и уровню военной подготовки. Репрессии радикально изменили командный состав, причем, среднее и старшее звено пополнилось в основном из среды младших командных кадров, не успевших приобрести ни достаточного опыта, ни соответствующей подготовки. Младший комсостав был в основном сформирован за счет досрочных выпусков курсантов военных училищ (Приказ Наркома Обороны маршала С.К.Тимошенко от 14 мая 1941 г.), выпускниками краткосрочных курсов младших лейтенантов и курсов командиров запаса¹¹.

С начала 1941 г. до 22 июня численность Вооруженных Сил СССР была увеличена с 4207 тыс. до 5373 тыс. человек¹². На западных границах в июне 1941 г. было сосредоточено 2,9 млн человек - столько на начало войны составила Действующая Армия. Основную массу рядовых составили призывники 1919-1922 гг. рождения.

Еще более разнородным стал состав армии с началом войны и двумя массовыми мобилизациями. За две первые военные мобилизации (в июне и августе 1941 г.) были призваны военнообязанные старших возрастов - с 1890 по 1918 гг. рождения и молодежь 1923 года. Особенно различен был жизненный путь, во многом определявший мировоззренческие установки людей разных поколений. Так, если поколение 1890-1904 гг. рождения (вторая мобилизация, август 1941 г.) было участником либо свидетелем первой мировой войны, революции и гражданской войны, поколение 1905-1918 гг. рождения (первая мобилизация, июнь 1941 г.) в сознательном возрасте пережило события нэпа и первых пятилеток, в той или иной степени было затронуто индустриализацией и коллективизацией. Все они, естественно, были современниками репрессий второй половины 30-х годов. На различные поколения по-разному повлияли внешнеполитические акции СССР - присоединение Прибалтики, Западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабии; война с Финляндией. Так, часть предвоенной кадровой армии (поколение 1919-1922 гг. рождения) непосредственно участвовала в ряде последних событий. Для младшего поколения, начиная с 1923 г. рождения, именно война стала временем личностного становления, главным фактором, формировавшим его гражданскую зрелость. За плечами мальчишек 1923-1926 гг. рождения не было большого личного социального опыта, а потому меньшее значение имело социальное происхождение, меньшим был и разрыв в уровне образования, большее влияние на мировоззрение оказали идеологические установки сталинского режима, при котором они родились и выросли. Именно они составили основу «фронтного поколения».

Следует отметить, что кадровый состав Действующей Армии почти полностью погиб или оказался в плену в начале войны. Так, при 5-миллионной армии, имевшейся в стране к 22 июня 1941 г., только число попавших в плен к концу 1941 г. достигло или, по другим данным, даже превысило 4 млн человек¹³. И та армия, которая дошла до Берлина, состояла в основном из людей ранее гражданских, в большинстве своем никогда не державших в руках оружие и взявшихся за него, чтобы отстоять свободу и независимость Родины.

Какой же путь прошло сознание советских воинов от момента фашистского вторжения 22 июня 1941 г. до военного триумфа Советской Армии 9 мая 1945 г.?

Несмотря на то, что первый период войны включает в себя огромное количество событий, весьма различных, в том числе и противоположных для судеб страны: была настоящая катастрофа первых месяцев войны с потерей целых армий, огромных густонаселенных территорий, тяжелые оборонительные бои, были и отдельные успехи, в том числе и стратегические - срыв планов блицкрига, первое в ходе войны крупное и успешное контрнаступление Советской Армии под Москвой, - несмотря на все это, весь период от 22 июня 1941 г. вплоть до победы в Сталинградской битве в психологическом плане един. Он характерен тем, что существовала реальная угроза поражения, стоял вопрос о самой жизни и смерти советского государства, причем не только его общественного строя, но и населяющих страну народов. Реальность этой угрозы, несмотря на все разнообразие оттенков ощущений, вызванных различиями социальными и национальными, культурными и мировоззренческими, несмотря на отдельные, в том числе и очень важные успехи Советской Армии, среди которых важнейшее политическое и социально-психологическое значение имела победа под Москвой, эта реальность осознавалась всеми. И несмотря на то, что в самых тяжелых условиях большинство советских воинов верило в конечную победу, эта угроза накладывала свой отпечаток на весь строй мыслей и чувств советских людей. «Ярость благородная» - так можно назвать основную психологическую доминанту того периода, очень точно отраженную и выраженную в известной песне. Но эта ярость смешивалась с горечью и болью особенно страшных потерь и поражений первых месяцев войны. В известной мере эти чувства даже доминировали в первые военные дни. Военная катастрофа начала войны вызвала состояние психологического шока. Не случайно, наряду с проявлениями массового героизма этого периода, ярчайшим примером которого может служить подвиг защитников Брестской крепости, были и многочисленные факты сдачи в плен целых военных подразделений. Именно в этот период сотни тысяч солдат и командиров кадровой армии оказались в плену¹⁴. Но по мере того, как этот шок, вызванный резительным контрастом между довоенными представлениями о будущей войне и войной реальной, внезапно обрушившейся на советских людей посреди

мирной жизни, успокаивающих заявлений средств массовой информации, пропаганды мощи и непобедимости Советской Армии и дружелюбности фашистского соседа, - по мере того, как этот шок проходил и росли горе и боль, которые нес агрессор на советскую землю, вскипала ярость, взывавшая к мести, было достигнуто определенное равновесие сознания, произошла его стабилизация. Народ мобилизовал свои материальные и духовные силы и остановил напор фашистской военной машины.

Главная цель этого периода войны - «Выстоять!» - была выполнена. Наступил следующий этап, особенности которого предопределили значительные изменения в состоянии морального духа советских войск. По сути, он соединил в себе два основных процесса - коренной перелом и освобождение Родины, но в плане психологическом для них характерна общая доминанта мыслей и чувств. Это был перелом не только в ходе войны, но и в настроении масс. Люди сами рвались в наступление, охваченный порывом, без которого ни одна армия «не может совершать великие дела»¹⁵. В самом деле, радость наступательного порыва, неудержимое стремление вперед - самая характерная черта этого периода. Изгнание из страны немецко-фашистских войск несло своего рода духовное очищение людям, чувствовавшим свою невольную вину в том, что допустили врага топтать родную землю. Желание как можно скорее свести счеты с гитлеровцами, ускорить освобождение сестер, братьев, матерей, детей, страдавших в оккупации, усиливали мужество и решимость советских воинов в борьбе с врагом. И чем дальше они продвигались по освобожденной земле, встречая повсюду страшные следы злодеяний, оставленные фашистами, - тем сильнее рвались вперед, боясь опоздать, не успеть кому-то помочь, защитить, спасти. «Нынешнее наступление - не подвиг, а возвращение долга. Мы все должны просить прощения у Матери-Родины...» - этими словами можно выразить то чувство, какое испытывал советский солдат, с тяжелыми боями продвигаясь на запад.

Освобождение Родины еще не было завершено, когда Красная Армия в ряде мест перешла государственную границу и приступила к освобождению стран Европы от фашистской оккупации, в ходе которого проявились такие грани духовного облика советского воина, как подлинный интернационализм, гуманизм, братская солидарность с народами, пострадавшими от фашизма. Это выражалось в оказании не только военной (которая, несомненно, была главной), но также продовольственной и медицинской помощи, восстановлении мостов и дорог, разрушенных предприятий и школ.

Но если на земле захваченных гитлеровцами стран советский воин, оказывая дружескую помощь, воспринимал свои действия как естественное проявление солидарности, выполнение своего интернационального долга, и чувства его при этом были достаточно ясны и понятны, то при вступлении на территорию Германии эта ясность уступила место целому комплексу весьма сложных, противоречивых, далеко неоднозначных мыслей и чувств. Еще задолго до того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были - не могли не быть! - акты мести, психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи, убитые оккупантами. Не всегда срабатывало даже сталинское «гитлеры приходят и уходят, а народ ... германский остается»¹⁶. Не случайно, выйдя на земли Восточной Пруссии, командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К.К.Рокоссовский вынужден был издать приказ N 006, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии¹⁷ (см. Приложение N 3). Но для подавляющего большинства советских воинов на этом этапе войны характерным стало преодоление этих естественных чувств и способность по-разному отнестись к врагу сопротивляющемуся и врагу поверженному, тем более к гражданскому населению. «Фашистам, которые с оружием против нас, мы пощады не давали никакой, - вспоминает бывший артиллерист, Герой Советского Союза Г.Дюдокин. - Но тех, которые оружие складывали, в плен сдавались, - не трогали. Ни разу я такого не видел, чтобы с безоружными расправляться стали. Противно это нашей душе. А о мирных жителях и говорить нечего...»¹⁸. Гуманизм и великодушные победителей явились одним из важнейших проявлений нравственного превосходства советских воинов, отстаивавших в этой Отечественной для них войне глубоко справедливые цели, над гитлеровскими захватчиками, грабителями и убийцами, сеявшими смерть и разрушения повсюду, куда ступала их нога.

Свыше года около семи миллионов советских воинов, выполняя свой интернациональный долг, сражались за пределами Родины. Больше миллиона из них погибли за освобождение народов Европы от фашистского ига¹⁹. И подвиг их нельзя поставить под сомнение. Вместе с тем, Освободительная миссия Советской Армии заключала в себе противоречие. Оккупационный режим фашистской Германии сменялся насильственным насаждением тоталитарных режимов по образцу сталинского. Объективно являясь освободителем народов и в полной мере ощущая себя таковым, отдавая жизнь за их свободу, советский солдат не мог до конца осознавать всех политических последствий для этих стран вступления Советской Армии на их территорию и, тем более, нести за них моральную и любую другую ответственность. Объективно он был винтиком огромной военной машины тоталитарного государства, не имеющим ни права голоса и решения, ни возможности свободно мыслить и понимать происходящее под абсолютным господством над сознанием идеологических стереотипов. Режимы, установленные в Восточной Европе сталинизмом, определенные им как «народные», именно так и воспринимались основной солдатской и офицерской массой.

Но вернемся к психологической доминанте.

Для заключительного этапа войны характерным было ощущение близости победы и это само по себе вызывало целый комплекс мыслей и чувств, сложный психологический настрой. Чем ближе она была, тем большими были и желание и надежда выжить, тем труднее было подниматься в атаку советскому солдату под огонь смертельно раненого и яростно огрызающегося врага, тем большее и обиднее были потери товарищей и друзей, тем страшнее была возможность собственной гибели. Людям, прошедшим через всю войну, через все опасности и испытания, в самые последние ее дни требовалось особое мужество - впереди был мир, за который они воевали, ради которого стольким было пожертвовано, столько было перенесено. И так хотелось жить в этом мире, в котором не будет войны... Но было и понимание того, что никто за них фашиста «не доколотит». И поднимался в атаку, и шел под смертельный огонь советский воин, и падал, сраженный пулей или осколком, за месяц, за неделю, за день, за час до Победы, и жизнью и смертью своей утверждая верность Родине и воинскому долгу.

Было и совершенно особое чувство у тех, кто воевал на других фронтах, не на главном направлении. «Как же так, а Берлин? Мы на Берлин хотим! Воевали, воевали, а Берлин без нас брать будут? Ведите нас на Берлин!»²⁰ Это желание закончить войну в сердце фашистской Германии, именно там, откуда она вышла «на горе и проклятье людям», было весьма характерным настроением последних месяцев и дней войны. Казалось, что именно те, кто возьмет Берлин, первыми встретят Победу.

Весь фронтовой путь был испытанием духовных и нравственных качеств советского солдата в условиях постоянного риска, требовавших героизма и самопожертвования, огромного напряжения всех человеческих сил. Каждый период Великой Отечественной войны, имевший свою особую морально-психологическую доминанту, определял изменения в структуре духовного облика защитников Родины, смещения акцентов в значимых отношениях личности к тем или иным областям действительности и жизненным ценностям.

Так, советский патриотизм, опиравшийся перед войной во многом на искусственные, воспитанные пропагандой лозунговые установки, вскоре с ходом войны приобрел истинное, национальное содержание, связанное с угрозой существования Родины, самих национальных корней многих народов, населявших СССР. Не мессианская идея несения коммунистического освобождения от эксплуатации трудящимся других стран, насаждавшаяся пропагандой до войны, а необходимость выжить в схватке со смертельным врагом сплотила народы Советского Союза, выявила чувства подлинного их братского единения перед лицом общего врага. Не случайно в ходе войны произошло возрождение многих русских национальных традиций и ценностей, предававшихся анафеме с позиций коммунистической идеологии в течение двух с лишним десятилетий. Произошло и определенное изменение отношений государства с православной церковью, обращение пропагандистской машины к историческому прошлому, к образам героев - «освободителей земли Русской» - для поднятия боевого духа своих современников. Возрождение традиций старой русской армии проявилось не только в учреждении орденов Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова, Ушакова и Богдана Хмельницкого, введении офицерских званий и погон, но и в самом объявлении войны с фашистской Германией Отечественной войной, по примеру войны 1812 года.

При всей противоречивости общественного сознания, на которое влияла предвоенная идеология, акцент в нем смещался с великодержавных коминтерновских установок, к преобладающему чувству «малой Родины», которой грозит смертельная опасность. И именно из этого глубоко личностного чувства миллионов людей все больше складывалось теперь отношение к Отечеству, «большому дому» советских народов. «Мы много говорим и пишем о национальной гордости, о славных боевых традициях русского народа, - отмечал в 1943 г. в письме с фронта старший лейтенант Борис Кровицкий. - Но в войсках воюют люди разных национальностей. Россия, ее традиции - гордость не только русских, но и всех народов и народностей нашей страны. Чувство Родины стало всеобщим для нас. У бойцов разных национальностей в разговоре часто слышишь гордое: «Мы, русские». И это совсем не от желания отречься от своей национальной принадлежности, нет»²¹.

Другой ведущей областью, в которой проявлялись мировоззренческие и ценностные установки советских людей в условиях войны, было отношение к войне, ее характеру и целям. Сущность этого отношения (то есть осознание ее справедливости для СССР в борьбе с агрессором) в массовом сознании народа, в том числе и армии, сохранялась на протяжении всей войны. Вместе с тем, в зависимости от этапа Великой Отечественной войны, от стоявших перед страной задач и характера развития боевых действий, во многом зависели акценты в этом отношении, доминирующие настроения армии. Имели значение и идеологические стереотипы, которые действовали тем сильнее, чем менее была связана область их проявления с непосредственными практическими задачами. Так, если перед войной в сознание масс была внесена идея о некой «исторической миссии страны победившего социализма» - лидера мирового пролетариата, а характер будущей войны виделся наступательным и победоносным, при безусловной поддержке со стороны трудящихся Европы и, прежде всего, Германии, то с началом войны, принявшей сразу характер оборонительный, при жестокой борьбе за само выживание, на первый план выдвинулись национально-патриотические чувства. Иллюзии, в том числе порожденные идеологическими догмами, в столкновении с жестокой реальностью прямого противоборства с фашизмом рассеялись, а идея мировой революции и освобождения «братьев по классу», принесенного на штыках Красной Армии, быстро сменилась ненавистью к врагу, независимо от его классового происхождения, несшему разрушения и смерть, попрание национального достоинства и святынь. Под знаком этих чувств - любви к Родине и ненависти к врагу - советский солдат прошел всю войну. Однако, в плане психологическом с ненавистью к врагу не все обстояло так просто. Нужно было пережить первый

трагический период войны, горький опыт потерь друзей и близких, чтобы советский солдат проникся чувством ненависти к врагу, агрессору, принесшему смерть и кровь на родную землю. Наивысшим выражением этого чувства стало стихотворение Константина Симонова «Убей его!» Уже весной 1942 г. в одной из дивизионных газет Карельского фронта встречается очерк красноармейца под красноречивым заголовком «Мы научились ненавидеть». В дальнейшем тема ненависти к врагу становится обычной для листовок, фронтовых и центральных газет, политзанятий, публицистики.

На завершающих этапах войны появились новые оттенки в отношении к ее целям: не только победить и изгнать врага с родной земли, но и принести освобождение от фашизма соседним народам. Вместе с тем, в понятие «освобождение» все больше вкладывался и второй, реанимированный довоенный смысл - освободить трудящихся от гнета капитала, установить наилучшую (в своем понимании) форму правления и власть. На утверждение этих идей в сознании армии работала пропагандистская машина, на утверждение их в политической и социальной практике освобожденных стран действовал весь сталинский репрессивно-управленческий аппарат. Массовое сознание советской армии в этих вопросах мало расходилось с идеологическими установками тоталитарного режима, который рассматривал солдата как простое средство достижения своих целей, удовлетворения имперских амбиций, и не считался ни с какими жертвами для их осуществления. В последнем вопросе настроение армии и позиция сталинского режима существенно расходились. Советский солдат, вынесший на своих плечах неимоверные тяготы войны, потерявший многих товарищей по оружию, родных и близких, видел в войне и победе средство для достижения мира, кратчайший путь возвращения к родному очагу. Не вдаваясь в сложности высокой политики, при том, что союзниками СССР были крупнейшие державы мира - США, Англия и Франция, советский солдат видел в разгроме фашистской Германии гарантии прочного, на многие десятилетия мира.

Были и другие важнейшие мировоззренческие установки и моральные принципы, определявшие в годы войны основы духовного облика защитников Родины. Среди них - коллективизм, который особое значение имел в отношении к товарищам по оружию. Он проявлялся в целом комплексе социально-психологических и морально-этических качеств и отношений, таких, как дружба, товарищество, фронтовое братство, взаимовыручка и т.д. «Фронтовая жизнь сближает людей очень быстро, - писал 20.12.45 г. из Германии невесте своего погибшего друга боец И.Шувалов. - Достаточно с человеком побыть день-два, как уже узнаешь все его качества, все его чувства, что на гражданке не узнаешь за год. Нет крепче дружбы, чем фронтовая, и ее ничто не может разбить, даже смерть»²². В боевой обстановке, где смерть всегда висела над головой, острее, обнаженнее были чувства. О том, что никогда уже больше не встречали таких людей и такой дружбы, как на фронте, говорят многие фронтовики. Чувства боевого товарищества, фронтового братства были одними из самых сильных и необходимых на войне. Без помощи и взаимовыручки выжить было невозможно. И делились последним сухарем и глотком воды, укрывались одной плащ-палаткой, вытаскивали раненых из-под огня, закрывали собой от пули. «Наша армия спокон веков сильна своим великим воинским братством, - писал Д.П.Ковтун из госпиталя на фронт сыну Олегу, - и оно, это великое братство, дает нам силы и мужество для того, чтобы побеждать»²³.

Мировоззренческие установки и приоткрывавшие из них нравственные и социально-психологические качества проявлялись и в отношении к врагу. В зависимости от этапа войны это отношение приобретало различные оттенки. Уже в первые дни рассеялись иллюзии, наивные надежды на сознательность «братьев по классу», воспитанные в довоенное время и быстро вытравливающиеся беспощадной реальностью. Вот что записал в своем фронтовом дневнике М.И.Березин: «20 июля 1941 года поджигаем два танка, взяв в плен трех танкистов. Какими же мы были наивными человеколюбцами, пытаюсь при их допросе добиться от них классовой солидарности. Нам казалось, что от наших бесед они прозреют и закричат: «Рот фронт!» Мы хорошо знали произведения из времен гражданской войны и совершенно не знали современного немца-фашиста. А они, нажравшись нашей каши из наших же котелков, накурившись из наших же добровольно подставленных кисетов, с наглой, ничего не выражающей рожой отпрыгивают нам в лицо: «Хайль Гитлер!» Кого мы хотели убедить в классовой солидарности - этих громил, поджигающих хаты, насильников и садистов, с губной гармошкой во рту убивающих женщин и детей? Мы стали понимать и с каждым днем боев все больше убеждаться, что только тогда фашист становится сознательным, когда его бьешь»²⁴.

Чем дольше длилась война, тем яснее становилась глубина народного горя, тем сильнее разгоралась ненависть к захватчикам - особенно, когда советская армия перешла в наступление и собственными глазами увидела те зверства, которые творил враг на оккупированной им земле. Затем преобладание ненависти, «ярости благородной», справедливой жажды отмщения вероломно напавшему, жестокому и сильноному противнику на начальных этапах войны сменилось великодушным победителем к врагу поверженному, а тем более к гражданскому населению Германии на завершающем этапе войны и после ее окончания. «Перешли границу - Родина освобождена, - вспоминает бывший санинструктор Софья Кунцевич. - Я думала, что когда мы войдем в Германию, то у меня ни к кому пощады не будет. Сколько ненависти скопилось в груди! Почему я должна пожалеть его ребенка, если он убил моего? Почему я должна пожалеть его мать, если он мою повесил? Почему я должна не трогать его дом, если он мой сжег? Почему? Хотелось увидеть их жен, матерей, родивших таких сыновей. Как они будут смотреть нам в глаза?.. Все мне вспомнилось, и думаю: что же будет со мной? С нашими солдатами? Мы все помним... Пришли в какой-то поселок, дети бегают - голодные, несчастные. И я, которая клялась, что всех их ненавижу, я соберу у своих ребят все, что у них есть, что осталось от пайка, любой

кусочек сахара, и отдам немецким детям. Конечно, я не забыла, я помнила обо всем, но смотреть спокойно в голодные детские глаза я не могла»²⁵.

В структуре духовного облика советских воинов равное значение имели как мировоззренческие и нравственные установки, имевшие обычно и социально-психологические формы проявления, так и собственно социально-психологические качества. Среди последних особую важность имели качества, проявлявшиеся в отношении к тяготам войны (мужество, стойкость, выдержка, твердость характера) и в отношении к опасности (смелость, отвага, готовность к самопожертвованию). Это не значит, что не было фактов проявления качеств, им противоположных: экстремальные ситуации высвечивают не только лучшие, но и худшие стороны человеческого характера. В ходе боев могут проявиться прямо противоположные качества их участников - трусость и героизм, шкурничество и самопожертвование. Однако, даже враг вынужден был признать, что советский солдат отличался особыми качествами. И эти качества в условиях войны доходили до массового повседневного героизма как высшего взлета человеческого духа. Тот факт, что в общей сложности за героизм и мужество, проявленные в годы Великой Отечественной войны, орденами и медалями Советского Союза награждены 12 млн человек, говорит сам за себя, но все же не до конца отражает величие подвига советского солдата. Миллионы безымянных героев, отдавших жизнь за спасение Родины и не имевших никаких наград, в неменьшей степени заслуживают благодарности потомков.

Несмотря на всю противоречивость факторов, влиявших на общественное сознание советских людей в предвоенный период и в ходе самой войны, они проявили безусловное духовное и нравственное превосходство над противником. Его истоками явился справедливый для них характер войны, поставившей вопрос о жизни и смерти народов СССР, их национальных, культурных и идейных ценностей. Война затронула каждого советского человека, заставила обратиться к национально-патриотическим традициям, подняться выше классовых и личных обид.

Справедливая цель, во имя которой боролся наш народ, - защита Родины от агрессора, - по своему морально-политическому и социально-психологическому воздействию на массы оказалась сильнее человеконенавистнической идеологии фашизма, умело насаждавшейся милитаристской психологии и теории расового превосходства. Они внушались хорошо отлаженной системой гитлеровской пропаганды целому поколению немцев, принимавших участие в грабительских, завоевательных походах, за которые каждому были обещаны крупная сумма денег и участок земли с рабами из числа жителей покоренных стран²⁶. Гитлер возвел низменные инстинкты в ранг государственной морали и политики. Но хотя немецкая армия сражалась с огромным упорством и ожесточением и показала достаточно примеров храбрости, нет свидетельств совершения немецкими солдатами и офицерами ни воздушных таранов, ни актов самопожертвования, подобных подвигам Александра Матросова и Николая Гастелло. Напрасно уже в конце войны фашистское правительство призывало немецкий народ развернуть партизанскую войну против советских войск на территории Германии, а участникам обороны Берлина ставило в пример стойкость защитников Москвы. Когда пропаганда не находит других средств, кроме как сослаться на пример героизма собственного противника, этого говорит о многом. Французский историк М.Ларан, занимающийся изучением истории России и Советского Союза, констатирует в своей книге, что «самоотверженность, которую в войне проявили советские люди, достойна самого искреннего восхищения. Духовно они оказались неизмеримо выше своего врага»²⁷.

Доминирующая в структуре духовного облика на протяжении почти четырех лет роль комплекса социально-психологических качеств, необходимых в условиях вооруженной борьбы, не могла не сказаться на всей последующей жизни фронтовиков. Личность этих молодых в большинстве своем людей окончательно сложилась именно в годы войны. Война сформировала целое поколение, отличавшееся совокупностью особых морально-психологических качеств или силой их проявления. Экстремальные обстоятельства войны перестраивали общественное сознание, позволяли проявиться волевому сильному характеру, создавали личности, способные принимать самостоятельные решения, независимые от авторитетов²⁸. Как ни парадоксально это звучит, но для миллионов советских людей война по сравнению с 37-38 гг. стала «глотком свободы», так как на передовой власть репрессивной системы не была всеобъемлющей, преобладали обычные человеческие отношения, скрепленные тяготами окопной жизни, постоянным соседством со смертью. Война начала процесс нравственного очищения и переосмысления ценностей, ставила под вопрос казавшуюся незыблемость сталинского культа. И хотя в официальной пропаганде все победы и успехи связывались с именем Сталина, а неудачи и поражения сваливались на врагов и предателей, не было уже столь однозначного доверия к авторитету командно-бюрократической системы. И.Бродский создал сложный поэтический образ тех, «кто в пехотном строю смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою»²⁹. Однако в нем заключена только часть правды. Война, опалившая миллионы солдат, вместе с тем внутренне освободила их и подняла в человеческом достоинстве. Они доказали свою верность Родине и Советской власти кровью, жизнью, которых не жалели; они не могли представить, что после всего этого кто-то посмеет усомниться в них. Теперь, если сталинский репрессивный аппарат выхватывал из их рядов брата-фронтовика, прежняя, слепая довоенная вера в то, что «невиновных у нас не сажают», сменилась растерянностью, недоумением, негодованием, - штампы рушились, придя в столкновение с реальным жизненным опытом, задуматься над которым всерьез впервые заставила война, оказавшаяся столь непохожей на обещанный пропагандой «могучий сокрушительный удар», «малой кровью», «на чужой территории». Война на многое заставила взглянуть по-другому, «самым суровым образом возвращала не только к горькой действительности, но и к подлинным

ценностям и реальным представлениям, требовала сознательного выбора и самостоятельных решений. Без этого невозможно было одолеть врага»³⁰. На прочность проверялись слова, принципы, убеждения. И не только они. «Там, на войне, - вспоминает бывший командир пехотного взвода В.Плетнев, - я научился ценить и понимать людей. Ведь на переднем крае с особой быстротой раскрывались их самые ценные качества, шла проверка каждого не только на стойкость, но и на человечность, а вместе с тем сразу выявлялись и подлость, и трусость, и шкурничество. За короткий срок, если не разумом еще, то чувством, постигались истины, к которым человечество шло иногда столетиями»³¹. Во всяком случае, за четыре года войны к этим истинам приблизились гораздо больше, чем за несколько предвоенных десятилетий. Для многих она стала действительно духовным очищением. И фронтовое поколение, вышедшее из войны победившим и прозревшим, ценой огромных жертв обретшее нравственную силу, преопределило, по сути, феномен XX съезда.

Безусловно, победа в войне укрепила авторитет Сталина внутри страны и за рубежом, тем более, что и он сам, и вся пропагандистская машина делали все, чтобы представить его спасителем Отечества, приписать ему все заслуги в войне. Миллионы простых солдат и офицеров были для Генералиссимуса всего лишь «винтиками», как он обмолвился в своем тосте в честь парада Победы. Оскорбительный характер этого тоста с обидой вспоминают многие фронтовики³². Но прошедшие сквозь фронтовое пламя люди, сознательно шедшие на смерть за Родину и в большинстве своем лишь случайно выжившие (например, среди мужчин 1923 г. рождения уцелело всего 3%)³³, отнюдь не считали и не хотели признавать себя винтиками³⁴. Там, на войне, они не только чувствовали свою причастность к общей борьбе за свободу и независимость Родины, но и сознавали, что от личных усилий и самоотверженности каждого зависит исход войны. Не случайно, кем бы ни было им суждено стать после войны, главной заслугой и главным делом своей жизни они считали то, что совершили за эти четыре года.

Командно-административная система сознавала опасность, которую несло в себе, угрожая ее господству, поколение фронтовиков. Оно увидело больше, чем ему «полагалось»: ему было с чем сравнить «достижения первого в мире государства рабочих и крестьян», оно узнало, как живут «эксплуатируемые братья по классу в странах капитала». И, надо полагать, сравнение это оказалось не в пользу разоренной колхозной деревни и нищих городских коммуналок.

Напрашивается прямая аналогия с декабристами, в Отечественной войне 1812 г. повывавшими Европу и европейские порядки. Характерно, что такая аналогия возникла уже в начале 1945 г., когда Советская Армия оказалась за границей, причем, возникла не в кругах интеллигенции, а среди генералов идеологического фронта, к которым стекалась информация о настроениях в воинских частях. Так, на совещании бригады работников Управления Агитации и Пропаганды Главного Политуправления РККА и работников отдела Агитации и Пропаганды Политуправления 2-го Белорусского фронта, состоявшемся 6 февраля 1945 г., прозвучало следующее заявление: «После войны 1812 года наши солдаты, увидевшие французскую жизнь, сопоставляли ее с отсталой жизнью царской России. Тогда это влияние французской жизни было прогрессивным, ибо оно дало возможность русским людям увидеть культурную отсталость России, царский гнет и т.п. Отсюда декабристы сделали свои выводы о необходимости борьбы с царским произволом. Но сейчас иное дело. Может быть, помещичье имение в Восточной Пруссии и богаче какого-то колхоза. И отсюда отсталый человек делает вывод в пользу помещичьего хозяйства против социалистической формы хозяйства. Это влияние уже регрессивно. Поэтому надо беспощадно вести борьбу с этими настроениями...»³⁵ Как видно из этого документа, система отчетливо понимала ту опасность, которую несло в себе осознание солдатами и офицерами противоречий между внушаемыми им догмами и реальной жизнью. Интересна и такая историческая параллель: крепостные мужики, отстоявшие Россию от завоевателей, были убеждены, что получают в награду «волю», ибо заслужили ее кровью; столетие спустя их потомки испытывали надежды на послевоенные перемены к лучшему, считая, что заслужили право на них тяжестью народных жертв³⁶. Предчувствия свободы носились в воздухе, но свобода не наступила. Не успел отгреметь салют Победы, как из народа-победителя стали выбивать дух фронтовой независимости и свободы³⁷, атмосфера в обществе снова стала омрачаться, поднялась новая волна репрессий. Но то, что произошло в сознании советских людей за время войны, уже невозможно было задавить террором и демагогией. В обществе происходил трудный, постепенный, но необратимый процесс духовного очищения.

Проблема формирования духовного облика целого фронтового поколения по своей значимости выходит за рамки Великой Отечественной войны. Жизнь этого поколения не кончилась с войной, а специфика духовных феноменов, определенная особенностями тех условий, в которых они складывались, явилась важным фактором обновления общества, противостояния сталинизму. Война сделала очевидной несостоятельность мифа о непогрешимости «Великого Вождя всех времен и народов». Впрочем, сталинизм пытался создать новый миф, связав Победу над фашистской Германией исключительно с именем Сталина, приписав все заслуги его гениальности как полководца. Не случайно сам Сталин явился инициатором присвоения себе звания Генералиссимуса, а возразивший ему маршал Жуков отправился в «почетную ссылку»³⁸. И этот миф в определенной мере повлиял на взгляды фронтовиков, особенно с течением времени. Но в целом фронтовое поколение не укладывалось в жесткие рамки сталинской командно-бюрократической системы. Здесь опять можно провести параллель с декабристами, которые выросли из освободительной войны 1812 года. Не случайными явились идеологические постановления ЦК 1946-1948 гг., ударившие по свободолюбивым

настроениям первых послевоенных лет и направленные в первую очередь против духа «фронтной вольницы». В самом деле, кого в советском обществе можно было обвинить в «низкопоклонстве перед Западом» и «восхвалении буржуазной культуры», кроме тех, кто «на Западе» побывал? А побывала там многомиллионная армия, увидевшая за границей нечто такое, что не могло не заставить ее задуматься о жизни в собственной стране и сделать определенные выводы, совершенно не устраивавшие систему и воспринятые ею как прямая угроза своему существованию³⁹. Не случайным было «ленинградское дело» - уничтожение действительного организатора обороны Ленинграда А.А.Кузнецова и его товарищей. Этим сталинизм хотел «поставить на место» фронтовиков. И устранение с высших командных должностей маршала Г.К.Жукова преследовало ту же цель. Так же, как закономерным явилось то, что именно фронтовые офицеры стали силой, которая уничтожила бериевский репрессивный аппарат, - яркое подтверждение тому, что опасения системы были небезосновательны. Именно фронтовому поколению народы бывшего СССР обязаны не только независимостью и самим своим существованием, но и первым духовным и политическим штурмом тоталитаризма, который мы теперь называем «оттепелью» второй половины 50-х годов.

2. «Война у каждого своя...» (Восприятие войны различными категориями военнослужащих)

Говоря об индивидуальном, личностном восприятии мира, мы уже упоминали об общих чертах психологии, свойственных отдельным категориям людей, связанных своей принадлежностью к определенной возрастной группе, полу, национальности, общественному положению, роду занятий и т.д. В этой связи рассмотрим сначала ряд вопросов, являющихся предметом изучения возрастной психологии, которые следует учитывать как в историко-психологических, так и в конкретно-исторических исследованиях, в частности, при изучении духовного облика фронтового поколения.

Каждый исторический период накладывает свой отпечаток на людей, особенно на тех, чья личность в это время только еще формируется. «Современники определенной эпохи, принадлежащие к одному символическому поколению, не обязательно являются сверстниками. «Поколение Великой Отечественной войны» включает и тех, кому в 1941 г. было 17 лет, и тех, кому исполнилось 25. Однако жизненный путь тех, кто пошел на фронт прямо со школьной скамьи, не успев приобрести ни профессии, ни семьи, существенно отличается от судьбы тех, кого война застала уже взрослыми»⁴⁰. Прошлый жизненный опыт оказывает огромное влияние на поступки людей, стиль их поведения, так же как и отсутствие подобного опыта.

Юношеская психология отличается повышенной эмоциональностью, поступки - импульсивностью, взгляды и суждения - категоричностью, максимализмом. Романтичность, поиски идеала и подражание ему, обостренное чувство справедливости и болезненное восприятие контрастов; пренебрежение к опасности, реальность которой не всегда полностью осознается; стремление к самоутверждению (часто на уровне подсознания) - все эти качества, присущие определенному возрасту, в большей или меньшей степени были характерны для молодых людей 40-х годов, чья юность пришлось на войну. Сыграла свою роль и система агитации и пропаганды, воспитание в духе «героических традиций революции и гражданской войны», на разного рода символах и идеях жертвенности во имя «светлого будущего», к которым особенно восприимчива молодежь. В этом возрасте усвоение определенной системы нравственных норм и принципов, утверждаемых обществом, претворяется в сложную гамму моральных чувств формирующейся личности. Молодые люди, в начале своей сознательной жизни попавшие на войну, были всецело преданы не просто национальному Отечеству, но Отечеству социалистическому, не разделяя в своем сознании два этих понятия. Это было поколение, родившееся и выросшее при новом общественном строе, воспитанное в духе присущей ему идеологии и в минуту опасности вставшее на его защиту. «Мне скажут, - пишет фронтовик Ю.П.Шарапов, - что советские люди шли защищать свою Родину, свою землю, своих родных и близких. Верно. Но ведь почти четверть века к началу войны все это было иным, советским, не образца 1913 года, отнюдь нет. У этой Родины была уже другая, своя история. Очень сложная, своеобразная, но своя... Минувшая война была Отечественной. Но Отечество было уже не тем, что раньше»⁴¹. И рвавшиеся на фронт мальчишки и девчонки просто не знали другого Отечества. Они были комсомольцами, добровольцами, и жертвовали собой без колебаний. Не случайно из всех возрастных категорий, участвовавших в войне, именно на их долю пришлось наибольшее число потерь. «Войну выиграли, довели до победы дохлые, заморенные мальчишки в шинелях не по росту... Мальчишки - хребет победы»⁴², - утверждает бывший морской офицер, шесть раз убежавший из плена, прошедший все муки и унижения, воевавший потом рядовым в разведке Ю.И.Качанов. По нашим подсчетам, среди известных ныне героев, закрывших своим телом огневую точку врага, 82,5% составляют молодые люди до 30 лет и 65,3% - до 25 лет⁴³. Даже с поправкой на общий возрастной состав армии эти цифры говорят сами за себя.

Если в юности люди живут не столько разумом, сколько чувствами, то их поведение в зрелом возрасте объяснить намного сложнее. О том, что представляет собой зрелость, как изменяется человек после достижения половой и социальной зрелости и до начала старения, психологи знают очень мало, хотя такие исследования ведутся⁴⁴. Но то, что люди старшего поколения вели себя на фронте иначе, чем молодые, замечал и тот, кто не был искусен в психологических тонкостях. «Я уже говорил о святых мальчишках и девчонках, - вспоминал В.Кондратьев, - но воевали люди и старше нас, и отцы, и деды. Они воевали умелее, трезвее, поперек батьки в пекло не лезли, удерживая и нас, юнцов, потому что более нас понимали цену жизни»⁴⁵. Люди

семейные, как правило, вели себя осторожнее холостяков, стараясь избегать опасностей там, где это было возможно. Они знали, каково придется их детям без отца-кормильца, не лезли зря «на рожон» и руководствовались старым солдатским принципом: «Сам не напрашивайся, а прикажут - не отказывайся». Впрочем, это вовсе не значит, что они сражались хуже. Просто в их понимании война была тяжелой, изнурительной работой, которую надо добросовестно выполнять. В таком осознании и выполнении солдатского долга тоже был героизм, но иного рода - не мгновенная яркая вспышка, но каждодневный, полный тягот и смертельного риска ратный труд. Но в наиболее сложных и опасных ситуациях, в критических обстоятельствах, когда все решают минуты и секунды, они наравне с молодыми совершали поступки, выходящие за рамки фронтовой обыденности, - те, что называются подвигом.

А мальчишки 18-20 лет не только 40-летних, но порой и 30-летних своих товарищей называли между собой «стариками», не предполагая, что очень скоро сравняются с ними в главном, военном опыте и сами будут смотреть как на «салаг» на новые, еще необстрелянные пополнения. Потом, после войны, для тех, кто уцелел, наступит психологическая разрядка и они снова станут мальчишками, стараясь наверстать упущенные радости жизни. Вот как вспоминал об этом мой отец, лейтенант-танкист С.Л.Сенявский: «На фронт уходили мы мальчишками. Мы рано, слишком рано становились взрослыми, ответственными не только за свою и близких своих судьбу, но за гораздо большее - за судьбу Родины! И все же мы оставались мальчишками, которые не могли равнодушно пропустить взгляд девчонки, но и не могли смириться с тем, чтобы девчонки нами «командовали», даже ранеными. И по-мальчишески, вопреки здравому смыслу, не долечившись, мы удирали из медсанбата, порою и из госпиталя, снова в часть, снова в бой, для многих из нас уже последний. Так было! А те, кто выжил, пережили еще и непростую послевоенную судьбу. Мы позже учились и позже любили - ведь ни для того, ни для другого у нас не было времени в юности, отнятой войной. И вот, отслужив еще несколько лет после войны и проучившись еще лет пять, мы, юноши военных лет, становились снова «взрослыми» к тридцати. У нас было две юности: одна настоящая, отнятая войной; другая запоздавшая, послевоенная...»⁴⁶ Эти строки отец написал в канун 30-летия Победы, взглянув на свою судьбу как бы со стороны. Это была его судьба и судьба целого поколения. Это он, едва оправившись от ранения и контузии, сбежал из медсанбата обратно в роту. Это он, такой сдержанный и суровый на фронте, был неисправимым шутником и заводилой в послевоенные студенческие годы. Стоит сравнить две фотографии - 44-го и 46-го годов. На обеих отец в военной форме, но насколько старше выглядит он на той, первой, в выгоревшей своей гимнастерке, перетянутый португеей! Насколько старше выглядят они все, мальчишки 40-х, на своих фронтовых фотографиях.

«Война - дело мужское». Принимая это утверждение за аксиому, обратимся, тем не менее, к такому сложному феномену, как женщина на войне. Сложному не только в силу особенностей женской психологии, а значит, и восприятия ею фронтовой действительности, но и в силу неоднозначного отношения военного мужского большинства, да и общественного мнения в целом к присутствию женщины в боевой обстановке, в армии вообще. Таким образом, эта проблема сама собой делится на две части.

Начнем с первой: отношения женщины к войне.

«Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания, - подчеркивает автор книги «У войны не женское лицо» Светлана Алексиевич. - Если мужчину война захватывала, как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание - для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны - физические и моральные, она труднее переносила «мужской» быт войны»⁴⁷. В сущности, то, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, было чудовищным противоречием ее женскому естеству.

Впрочем, массовое участие женщин в Великой Отечественной войне было во многом предопределено предвоенной политикой советского государства, направленной на вовлечение женщин в общественное производство, доведение идеи мужского и женского равенства до полного игнорирования особенностей женского организма, в результате чего участие женщин в наиболее тяжелом физическом труде, приобщение их к традиционно «мужским» профессиям преподносилось общественному мнению как величайшее достижение социализма, как освобождение женщины от «домашнего рабства». Идеи эмансипации были наиболее популярны в молодежной среде, а массовые комсомольские призывы, наборы и мобилизации под лозунгами «Девушки - на трактор!», «Девушки - в авиацию!», «Девушки - на комсомольскую стройку!» и т.д. явились своего рода психологической подготовкой к тому, что с началом войны сотни тысяч женщин устремились в армию, не желая отставать от мужчин, чувствуя, что способны наравне с ними вынести все тяготы воинской службы, а главное - утверждая за собой равные с ними права на защиту Отечества.

Глубокий патриотизм поколения, воспитанного на героических символах недавнего революционного прошлого, но имевшего в большинстве своем книжно-романтические представления о войне, отличал и тех 17-18-летних девочек, которые осаждали военкоматы с требованием немедленно отправить их на фронт (см. Приложение N 2 (I)). Они были готовы к подвигу, но не были готовы к армии, и то, с чем им пришлось столкнуться на войне, оказалось для них неожиданностью. Гражданскому человеку всегда трудно перестроиться «на военный лад», женщине - особенно. Армейская дисциплина, солдатская форма на много размеров больше, мужское окружение, тяжелые физические нагрузки - все это явилось нелегким испытанием.

Но это была именно та «будничная вещественность войны, о которой они, когда просились на фронт, не подозревали»⁴⁸. Потом был и сам фронт - со смертью и кровью, с ежеминутной опасностью и «вечно преследующим, но скрываемым страхом»⁴⁹. Потом, спустя годы, те, кто выжил, признаются: «Когда посмотришь на войну нашими, бабьими глазами, так она страшнее страшного»⁵⁰. Потом они сами будут удивляться тому, что смогли все это выдержать. И послевоенная психологическая реабилитация у женщин будет проходить сложнее, чем у мужчин: слишком велики для женской психики подобные эмоциональные нагрузки. «Мужчина, он мог вынести, - вспоминает бывший снайпер Т.М.Степанова. - Он все-таки мужчина. А вот как женщина могла, я сама не знаю. Я теперь, как только вспомню, то меня ужас охватывает, а тогда все могла: и спать рядом с убитым, и сама стреляла, и кровь видела, очень помню, что на снегу запах крови как-то особенно сильный... Вот я говорю, и мне уже плохо... А тогда ничего, тогда все могла»⁵¹. Вернувшись с фронта, в кругу своих ровесниц они чувствовали себя намного старше, потому что смотрели на жизнь совсем другими глазами - глазами, видевшими смерть. «Душа моя была уставшая»⁵², - скажет об этом состоянии санинструктор О.Я.Омельченко.

Психологи отмечают у женщин более тонкую нервную организацию, чем у мужчин. Самой природой заложена в женщине функция материнства, продолжения человеческого рода. Женщина дает жизнь. Тем противоестественнее кажется словосочетание «женщина-солдат», женщина, несущая смерть. В предшествующие эпохи известны легендарные единицы представительниц «слабого пола», участвовавшие в войне, - кавалерист-девица Надежда Дурова, партизанка Василиса Кожина, в первую мировую и гражданскую - в основном сестры милосердия и врачи. В Великую Отечественную участие женщин в войне становится массовым: в эти годы в армии служило 800 тысяч женщин, а просилось на фронт еще больше. Не все они оказались на передовой: были и вспомогательные службы, на которых требовалось заменить ушедших на фронт мужчин, и службы «чисто женские», как, например, в банно-прачечных отрядах. Наше сознание спокойно воспринимает женщину-телефонистку, радистку, связистку; врача или медсестру; повара или пекаря; шофера и регулировщицу, то есть те профессии, которые не связаны с необходимостью убивать. Но женщина-летчик, снайпер, стрелок, автоматчик, зенитчица, танкист и кавалерист, матрос и десантница, - это уже нечто иное. Жестокая необходимость толкнула ее на этот шаг, желание самой защищать Отечество от беспощадного врага, обрушившегося на ее землю, ее дом, ее детей. Священное право! Но все равно у многих мужчин было чувство вины за то, что воюют девчонки, а вместе с ним - смешанное чувство восхищения и отчуждения. «Когда я слышал, что наши медицинские сестры, попав в окружение, отстреливались, защищая раненых бойцов, потому что раненые беспомощны, как дети, я это понимал, - вспоминает ветеран войны М.Кочетков, - но когда две женщины ползут кого-то убивать со «снайперкой» на нейтральной полосе - это все-таки «охота»... Хотя я сам был снайпером. И сам стрелял... Но я же мужчина... В разведку я, может быть, с такой и пошел, а в жены бы не взял»⁵³.

Но не только это «несоответствие» женской природы и представлений о ней тому жестокому, но неизбежному, что требовала от них служба в армии, на фронте, вызывало противоречивое отношение к женщинам на войне. Чисто мужское окружение, в котором им приходилось находиться в течение длительного времени, создавало немало проблем. С одной стороны, для солдат, надолго оторванных от семьи, в том их существовании, где, по словам Давида Самойлова, «насушной потребностью были категории дома и пренебрежения смертью, - единственным проблеском тепла и нежности была женщина», а потому «была величайшая потребность духовного созерцания женщины, приобщения ее к миру», «потому так усердно писали молодые солдаты письма незнакомым «заочницам», так ожидали ответного письма, так бережно носили фотографии в том карманчике гимнастерки, через который пуля пробивает сердце»⁵⁴. Об этой потребности «духовного созерцания женщины» на фронте вспоминают и сами фронтовики. «Женщина на войне... Это что-то такое, о чем еще нет человеческих слов, - говорит бывшая санинструктор О.В.Корж. - Если мужчины видели женщину на передовой, у них лица другими становились, даже звук женского голоса их преображал»⁵⁵. По мнению многих, присутствие женщины на войне, особенно перед лицом опасности, облагораживало человека, который был рядом, делало его «намного более храбрым»⁵⁶.

Но существовала и другая сторона проблемы, ставшая темой сплетен и анекдотов, породившая насмешливо-презрительный термин ППЖ (походно-полевая жена). Особенно охотно злословили по этому поводу в тылу - те, кто сами предпочитали отсиживаться подальше от передовой за спинами все тех же девчонок, ушедших на фронт добровольцами. Те самые интенданты «в повседневных погончиках», заклеенные горьким фронтовым фольклором (см. Приложение N 1 (I, 1)), о которых ходила народная поговорка: «Кому война, а кому мать родна». На войне было всякое, и женщины были разные, но «о римском адении нравов во время войны твердили только сукины дети, покупавшие любовь у голодных за банку американской колбасы»⁵⁷. Интересен тот факт, что фронтовая мораль гораздо строже осуждала неверную жену, оставшуюся дома и изменившую мужу-фронтовику с «тыловой крысой», чем мимолетную подругу, по-женски пожалевшую солдата, идущего на смерть. Это отношение предельно ясно выразил К.Симонов в двух стихотворениях - «Лирическое» (1942 г.) и «Открытое письмо женщине из города Вичуга» (1943 г.). Если второе из них хорошо известно и стало уже классикой, то первое, опубликованное в дивизионной газете «За нашу Победу!» 20 июня 1942 г. и раскритикованное уже 2 июля во фронтовой газете «Вперед на врага!» И.Андрониковым, С.Кирсановым и Г.Иолтуховским за «безнравственность», «рифмованную пошлость» и т.п., оказалось почти забытым, так как противоречило ханжеству официальной идеологии, исходившей из

принципа: «делай, что угодно, но говорить об этом не смей». Это стихотворение заслуживает того, чтобы процитировать его хотя бы частично.

*«На час запомнив имена,
Здесь память долгой не бывает,
Мужчины говорят: война...
И женщин наспех обнимают.
Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали - милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила.
Она возлюбленных чужих
Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.
А им, которым в бой пора,
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали»⁵⁸.*

Рождались на фронте и подлинные, возвышенные чувства, самая искренняя любовь, особенно трагичная потому, что у нее не было будущего, - слишком часто смерть разлучала влюбленных. Но тем и сильна жизнь, что даже под пулями заставляла людей любить, мечтать о счастье, побеждать смерть. И осуждать их за это из далекого тыла, пусть голодного, холодного, но все-таки безопасного, было куда безнравственнее.

О том, как непросто складывались на войне женские судьбы, свидетельствует небольшая подборка писем женщин-военнослужащих, обнаруженных нами в делах Политотдела 19 Армии за февраль 1945 г. Эти копии были сняты военной цензурой и «проанализированы» работниками политотдела «для улучшения партийно-политической работы среди женщин Армии»⁵⁹. В них, как в зеркале, отражается вся трагедия женщины на войне, те горькие, порой неприглядные стороны, о которых не принято говорить. Спектр мыслей, чувств, настроений авторов писем чрезвычайно широк, они предельно искренни и интимны, явно не предполагая бесцеремонного вмешательства политорганов в свою личную жизнь. Тем большим контрастом выступают пометки военной цензуры, присвоившей себе право красным и синим карандашом отмечать то, что, по ее мнению, является свидетельством «патриотического подъема» или, напротив, «упадка духа». И выводы политотдела, выдергивающего цитаты из контекста, придавая им подчас прямо противоположный смысл. И приписки авторства несуществующим лицам, чтобы продемонстрировать начальству масштаб «работы», как будто ею «охвачено» большее число женщин, чем на самом деле. И сами рекомендации «по устранению недостатков в воспитательной работе среди девушек». Некоторые из писем, а также донесение Политотдела с выводами и обобщениями по ним, мы помещаем в Приложении (см. Приложение N 2 (II)).

В завершение этого вопроса хочется привести слова К.Симонова: «Мы, говоря о мужчинах на войне, привыкли все-таки, беря в соображение все обстоятельства, главным считать, однако, то, как воюет этот человек. О женщинах на войне почему-то иногда начинают рассуждения совсем с другого. Не думаю, чтобы это было правильно»⁶⁰. Бывшие солдаты с уважением и благодарностью вспоминают своих подружек, сестренки, которые выволакивали их раненых с поля боя, выхаживали в медсанбатах и госпиталях, сражались с ними рядом в одном строю. Свыше 150 тыс. женщин награждены боевыми орденами и медалями за заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками⁶¹.

Следующий вопрос - о некоторых особенностях духовного облика, обусловленных национальной психологией, национальным характером. Имели ли они значение в боевой обстановке, какую «национальную политику» проводили политорганы в Действующей Армии и в чем это проявлялось?

Общественная, в том числе национальная психология, как и национальное самосознание, будучи в целом производным от реальной жизни людей, социальной практики, всегда оказывали большое влияние на экономическое и социальное развитие нашей страны, весь ход ее истории. В то же время в общественных науках проблема национального характера относится к числу наиболее сложных и запутанных, является постоянным предметом споров и дискуссий. В разные периоды развития отечественной историографии были попытки как абсолютизировать значение национальной психологии, так и принизить его - вплоть до полного отрицания в угоду «классовому подходу». Не вдаваясь в подобные крайности, необходимо отметить, что в своей борьбе с фашизмом народы, населявшие СССР, опирались на богатые боевые, трудовые и культурные традиции, на лучшие черты своего национального характера. Для русского народа, явившегося цементирующей основой многонациональной Советской Армии, такими чертами, генетически связанными с историей России, необходимостью ее защиты от иноземных нашествий, общинным укладом и артельным духом, были готовность пожертвовать собой ради блага Отечества, способность к концентрации духовных и физических сил, умение «собраться в кулак», стойко выдержать всевозможные напасти, то есть та способность к сверхнапряжению, которая на самых крутых поворотах истории не давала погибнуть нации⁶². Героизм и самоотверженность русского народа, его верность Родине многие зарубежные деятели признавали «русским

чудом». «Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских»⁶³, - писал в прошлом веке канцлер Германии Бисмарк. Не случайно на смену предвоенной государственной политике, когда патриотизм как сознание народа был заклеен и втопан в грязь, слово «патриот» считалось чуть ли не синонимом слова «белогвардеец», слово «память» ассоциировалось с дикостью и невежеством, рушились памятники и разбазаривались культурные ценности, пришла политика военного времени: произошел крутой поворот к возрождению национального самосознания и национального патриотизма в тот момент, когда со всей остротой встал вопрос: быть или не быть стране и населяющим ее народам⁶⁴. Впрочем, говорить о «национальном патриотизме» в чистом его виде в период Великой Отечественной войны нельзя. Это был патриотизм «многонациональный», объединяющий в борьбе с общим врагом все народы страны. И об этом духовном единстве и сплочении свидетельствуют многие письма тех лет. «Мы побеждаем смерть не потому, что мы неуязвимы, - писал в октябре 1942 г. матери с фронта летчик Ю.Казьмин, - мы побеждаем потому, что мы деремся не только за свою жизнь; мы думаем в бою о жизни мальчика-узбека, грузинской женщины, русского старика. Мы выходим на поле сражения, чтобы отстоять святая святых - Родину. Когда я произношу это слово, мне хочется встать на колени»⁶⁵. В наше время всеобщего распада и разрыва многовековых связей, «разбегания» по национальным квартирам и кровавых междоусобиц, фронтовые письма, искренние и немного наивные, являются укором всем нам, поставившим взаимные обиды выше дружбы, связавшей народы на полях сражений с общим врагом. Там, на фронте, все были равны перед лицом смерти, помогали друг другу, считали друг друга братьями. Национального вопроса (не в политическом, а психологическом аспекте) там не существовало. «...Суровый и справедливый закон войны-боя не знает никакой пощады, снисхождения и скидок ни солдату, ни офицеру, к какой бы он нации ни принадлежал, - писал в 1944 г. редактору журнала «Знамя» гвардии полковник Б.Момыш-улы. - Бой знает и признает мужество и способность, и только способность выдвигает и возвышает солдата и офицера. Война не знает выдвиганий без боевых качеств»⁶⁶. По его определению, стержнем национальной политики в армии было осознание того, что «нет национальной традиции, мешающей воевать, а есть национальные традиции, помогающие воевать», и этими традициями нужно гордиться, укреплять их и всемерно использовать, воспитывая в бойцах уважение к другим нациям через любовь и уважение к своей собственной»⁶⁷.

Вопрос о национальной политике в армии в период Великой Отечественной войны включает в себя множество сложных, противоречивых аспектов. В данной работе мы коснемся лишь незначительной их части, но наиболее тесно связанной с проблемами социальной психологии.

Среди средств пропагандистской и агитационно-массовой работы с бойцами нерусской национальности особый интерес представляет публикация в печати писем от имени народов союзных республик воинам-землякам и отклики на них, которые звучали на митингах и красноармейских собраниях, в ответных письмах и обращениях бойцов. В октябре 1942 г. через «Правду» к воинам-землякам обратился с наказом народ Узбекистана, старейшие представители народов Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии, в январе 1943 - народ Киргизии, в феврале - Казахстана и Армении, в марте - Таджикистана и Татарии, в апреле - Туркмении и Азербайджана, в июне - Дагестана, в июле - Бурят-Монголии, Чувашии и Марийской автономной республики, в августе - Башкирии. В июле 1943 г. воинам-латышам, литовцам и эстонцам направили свое обращение участники торжественного заседания Президиумов Верховных Советов и правительств Латвийской, Литовской и Эстонской союзных республик⁶⁸.

«...В дом твоего старшего брата - русского, в дом твоих братьев белоруса и украинца ворвался германский басмач, - говорилось в письме труженников Узбекистана своим землякам. - Он несет коричневую чуму, виселицу и кнут, голод и смерть. Но дом русского - тоже твой дом, дом украинца и белоруса - также и твой дом! Ибо Советский Союз - нерушимая семья, где каждый живет хотя и в своем доме, но двор и хозяйство едины и неделимы... Союз Советских Республик - это крепость с одними воротами, и разбойник, влезший в эти ворота, покушается и на твою жизнь!.. Но если разбойник отобрал дом у твоего брата, верни ему дом - это твой долг, узбекский боец! Это ваш долг, все советские бойцы»⁶⁹.

Если все подобные обращения несли на себе характерный отпечаток пропагандистских штампов и клише своего времени, то не менее «заштампованными», отразившими утвердившиеся в общественном сознании стереотипы, оказались и ответы на них - выступления бойцов разных национальностей на красноармейских собраниях, удивляющие не только смысловым, но и почти дословным совпадением. Достаточно сравнить отрывки из политдонесений разных частей 19 Армии за ноябрь 1942 г.: «Выступая на митинге в 217 стр. полку, младший сержант казах Кичкибаев Бураш, беспартийный сказал: «Мы, казахи, раньше были угнетены царским правительством. Нам дала свободу Октябрьская революция. Немцы снова хотят посадить на наши спины помещиков и капиталистов, отнять у нас культуру и независимость. Но этому не бывать, никто из нас не уйдет с занятого рубежа и мы победим немцев»⁷⁰. Из другого донесения: «В роте ПТР части «Бетон» ... на митинге выступило 8 человек, в том числе на своих родных языках выступили красноармейцы грузин Ткапладзе, узбек Тайгамов и украинцы Плонский и Дубровский. В своем выступлении товарищ Тайгамов сказал: «Узбеки раньше были угнетены царским правительством. За годы Советской власти мы получили свою национальную культуру. Узбек спокойно вздохнул только после Великого Октября. И вот немцы снова хотят посадить на наши спины своих помещиков и капиталистов, хотят отнять у нас свободу, но этому не бывать. Мы уничтожим врага!»⁷¹ Иногда такого рода совпадения вместе с упоминаниями о том, что проведению митингов предшествовала «тщательная подготовка выступающих», наводят на мысль о существовании готовых текстов

выступлений, заранее согласованных с политорганами или ими же и составленными, хотя более вероятной причиной представляется все же стереотипность мышления, воспитанная у людей системой агитации и пропаганды. О том, как это происходило, свидетельствуют, в частности, такие строки из документа: «...Докладываю, что письмо узбекского народа бойцам-узбекам доведено до каждого бойца и младшего командира-узбека. Во всех подразделениях проведена текстуальная читка письма, а также проведены беседы с бойцами-узбеками по содержанию письма. В части Гейфмана письмо узбекского народа переведено на узбекский язык, размножено и распространено среди бойцов-узбеков. Каждому бойцу-узбеку в большинстве частей вручена брошюра с текстом письма на узбекском языке... Составлено и принято на красноармейских собраниях ответное письмо в Узбекскую ССР от узбеков части... Проведены также беседы на тему: «Что дала Советская власть узбекскому народу»⁷².

Другим средством «политико-воспитательной работы» была отправка командованием частей писем на родину отличившихся бойцов с рассказами родным и близким, коллективам колхозов и предприятий об их боевых делах. В сущности, это была та же переписка с земляками, оставшимися в тылу, и получение от них наказов «сражаться доблестно и честно», только не общесоюзного, а «местного» масштаба. В донесении Политотдела 19 Армии от 24.10.42 г. говорится: «Посылка писем имеет большое политическое значение, повышающее патриотическое чувство в тылу и на фронте. Например, о мужестве сержанта Юсупова - чеченца (4 стр. рота 273 стр. полка) было послано письмо его родным. В ответ на это письмо отец Юсупова пишет: «Я уже в преклонных летах, но крепко сижу в седле, мой клинок отточен и я иду в Красную Армию, ибо враг близко. Бейте, сынки, врага, не посрамите своей родины. Все мы в единой семье воспитаны, под сталинским солнцем. Наше дело правое. Нас не сломаешь»⁷³. Могли ли знать отец и сын Юсуповы, что спустя два года по воле Сталина их народ будет объявлен народом-предателем, насильно изгнан из родных мест и переселен в другие районы? Такая же судьба постигла ингушей, калмыков, карачаевцев, балкарцев, кавказских турок, курдов и крымских татар. Еще раньше, в самом начале войны, 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». А в частях Действующей Армии политработники проводили беседы на тему: «Сталинская дружба народов СССР»⁷⁴.

Свой психологический аспект имеет и проблема национальных формирований в Советской Армии. Соединения и части, формировавшиеся по признакам национальной принадлежности личного состава, создавались в соответствии с решением ГКО от 13 ноября 1941 г., а по закону, принятому Верховным Советом СССР 1 февраля 1944 г., каждая союзная республика стала иметь свои республиканские воинские формирования⁷⁵. В национальных частях не так остро стояла проблема языкового барьера, как в обычных, да и среди земляков, в привычной национальной среде было легче адаптироваться к солдатской жизни. Но несмотря на существующие директивы о направлении представителей определенных национальностей в национальные армии, попадали туда далеко не все желающие. Так, в конце 1944 г. в связи с прибытием в Советскую Армию нового пополнения, призванного в районах, освобожденных от немецкой оккупации, возникло немало проблем. В делах Политотдела 19 Армии есть целый комплекс документов, посвященных настроениям вновь прибывших бойцов из Западных областей Украины и Белоруссии, из Молдавии и Прибалтики. «Среди некоторых бойцов латышей и поляков имеется недовольство тем, что их не направляют в латышские части и в польскую армию, - говорится в политдонесении от 28.12.44 г. - Более заметно такое недовольство среди поляков. Часть поляков в 18 стр. дивизии продолжает заявлять о том, что не будут принимать военную присягу, и отказываются получать красноармейские книжки. Вызванные на беседу с начальником Оргинструкторского Отдела Политуправления фронта полковником Твердохлебовым, 5 человек - Мацук, Мончан, Овсянник, Станкевич и Богданович заявили ему примерно так: «Присягу больше принимать не будем. Мы присягали один раз перед польским народом и Богом. Изменниками Родины не будем»⁷⁶. Другим аргументом поляков был тот, что их всех записали белорусами. «Зачем топчут нашу нацию?»⁷⁷ - возмущенно заявляли они и говорили о том, что знают из газет, что все желающие поляки могут выехать в Польшу, что в военкомате их обещали отправить в польскую армию, где у многих служат родные, и вот обманули⁷⁸. Некоторые мотивировали свое желание служить в польской армии тем, что в Советской Армии они не имеют возможности соблюдать религиозные обряды, а также из страха, что, приняв присягу, они уже не смогут после войны вернуться в Польшу и их заставят вступить в колхоз⁷⁹. Командование решило проблему просто: зачинщика «бунта» отправило в СМЕРШ, а остальных (около 250 человек) рассредоточило по одиночке по разным подразделениям, так как «поляки пытались группироваться». «Всем им разъяснено, - говорится в донесении, - что они являются советскими гражданами и будут служить в Красной Армии. Вместе с этим проведен ряд бесед о возвышенных и благородных целях борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков, о дружбе народов СССР и др.»⁸⁰

Еще один документ, характеризующий способы решения политорганами национальных проблем в Действующей Армии, заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«Исх. N 045
10.01.45

Секр.
экз. 1

Начальникам Политотделов корпусов,
дивизий и бригад 19-й Армии

В некоторых частях имеют место факты, когда прибывшие в часть пополнения молдаване распевают песни на румынском языке.

Предлагаю пение таких песен запретить и разъяснить личному составу их вред. Одновременно провести беседы о значении наших советских патриотических песен и организовать разучивание текста и мотивов русских песен.

Нач. Политотдела 19 Армии
Полковник Поморцев»⁸¹.

В донесении этот случай объясняется тем, что румынские песни восхваляли захватническую войну и грабеж, имели «реакционную сущность»⁸². Но дело, видимо, было просто в желании перестраховаться, так как «бойцы идеологического фронта» не знали румынского языка и не могли контролировать «содержание» нерусских песен. Прилагаемый к донесению перевод песенных текстов вполне безобиден, их сюжеты сводятся к тому, что солдаты идут по деревне и «обнимают красивых девок»⁸³. Однако, бойцам пополнения было запрещено их исполнение и навязано изучение «советских патриотических песен, отражающих кровные интересы народа». «Молдаване обещали больше таких песен не петь и изъявили желание изучать советские песни»⁸⁴.

И все же эти и другие конфликты и противоречия не несли в себе собственно национальной окраски, а имели скорее окраску политическую, будучи, по существу, спровоцированы сталинской системой. Несмотря на это, утверждение самого Сталина о том, что «Все народы Советского Союза единодушно поднялись на защиту своей Родины, справедливо считая нынешнюю Отечественную войну общим делом всех трудящихся без различия национальности и вероисповедания»⁸⁵, не было пустой декларацией, но отражало реальное положение вещей.

Ставя перед собой задачу изучить духовный облик фронтового поколения, мы намеренно ограничиваемся рассмотрением психологии собственно фронтовиков, то есть тех, кто непосредственно принимал участие в вооруженной борьбе с врагом на переднем крае. Ведь «для окопника глубоким тылом считалось все, что находилось дальше медсанбата, а там жизнь текла совсем другая, «кому война, кому мать родна»⁸⁶. Психология людей из «второго эшелона» была совершенно иной. Не случайно на фронте так не жаловали «штабных крыс», приписывая им все смертные грехи, часто вполне заслуженно, исходя из своих, «окопных» критериев нравственной оценки человека: «Пошел бы я с ним в разведку или нет». То высокое и не очень начальство, которое появлялось на передовой только в часы затишья и старалось долго там не задерживаться, не могло рассчитывать на авторитет у людей, рискующих жизнью постоянно, изо дня в день, и не считавших это чем-то особенным. Поэтому, говоря о различном восприятии войны рядовым и командным составом, мы имеем в виду прежде всего фронтовых солдат и офицеров.

«Конечно, точка зрения солдата на войну - одна точка зрения, командира полка - другая, даже на один и тот же бой. Потому что они ведь и смотрят на него с разных точек и имеют в этом бою, различные задачи, - писал К.Симонов. - Я говорю не о политической задаче - общей, нравственной, патриотической, - а о военной задаче в бою»⁸⁷. Впрочем, наиболее существенные психологические различия обуславливались в первую очередь характером и степенью ответственности, возложенной на каждого в зависимости от служебного положения. Рядовой отвечает только за себя, выполняя приказы всех вышестоящих начальников. Его инициатива предельно ограничена рамками этих приказов. Командир любого ранга несет ответственность не только за себя, но и за своих людей, званием и должностью ему дано право посылать их на смерть, и в этом самое трудное его испытание - испытание властью. Чем выше должность, тем большее число людей зависит от его воли, деловых и человеческих качеств. Но над каждым командиром есть другой командир, чья власть еще больше. И его инициатива тоже ограничена рамками приказов, хотя возможность ее проявить шире, чем у простого солдата. Случалось, что страх перед начальством оказывался сильнее, чем перед врагом. И самой отвратительной трусостью была не боязнь смерти, а боязнь доложить правду о сложившейся ситуации на позиции: за такой трусостью на войне всегда стоят чьи-то жизни»⁸⁸.

Младший командный состав - сержанты, старшины - по своему положению мало отличался от рядовых. Он составлял промежуточное звено между ними и офицерами, но психологически был гораздо ближе к первым. Интересное наблюдение о «трех главных состояниях» русского солдата мы находим в дневнике Давида Самойлова: «Первое. Без начальства. Тогда он брюзга и ругатель. Грозится и хвастает. Готов что-нибудь слямзить и схватиться за грудки из-за пустяков. В этой раздражительности видно, что солдатское житье его тяготит. Второе. Солдат при начальстве. Смирен, косноязычен. Легко соглашается, легко поддается на обещания и посулы. Расцветает от похвалы и готов восхищаться даже строгостью начальства, перед которым за глаза куражится. В этих двух состояниях солдат не воспринимает патетики. Третье состояние - артельная работа или бой. Тут он - герой. Он умирает спокойно и сосредоточено. Без рисовки. В беде он не оставит товарища. Он умирает деловито и мужественно, как привык делать артельное дело»⁸⁹. И еще: «Российский солдат вынослив, неприхотлив, беспечен и убежденный фаталист... Эти черты делают его непобедимым»⁹⁰. В сущности, это собирательный образ народа-крестьянина на войне, образ солдатской массы в одинаковых серых шинелях, внутренне протестующей против этой «одинаковости», «обезлички» и, тем не менее, выступающей как единое целое, подчиняясь долгу и приказу. Такое обобщение ничуть не противоречит тому, что народный характер, то есть черты, сходные у многих, порожденные единством языка, культуры и судьбы, не являются

чем-то застывшим и неизменным, но развиваются и изменяются постоянно вместе с изменением обстоятельств, потому что на деле «народ - это неисчерпаемое множество характеров»⁹¹.

Принадлежность к офицерскому составу давала некоторые бытовые преимущества, но, что гораздо важнее, формировала у людей особый психологический склад, происходило даже возрождение ряда традиций, заимствованных у старого офицерского корпуса, безжалостно истребленного во время революции и гражданской войны. Впрочем, это было связано и с изменениями в политике государства по отношению к армии: «признание, хоть и негласное, у народа - защитника Отечества - определенных прав; создание кадровой армии (гвардия - как в старые времена, офицерский устав, столовая, клуб, укрепление вообще статуса офицерского состава); ликвидация «двуначалия» - института военных комиссаров»⁹², и как итог, отражающий качественные перемены войска, - введение формы с погонами, встреченное «с интересом и удовольствием»⁹³. Но было в укреплении офицерского статуса и то, что вольно или невольно способствовало «отчуждению» от рядового состава, формировало идею «касты». «Еще на фронте мы недоуменно рассуждали об офицерских дополнительных пайках, - вспоминает В.Кардин. - Почему младший лейтенант получает на банку консервов, на кусок масла, на пакетик сахара или табака больше, чем рядовой? Они вместе живут, вместе идут на смерть и ложатся в братские могилы. Но одному положено столько-то калорий, другому - поменьше. После того, как наша армия перешла государственную границу, приказом разрешили посылки на родину. (Содействовал ли вообще этот приказ моральному здоровью войска?) Но и здесь офицеру дали преимущество. Он мог отправить больше посылки, чем рядовой или сержант. А ведь семьям рядовых и сержантов приходилось особенно туго - они не получали денег по аттестату»⁹⁴. Впрочем, на фронте были свои, особые законы, вносившие существенные поправки в отношения людей, независимо от их воинского звания. Без крепкой фронтовой спайки выжить было просто невозможно. И вот какое наблюдение сделал В.Кондратьев по вопросу о тех же офицерских привилегиях: «Все, наверное, знают, что на фронте офицерам выдавался так называемый доппайк - легкий табак или папиросы вместо махры, галеты и немного сливочного масла, в общем-то ерунда. Но вот те командиры, которые делились с солдатами своим доппайком, держались на передке дольше и убивало их реже. Чем объяснить, не знаю, но факт такой имел место»⁹⁵. Видимо, играл свою роль и чисто психологический момент: офицер, пользовавшийся любовью и уважением солдат, чувствовал себя в бою увереннее и надежнее, а на фронте это обстоятельство немаловажное. «Дурные предчувствия» на войне имели несчастье сбываться не только потому, что в экстремальных обстоятельствах обострялась человеческая интуиция, но прежде всего потому, что они являлись отражением усталости и определенного психологического настроя, когда постоянное физическое и нервное напряжение переходит допустимый барьер и превращается в свою противоположность - чувство апатии и безразличия к собственной судьбе, и как следствие этого - ослабление внимания и самоконтроля, замедление реакции организма на опасность, что значительно уменьшает возможности ее избежать. В то же время любой фактор, повышающий настроение людей, способствовал, в свою очередь, и их «сопротивляемости» в бою, активизации резервных сил организма в целях самозащиты, формирования внутреннего убеждения в том, что «меня не убьют». В этом смысле взаимное доверие командира и подчиненного являлось именно таким фактором. «Отношения между собой у фронтовых солдат, как правило, были дружеские, - вспоминал Д.Самойлов. - Средние офицеры редко обижали и унижали рядовых. Вспоминая тыловые запасные полки, солдаты охотно ругали тамошнее начальство, считая, что вся сволочь окопалась в тылу и по собственной злой воле, да еще и стараясь особо выслужиться, заедает солдатскую жизнь драконовскими строгостями и бессмысленными трудами... Наши командиры проявляли о нас заботу, были просты в обращении, ничего не заставляли делать зря, да и жили примерно так, как жили мы, одинаково разделяя с нами все опасности и превратности фронтовой жизни. Но на фронте не специально подбирались добрые, заботливые, смысленные и смелые командиры - на фронте была необходимость смелой и взаимной выручки, справедливости и заботы. Командиру, не обладающему подобными качествами, не поверят в бою, а не то еще похуже - оставят раненого на поле боя или помогут отправиться на тот свет. Но, конечно, не расчет подобного рода формировал среднего фронтового командира. Вся обстановка опасности, смерти, единения, ответственности, долга, вся непосредственность и жизненность этих категорий, абстрактных в иное время и в иных обстоятельствах, определяли поведение большинства фронтовых офицеров»⁹⁶.

Еще одно интересное наблюдение, может быть, не совсем бесспорное. Средние командиры, пришедшие из запаса, - инженеры, учителя и люди других интеллигентных профессий, больше жалели солдат, чем кадровые командиры, «быстрее и квалифицированнее оценивали обстановку и принимали более верные решения», пользовались особым уважением солдат⁹⁷. Впрочем, следует учитывать, что кадровые военные приняли на себя первый удар в начале войны, большинство их погибло еще в 1941 г., а на смену им пришли как раз командиры запаса, люди, по своему сознанию и основному роду занятий, глубоко гражданские, но именно они довели войну до победного конца. Да еще мальчишки-лейтенанты, вчерашние курсанты ускоренного военного выпуска. Это среди них, самой многочисленной и близкой к солдатской массе категории офицеров, были и самые большие потери. Это они заслужили в народе ласковое прозвище «Ваня-взводный». «Младшие офицеры войны ... испытали войну на своей шкуре, в одном окопе с рядовыми, - вспоминает бывший лейтенант Т.Жданович. - В этом вся тяжесть: ты и рядовой, ты и как командир рядовых подними, да и сам в бой. И сам не дрогнул, и других сдерживал...»⁹⁸ Психологически особенно трудно командовать людьми было именно молодым офицерам, они должны были прежде всего завоевать у солдат авторитет, подтверждающий их право (не уставное, но моральное) распоряжаться чужими жизнями, несмотря на собственную молодость. А авторитет в

бою можно было завоевать только личным примером, подвергая свою жизнь той же степени риска, которую собираешься требовать от других. Иногда это принимало форму демонстративной, «на показ» храбрости, граничившей с безрассудством, но бывали ситуации, когда без этого невозможно обойтись. Впоследствии приобретенный таким образом авторитет служил юному офицеру надежной гарантией, что его возраст больше не будет восприниматься как недостаток, особенно по мере того, как неопытность новичка уступает место его зрелости как командира. Но это становление и «взросление» вчерашних школьников, попавших на войну в непривычном качестве человека, наделенного властью, давалось им нелегко. «Не по возрасту тяжкая и страшная ответственность легла на их плечи, - говорит Григорий Бакланов. - И вот им, восемнадцатидевятнадцатилетним, нередко приходилось вести в бой людей, которые были вдвое старше их, и строго требовать, и даже посылать на смерть. А это для молодых и совестливых гораздо трудней, чем самому пойти»⁹⁹. У многих солдат, оказавшихся под началом безусых лейтенантов, были уже взрослые дети, ровесники их командира, и характер взаимоотношений между такими бойцами и командирами был особенно сложен, причудливо сочетая солдатское повиновение и отцовскую заботу и снисходительность у одних, подчеркнутую суровость и уважение к чужому жизненному опыту - у других. Для офицеров постарше эта проблема была не такой острой: собственный опыт уравнивал их с подчиненными, лишая, таким образом, ситуацию психологической двойственности.

Следующий вопрос - особенности восприятия войны у людей различных профессий. При этом под профессиональными категориями в период войны подразумеваются, в первую очередь, рода войск, условия деятельности которых существенно различались, обуславливая тем самым наличие разных представлений, точек зрения на войну через призму конкретных боевых задач и способов их выполнения. «Артиллерист должен поддерживать пехоту; пехоте кажется, что он ее плохо поддерживает, а ему кажется, что она плохо идет. Танкисты говорят, что пехота не пошла за танками; а пехотинцы говорят, что танки от нее оторвались. А истина боя где-то на скрещении всех этих точек зрения»¹⁰⁰. Среди тех условий, которые определяли особенности восприятия военной действительности представителями разных родов войск и военных профессий, наиболее существенными являлись следующие: 1) Вид опасности, которому подвергались чаще всего; 2) Контакт с противником - ближний или дальний; 3) Взаимодействие человека и техники; 4) Характер физических и нервных нагрузок.

«Чувство опасности присутствует у всех и всегда, - писал в 1942 г. К.Симонов. - Больше того. Продолжаясь в течение длительного времени, оно чудовищно утомляет человека. При этом надо помнить, что все на свете относительно... Человеку, который вернулся из атаки, деревня, до которой достают дальнобойные снаряды, кажется домом отдыха, санаторием, чем угодно, но только не тем, чем она кажется вам, только что приехавшим в нее из Москвы»¹⁰¹. При огромном количестве случайностей, неизбежных на войне, каждому роду войск соответствовал свой собственный, наиболее вероятный «вид смерти». Для летчика и танкиста самой реальной была опасность сгореть в подбитой машине, для моряка - утонуть вместе с кораблем вдали от берега, для сапера - подорваться на mine, для пехотинца - погибнуть в атаке или под обстрелом, и т.д. и т.п. При этом, привыкая к «своему» виду опасности и со временем почти не реагируя на него, солдаты, оказавшись в непривычных условиях, иногда терялись, испытывая чувство страха там, где представители других родов войск чувствовали себя естественно и непринужденно, так как для них именно такая обстановка была повседневной реальностью. Вот как описывает подобную ситуацию бывший танкист, полный кавалер ордена Славы И.Архипкин: «Воевать везде одинаково трудно, что в пехоте, что в танковых... Но, как бы сказать, пехотинцу, он окоп выкопал, лег, понимаете, - и отстреливайся. А если он в танк попадет? Вот у нас десантники были, танкодесантники... Ну, там по несколько человек - по шесть, по восемь на танке, когда сколько. И командир отделения у них, боевой такой парень, симпатичный, красивый, грудь в орденах вся. И вот, бывало, попросим его: давай, мол, в танк залезем - ну, когда по стопочке там есть, все такое. Так он залезет, стопку выпил, схватил кусочек колбасы там или сала - все, он выскакивает. Я, говорит, не могу в нем сидеть: понимаете, вот какое-то ощущение - снаряд прилетит сейчас, попадет... А уж земля, говорит, она меня и укроет, и все тут»¹⁰². Если на пехотинца «давило» тесное, замкнутое пространство танка, казалось, что все пушки врага нацелены на этот «стальной гроб» и достаточно одного попадания, чтобы его уничтожить, то танкист, в свою очередь, очень неуютно чувствовал себя в бою под открытым небом, когда не был защищен броней от пуль и осколков. Так же и летчик, по неблагоприятному стечению обстоятельств оказавшийся в наземных войсках, с трудом адаптировался в новых условиях.

На войне каждый видел жизнь через то дело, которым занимался, имея свой собственный «радиус обзора»: пехотинец - окоп, танкист - смотровую щель танка, летчик - кабину самолета, артиллерист - прицел орудия, врач - операционный стол. Но разница в их восприятии войны была обусловлена также тем, что, выполняя, каждый по-своему, тяжелую солдатскую работу, связанную на войне с необходимостью убивать, представители разных родов войск осуществляли ее по-разному: кто-то вблизи, встречаясь с противником лицом к лицу, успевая увидеть его глаза; а кто-то на расстоянии, посылая снаряд или бомбу в намеченную цель и не всегда представляя размеры разрушений и количество смертей, вызванных этим снарядом. Для последних противник не был «очеловечен», представляясь, скорее, безликой фигуркой на мишени. Убивать вблизи было труднее и страшнее. Вот как вспоминает рукопашный бой бывшая санинструктор О.Я.Омельченко: «Это ужас. Человек таким делается... Это не для человека... Бьют, колот штыком в живот, в глаз, душат за горло друг

друга. Вой стоит, крик, стон... Для войны это и то страшно, это самое страшное. Я это все пережила, все знаю. Тяжело воевать и летчикам, и танкистам, и артиллеристам, - всем тяжело, но пехоту ни с чем нельзя сравнить»¹⁰³. Впрочем, в бою выбора не было, все сводилось к простой дилемме: либо ты успеешь убить первым, либо убьют тебя. Танкисты, не только стрелявшие из башенного орудия и пулеметов своей машины, но и давившие гусеницами огневые точки врага вместе с прислугой, «утюжившие» вражеские траншеи, подобно пехоте входили в непосредственное соприкосновение с противником, то есть убивали вблизи, хотя и посредством техники. Психологически для них особенно тяжело было «ехать по живому». Но в других родах войск это происходило не так заметно и менее болезненно для человеческой психики. «Наш лагерь стоял в лесу, - вспоминает бывшая летчица А.Г.Бондарева. - Я прилетела с полета и решила пойти в лес, это уже лето, земляника была. Прошла по тропинке и увидела: лежит немец, убитый... Знаете, мне так страшно стало. Я никогда до этого не видела убитого, а уже год воевала. Там, наверху, другое... Все горит, рушится... Когда летишь, у тебя одна мысль: найти цель, отбомбиться и вернуться. Нам не приходилось видеть мертвых. Этого страха у нас не было...»¹⁰⁴

XX век с бурно развивающимся техническим прогрессом предопределил возникновение системы «человек - машина». Военная техника объединяла такое количество людей, какое было необходимо для ее функционирования в бою, создавая тем самым особый вид коллектива с особыми внутренними связями: пулеметный и орудийный расчет, танковый и летный экипаж, команду корабля и подводной лодки, и т.д. Возник и такой феномен человеческих отношений, как «экипажное братство», наиболее ярко проявившееся у танкистов и летчиков. Нескольким человеком, заключенных в один стальной или летающий «гроб», в одинаковой степени рисковали жизнью, и жизнь каждого члена экипажа в бою зависела от четкости и слаженности действий каждого, от глубины эмоционального контакта между ними, понимания друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда. Чем сильнее были подобные связи, тем больше была вероятность уцелеть. Поэтому вполне закономерным является тот факт, что командир танка всегда делился своим офицерским допайком со всем экипажем. Покидая горящую машину, уцелевшие танкисты вытаскивали из нее не только раненых, но и убитых. Боевая действительность определяла кодекс поведения и взаимоотношения людей.

Еще один аспект проблемы «человек и техника» - это превращение некоторых родов войск в элитарные - не по принципу подбора кадров, а по стратегическому значению в данной войне и формированию особой психологии личного состава. В Великую Отечественную таким особым сознанием своей значимости отличались бронетанковые войска, авиация и флот, причем, военно-воздушные и военно-морские силы - наиболее ярко. В психологическом плане у летчиков и моряков было много общего. В бою и для тех, и для других гибель боевой техники почти всегда означала собственную гибель - самолет, подбитый над территорией противника, оставлял экипажу, даже успевшему выпрыгнуть с парашютом, мало шансов на спасение; у моряков с потопленного корабля было также мало шансов доплыть до берега или быть подобранными другим судном. Поэтому у других родов войск те и другие слыли за отчаянных храбрецов. Впрочем, они и сами старались поддерживать подобную репутацию. Летный состав, состоявший преимущественно из офицеров, имел ряд льгот и особые традиции. Традиции на флоте были более древними, так же, как и сам флот, и соблюдались с необыкновенной тщательностью, являясь для представителей других родов войск предметом зависти и восхищения. В воспоминаниях капитан-лейтенанта Л.Линдермана, командира БЧ-2 минного заградителя «Марти», есть такой эпизод. При эвакуации с полуострова Ханко в Ленинград сухопутных войск на борту корабля их размещали следующим образом: командный состав - в каюты комсостава, старшин - в старшинские, личный состав - по кубрикам. Командир стрелкового полка, оказавшись в роскошной офицерской каюте, где царили идеальные чистота и порядок, а затем в кают-компании за накрытым крахмальной скатертью, сервированным, как в хорошем ресторане, столом, не выдержал и воскликнул: «Ну, ребята, в раю живете, ей-богу! Даже лучше: там пианино нет и картин по стенкам... Да... Так воевать можно!» И только по окончании тяжелейшего похода, в котором экипажу пришлось вести напряженную борьбу с плавучими минами, авиацией и береговой артиллерией противника, признал, прощаясь: «Уж ты извини меня, моряк, за тот разговор о райской жизни. Скажу откровенно: лучше два года в окопах, чем две ночи такого похода»¹⁰⁵. Незначительные преимущества в быту, которыми пользовались моряки и летчики, были ничтожной компенсацией за те труднейшие условия, в которых им приходилось сражаться.

И, наконец, в отношении человека к своей боевой машине, будь то танк, самолет, корабль или подводная лодка, было что-то от отношения кавалериста к лошади: техника воспринималась почти как живое существо и, если была хоть малейшая возможность ее спасти, даже рискуя собственной жизнью, люди это делали. Впрочем, в этом проявлялась и воспитанная сталинской системой привычка ценить человека дешевле, чем самый простой механизм, тем более на войне.

Человек на фронте не только воевал - ни одно сражение не могло продолжаться бесконечно. Наступало затишье - и в эти часы он был занят работой, бесконечным количеством дел, больших и малых, выполнение которых входило в его обязанности и от которых во многом зависел его успех в новом бою. Солдатская служба включала в себя, прежде всего, тяжелый, изнурительный труд на грани человеческих сил. Бывший пехотинец А.Свиридов вспоминает: «Все рода войск несли тяготы военных лет, но ничего не сравнится с тяготами пехоты. Кончалось преследование противника, и солдат-пехотинец, если его не зацепила пуля и не задел осколок, переходил к обороне. И начиналась изнурительная физическая работа - окапывание. В подразделении после наступательных боев бойцов оставалось мало, а фронт обороны прежний - уставной. Вот и копал наш

труженик за троих, а то и за четверых. Ночь копал до изнеможения, а перед рассветом всю выброшенную из окопа землю маскировал снегом. И день проходил в муках, потому что ни обсушиться, ни обогреться негде было. Разогреться, распрямиться нельзя: подстрелит враг. Заснуть тоже невозможно - замерзнешь. И так, шатаясь от усталости, дрожа от холода, он коротал день, а ночью - снова надо было копать. Весной и осенью в ячейках, ходах сообщения, да и в землянках воды набиралось почти по колени, день и ночь она хлопала в сапогах. Иной раз по команде в атаку подняться сразу не всегда удавалось: примерзала шинель к земле и не слушалось занемевшее тело. Ранение воспринималось как временное избавление от мук, как отдых»¹⁰⁶.

Пехота, «царица полей», великая труженица войны, не была однородной. Она включала в себя множество боевых профессий с присущей им спецификой. Так, в наиболее сложных условиях приходилось действовать снайперу-«охотнику», в течение долгих часов выслеживая врага, чтобы поразить его с первого выстрела, а самому остаться незамеченным, не дать себя обнаружить. Здесь требовались огромная выдержка и хладнокровие, особенно во время снайперской дуэли, когда в смертельный поединок вступали равные по меткости и сноровке противники. Такие же качества требовались и для пехотной разведки, которая, по словам Владимира Карпова, всегда была «ближе других к смерти», отправляясь на задание в тыл врага - в поиск за «языком» или в разведку-боем, специально вызывая огонь противника на себя. «Я вскоре понял разницу между обыкновенной пехотой и разведкой, - писал в военных записках Д.Самойлов. - Назначение пехоты - вести бой. Разведки - все знать о противнике. Ввязывание в бой (если это не разведка боем), в сущности, для разведки - брак в работе. Пехоте легче в обороне, особенно в долгосрочной. Разведке легче в наступлении, когда для того, чтобы ворваться в расположение противника, не надо преодолевать минные поля и проволочные заграждения»¹⁰⁷. Из всех многочисленных видов разведки (за исключением агентурной), пехотная разведка была самой опасной и напряженной.

Не меньшие, чем у пехотинцев, нагрузки приходились на долю артиллеристов, тащивших на себе тяжелые пушки по размытым и разбитым дорогам войны. Велико было и их психологическое напряжение в бою. Не случайно в наводчики орудия выбирали самых волевых и хладнокровных. «На тебя идет танк, - вспоминает фронтовик К.В.Подколзин. - Ты видишь его в прицел. Как бы ни было тебе страшно, надо подпустить его ближе. Осколки стучат, а ты должен точно наводить, не ошибиться, не дрогнуть. Ведь орудие само не стреляет»¹⁰⁸. Другой бывший артиллерист В.Н.Сармакешев описывает свое состояние так: «В горячке боя взрывы никто не считает, и мысли только об одном: о своем месте в бою, не о себе, а о своем месте. Когда артиллерист тащит под огнем снаряд или, припав к прицелу, напряженно работает рулями горизонтального и вертикального поворота орудия, лоя в перекрестие цель (да, именно цель, редко мелькает мысль: «танк», «бронетранспортер», «пулемет в окопе»), то ни о чем другом не думает, кроме того, что надо быстро сделать наводку на цель или быстро толкнуть снаряд в ствол орудия: от этого зависит твоя жизнь, жизнь товарищей, исход всего боя, судьба клочка земли, который сейчас обороняют или освобождают»¹⁰⁹. А танкисты в бою задыхались от пороховых газов, скапливавшихся внутри танка, когда стреляло орудие, и глохли от производимого им грохота. Командир и башнер могли не только сгореть заживо вместе с танком, но и быть разорванными пополам, когда от прямого попадания отлетала башня. По горькому, но меткому определению одного из ветеранов, «судьба танкиста на войне - это обгорелые кисти рук на рычагах подбитой машины».

Впрочем, при всех различиях, присущих разным родам войск, те из них, которые относились к сухопутным войскам, имели между собой много общего, - именно потому, что сражались на земле. У летчиков восприятие боевой обстановки было качественно иным, как и сама эта обстановка. Они испытывали особый риск и особые нагрузки, причем, для каждого вида авиации свои, но эти различия не столь значительны и существенны, так как реальность воздушного боя была единой для всех. «Воздушный бой длится мгновения, - вспоминает бывший летчик-истребитель И.А.Леонов. - И бывали у нас в полку случаи, когда за эти несколько минут у молодых летчиков появлялась седина. Такое испытывали тяжелое нервное напряжение... Сначала видишь в небе крохотные точки. Не можешь даже определить - чьи летят самолеты: свои или чужие. Точки быстро растут. И по одному тому, как к тебе приближается вражеский летчик, идет ли в лобовую атаку - ты можешь определить, примерно, и опыт его, и норы. В бою, как говорится, приходится вертеть головой на 360 градусов. Отовсюду может достать враг. Бросаешь самолет в такие фигуры, которые в иное время, может быть, и не сделал бы. Ты заворачиваешь вираж, догоняя врага. Или на крутом вираже стараешься оторваться от него. Камнем направляешь машину вниз и круто выводишь из пике. В этот момент испытываешь большие перегрузки: веки сами закрываются, щеки обвисают от натуги, все тело будто налито свинцом. А самое главное в бою - ты должен в доли секунды принять единственно верное решение. От него зависит - выйдешь ли ты победителем или погибнешь. В те дни почти каждый вылет истребителей был сопряжен с воздушным боем. Мы искали врага в небе, чтобы победить. Приходилось вылетать по четыре-пять раз. Это было очень тяжело даже для молодых, тренированных летчиков. Случалось, кто-нибудь из ребят приведет самолет на аэродром и вдруг тяжело ткнется головой в приборы. Что такое? Ранен? Убит? Нет, потерял сознание от переутомления... Но молодость выручала нас. Пройдет два-три часа, и мы снова готовы к полету»¹¹⁰.

У моряков, особенно у подводников, были не менее чудовищные физические и нервные нагрузки. Вот описание только одного боевого эпизода, в котором участвовала гвардейская подводная лодка «Щ-303»: «Вражеские катера обнаруживают подводников и начинают бомбежку. Лодка оказалась в кольце противолодочных кораблей. Сорок пять часов она уже под водой. Тяжело дышать. У многих началось кислородное голодание. Чтобы меньше был расход кислорода, люди лежат - таков приказ командира.

Слипаются глаза, клонит ко сну... Лодку сильно бомбят, и она ложится на грунт. Почти два часа продолжается бомбежка. «Два часа ада», - напишет потом командир в своих воспоминаниях. Чтобы уменьшить шумы на лодке, краснофлотцы сняли обувь, обмотали ветошью ноги и двигаются по палубе неслышно. Обстановка тяжелая. Люди задыхаются. немеют пальцы, деревенеют подошвы ног, тело покалывает иголками. Уснул электрик Савельев. Дышит тяжело. На губах розовая пена... «Мы не знаем, когда наступит смерть от удушья. По теоретическим расчетам, нам полагалось задохнуться после трех суток пребывания под водой...» - вспоминает командир лодки капитан 3-го ранга И.В.Травкин¹¹¹. Лодке удалось вырваться из блокады, пройдя под водой через минное поле. Выдержать подобное напряжение мог не каждый.

Но вот еще одна сторона войны - в восприятии тех, кто по роду своей службы спасал от смерти, облегчал страдания искалеченным, возвращал раненых в строй. «Мало кто задумывался и задумывается над тем, какие переживания выпали в годы войны на долю медицинского персонала наших войск, - пишет бывший военврач Г.Д.Гудкова. - А между тем война - даже в периоды успешных наступательных операций - оборачивалась к нам, медикам, исключительно тягостной, губительной стороной. Мы всегда и везде имели дело с муками, страданиями и смертью. Наблюдать это нелегко. Еще тяжелее хоронить тех, кого не сумел выводить, спасти. Тут не выручает никакой профессионализм... На войне мучения и страдания, даже гибель становятся повседневным, рядовым делом миллионов сильных, здоровых, как правило, именно молодых людей. Да и спасти жертвы войны приходится, не зная, избавишь ли их от новых мук или от несправимой беды...»¹¹² По свидетельству многих, на фронте, как это ни ужасно, человеческая смерть со временем воспринималась как обыденное явление, чувство отчаянья и невосполнимости потери если и не исчезало полностью, то притуплялось. А если вдруг обострялось, его подавляли, «чтоб не мешало»¹¹³. Психологическая разрядка наступала уже потом, и тогда случайные события из мирной послевоенной жизни вызывали в памяти болезненные ассоциации с тем, что пришлось пережить в войну. Многие медики были вынуждены бросить свою работу. «После войны в родильном отделении акушеркой работала - и не смогла долго, - вспоминает бывший командир санвзвода гвардии лейтенант М.Я.Ежова. - У меня аллергия к запаху крови, просто не принимал ее организм. Столько я этой крови на войне видела, что больше уже не могла. Больше организм ее не принимал... Ушла из «родилки». Ушла на «Скорую помощь». У меня крапивница была, задыхалась...»¹¹⁴ С другой стороны, большинство фронтовиков, связавших впоследствии свою судьбу с медициной, сделали это в знак высшей благодарности к тем, кто спасал им жизнь на фронте, в медсанбатах и госпиталях. Именно там уставшие убивать солдаты давали себе клятву: «Если останусь жив, буду так же спасать людей». «Было в те первые послевоенные годы в нашем Медицинском институте, - вспоминает В.Н.Сармакешев, - стрелянных и покалеченных ребят около пятидесяти из двух тысяч студентов. Но самое удивительное то, что среди тех пятидесяти, пришедших с фронта, не было ни одного медика: пехотинцы, танкисты, артиллеристы, саперы, даже летчики, но ни одного фельдшера»¹¹⁵. У каждого из них была «своя» война и забыть о ней каждый тоже старался по-своему.

Мы рассмотрели особенности проявления духовного облика различных представителей фронтового поколения по тем социальным (в широком смысле слова) категориям, для которых было характерно особое психологическое восприятие войны. На войну шли разные люди - по воспитанию, по характеру, по судьбе. Но именно война всех сблизила, объединила - общей бедой, перед лицом общего врага. Без такого духовного, нравственного единения победить было бы невозможно. В этом единении и есть та целостность фронтового поколения, которая позволяет отнести к нему представителей различных возрастных когорт, принимавших участие в Великой Отечественной. «Да, действительно, воевали люди разные, - говорил В.Кондратьев, - но ведь воевали с конкретным врагом, напавшим на нас, вступившим на нашу землю и творящим на ней зверства, и тут уже вставало самое главное - защита своего Отечества, а в этом, в необходимости этого, были убеждены все, здесь было удивительное единство всех, - воевали хорошо даже люди с трудной судьбой. И Гитлер просчитался, надеясь на какое-то разъединение советских людей, он не учел великую силу советского вообще, и русского в частности, патриотизма»¹¹⁶. Но, имея в этой войне общую политическую, нравственную, патриотическую задачу, в конкретной боевой обстановке каждый солдат и офицер выполняли свой долг на определенном боевом посту, видя войну под определенным углом зрения, в результате чего и складывалось их собственное представление о ней. Война была такой долгой, что родила свой быт, психологию, строй чувств. Но изучить и понять эту «психологию войны» можно только через мироощущение и судьбы отдельных ее участников, ища истину «на скрещении разных точек зрения».

3. Героические символы: реальность и мифология войны

Одним из наиболее сложных аспектов проблемы духовного облика фронтового поколения является вопрос о героических символах как идеологическом и психологическом феномене и о механизмах формирования такого рода символики в изучаемый нами период.

Массовое сознание - явление чрезвычайно сложное и противоречивое, в нем переплетаются элементы социальной психологии, нравственные и мировоззренческие установки. При этом оно представляет собой синтез явлений, уходящих корнями в национальные традиции, в обыденную жизнь людей, с идеологическими установками, целенаправленно формируемыми структурами власти. Особое значение эта вторая составляющая приобретает в тоталитарном обществе, разновидностью которого был сталинский режим. В полной мере это

относится и к сознанию советских людей в период Великой Отечественной войны, в том числе участников непосредственной вооруженной борьбы с врагом.

В условиях войны особое значение имеет моральный дух армии, в формировании которого важную роль играет совокупность факторов: убежденность в справедливом характере войны, вера в способность государства отразить нападение врага при всех трудностях и даже временных неудачах, наличие духовных и нравственных ценностей, ради которых солдаты готовы отдать свою жизнь. «Высокое моральное состояние войск, - отмечает английский военный психолог Норман Коупленд, - это средство, способное превратить поражение в победу. Армия не разбита, пока она не прониклась сознанием поражения, ибо поражение - это заключение ума, а не физическое состояние»¹⁷. Не случайным после тяжелых поражений начала войны было обращение Сталина и его окружения к национальным чувствам русского народа, ранее попиравшимся идеологическими догматами: духовные силы были призваны спасти положение там, где оказались недостаточными силы материальные.

Важным моментом в поддержании духа войск является обращение к героическим примерам, целенаправленно представляемым как образец для массового подражания. Это общепринятое, широко распространенное в истории явление. Однако, особенностью его в годы Великой Отечественной войны было то, что беспрецедентную роль в формировании символов играло государство, обладавшее монополией на средства массовой информации. Поэтому созданные в то время символы представляли собой причудливое сочетание реальных фактов и вымысла, подлинных событий, отраженных в кривом зеркале пропаганды.

Проблема символов несет в себе изначальное противоречие. С одной стороны, символы - порождение пропагандистской машины, с другой, - феномен массового сознания, в котором находят отражение процессы, происходящие в обществе, в том числе и «культурные» настроения масс. В обстановке «культ личности» и культ отдельных героев становился естественным. Разумеется, он ни в малейшей степени не соперничал с «главным культом», а лишь служил ему, находясь под полным контролем системы, следившей за тем, чтобы «культ героев» не выходил за рамки дозволенного. Она отбирала и шлифовала факты, которые ее устраивали, создавая СИМВОЛЫ - отвлеченно-обобщенные примеры для подражания, когда в конкретную форму (например, имя героя) вкладывалось особое содержание: реальному человеку приписывались черты идеальной, с точки зрения системы, личности, по которой должен был «равняться» каждый гражданин страны. «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой...» И народ с готовностью впитывал в себя преподносимые ему символы, искренне веря, что именно такими и были его герои, плоть от плоти его. Так просты и типичны были их судьбы, что каждый мог представить себя на их месте. Так легко казалось стать героем! И становились - миллионы, чьи безымянные могилы затерялись по всей России. Их подвиги ничуть не меньше, чем у героев известных. Но слава к ним не пришла: стать символом могли лишь единицы.

Герои-символы служили опорой системы, потому что первым и главным качеством, которым наделяла их пропаганда, являлась беззаветная преданность все той же системе. И именно это качество должны они были воспитать в миллионах сограждан. Превращенные в символы, герои уже не принадлежат себе. Они становятся частью породившей их идеологической машины. Живые или мертвые, - они призваны выполнять отведенные им функции, а система позаботится о том, чтобы никто не докопался до истины в том виде, в каком она действительно имела место, - до того, как прошла через ножницы цензуры и плакатную кисть пропаганды. Любая попытка «развенчивания легенды» объявляется очернительством и дегероизацией. Как будто реальные черты характера и «нетрадиционные» факты из биографии могут умалить значение подвига, или благодарная память об одном герое - принизить славу другого! Для пропагандистской машины подобных доводов не существовало: для нее не важны были герои как таковые, а имели значение лишь символы, ею же самой и созданные.

Как и в других областях, система творила символы и в области военной героики. Из многих героических событий и фактов отбирались и возводились в обобщающий пример только те, которые были необходимы в данный момент системе. Механизмов такого отбора было множество.

Какого рода подвиги чаще всего превращались в символы; почему и каким образом происходило вычленение одного героя из ряда многих других, совершивших аналогичный подвиг; какие социальные институты (армейское командование, политорганы, средства массовой информации, литература, искусство и т.д.) участвовали в формировании символа и в какой степени; имел ли данный символ значение для повторения, «тиражирования» аналогичного подвига; насколько символ отражал реальность события и что приносилось в него искусственно пропагандистской машиной, вплоть до элементов фальсификации; какие герои были нужны сталинской идеологии и как живых людей «подгоняли» под рамки стереотипов; на каких этапах войны какого рода символы создавались и имели наибольшее распространение, в чем причина этого? Ответы на эти и многие другие вопросы должны прояснить более общую проблему: какое значение героические символы-стереотипы имели для создания системы сталинских идеологических мифологем; в чем заключалось противоречие между объективной необходимостью поддержания боевого духа армии и народа при помощи героической символики и ее ролью в укреплении мифологического сознания общества в условиях сталинизма. Рассмотрим для начала некоторые общие тенденции.

Символами могли стать реальные факты, соответствующие нужным системе требованиям, и факты, прошедшие обработку, чтобы этим требованиям соответствовать. Умолчание об одном, вымысел о другом, особое внимание третьему - и событие приобретало нужное звучание. Порой прибегали и к прямым фальсификациям, но, как правило, в случаях менее значительных. Необходимость отрапортовать к очередной

памятной дате, система разрядок на награды, «социалистическое соревнование» между подразделениями - все это вело к припискам в донесениях и, что гораздо страшнее, к бессмысленным жертвам, когда штурм какой-нибудь высоты был вызван не требованиями боевой обстановки, а днем рождения Верховного Главнокомандующего. Показательно в этом отношении донесение политотдела 19 Армии от 24.10.42 г.: «...Докладываю, что в частях «Пилот» продолжается работа по подготовке к проведению 25-летия Октябрьской социалистической революции... Вся работа по подготовке к праздникам проходит под лозунгом практического выполнения приказа товарища Сталина N 227 - укрепление железной воинской дисциплины и наведение порядка в подразделениях, усиление боевой активизации частей и боевой выучки личного состава. Среди личного состава, между подразделениями заключены договоры социалистического соревнования на большее истребление немецких оккупантов, повышение дисциплины, улучшение качества боевой учебы... Политработниками и командирами организована в целом ряде подразделений проверка хода соцсоревнования, об итогах которого по отделениям и взводам проводятся беседы и политинформации. 7 ноября в частях будут подведены итоги предпраздничного соревнования на предмет выявления лучших отделений, взводов и частей, о чем будет отмечено специальными приказами по частям и соединениям»¹¹⁸. В таких ситуациях каждый политработник считал своим долгом отличиться, зачастую не считаясь при этом с людскими потерями.

Отбрасывались или замалчивались подвиги, расхоронившиеся с официальной версией событий. Так, например, случилось с бойцами 2-й Ударной армии, когда тень от предательства генерала Власова легла на тысячи солдат и офицеров, до конца выполнивших свой долг и оставшихся лежать в лесах и болотах под Новгородом¹¹⁹. Действовал такой критерий, как недоверие к окруженцам, отнесение всех пленных к числу предателей. Не потому ли так долго оставались безвестными защитники Брестской крепости, тысячи других героев первых дней и недель войны? Их мужество вступало в противоречие с политическими установками, с объяснением поражений в начале войны не предвоенными преступлениями и стратегическими просчетами высшего руководства, а происками «врагов народа», предательством командиров, нестойкостью бойцов. Система в который раз стремилась переложить всю ответственность на других, приписав свои ошибки тем, кто расплачивался за них кровью. И уж, конечно, не могла она признать и обнародовать подвиги тех, к чьей помощи вынуждена была прибегнуть в самый тяжелый момент, когда и для нее не нашлось иного выхода. Как, например, в случае с Полярной дивизией, целиком, включая комсостав, сформированной из заключенных¹²⁰. В 1941 г. она отстояла Мурманск. До сих пор безымянные, в ней полегли те, кто взамен шпал и ромбов носил тогда номерные знаки воркутинских лагерей.

Держа под своим контролем процесс награждений, система могла отсеять и неугодную ей личность. Существовали разного рода ограничения, которые не позволяли тому, кто совершил подвиг, но в силу ряда причин не устраивал систему, подняться до высшей ступени - звания Героя. Например, принадлежность к репрессированной национальности, родственные связи с «врагами народа», собственная судимость по политической статье, неподходящее социальное происхождение и т.п. Хотя бывали и исключения: в значительной степени это зависело от мужества командира, представившего подчиненного к награде и сумевшего отстоять свою точку зрения перед вышестоящим начальством. Показательна в этом отношении судьба бывшего разведчика, ныне известного писателя Владимира Карпова, получившего звание Героя Советского Союза, невзирая на «пятно» в биографии: хотя в его случае сопротивление системы было довольно сильным, но командование настояло¹²¹. Примером другого рода является судьба легендарного подводника А.И.Маринеско. 31 января 1945 г. подводная лодка под его командованием потопила крупнейший немецкий лайнер «Вильгельм Густлоф», на борту которого находилось более 6000 гитлеровцев, в том числе около 3700 подводников. Гитлер объявил Маринеско личным врагом, оценив заслуги советского моряка выше, чем сделала это система. Представление Маринеско к званию Героя Советского Союза не было одобрено командованием: помешал его проступок перед походом в январе 1945 г. - связь с иностранной подданной, за что он едва не попал под трибунал¹²². Справедливость восторжествовала только накануне 45-летия Победы. А.И.Маринеско стал Героем Советского Союза, но - увы! - уже посмертно. А сколько было похожих судеб, когда неуживчивый характер, неумение наладить отношения с начальством или какие-то иные обстоятельства являлись для системы более веским доводом, чем совершенный подвиг, и герой не получал признания и заслуженной награды, а порой лишался и награды, уже врученной¹²³. Уже после войны все попытки восстановить справедливость наталкивались на чиновное безразличие и решение высших советских и партийных органов от 1965 г. прекратить награждения за подвиги и боевые отличия в период Великой Отечественной войны, что, однако, не мешало осыпать наградами тех же партийных чинуш ко всевозможным юбилеям за несуществующие заслуги.

Итак, система жестко отбирала героев, чаще обращая внимание на формальные признаки, чем на суть вещей. В сомнительных случаях она не утруждала себя поиском истины. Ошибки, клевета, поспешные выводы, второпях приклеенные ярлыки ломали и калечили судьбы, лишая и живых, и павших достойного места в строю. Бывшие советские военнопленные, участники движения Сопротивления, многие из которых стали национальными героями тех стран, в партизанских отрядах которых они воевали, на Родине числились предателями согласно приказу Сталина N 270.

Трагичной оказалась и судьба многих подпольщиков, разведчиков, «бойцов невидимого фронта». Строго законспирированные в условиях оккупации, они порой становились жертвами этой конспирации, когда после прихода наших войск некому было подтвердить особистам, что они работали по заданию партизан, а не

являлись пособниками врага. Иногда обвинения против патриотов были провокацией самих гитлеровцев и полицаев. А сталинская система с ее подозрительностью ко всем и каждому шла у них на поводу. Так, на долгие годы была брошена тень на доброе имя молодого гвардейца Виктора Третьекевича¹²⁴. Кстати, криминалистическая экспертиза документов подпольной организации, проведенная по инициативе работников Центрального Архива ВЛКСМ, подтвердила, что именно он был комиссаром «Молодой Гвардии». Но споры об этом на страницах печати до сих пор продолжаются. Любая попытка взглянуть на символ, утвердившийся в сознании нескольких поколений, воспринимается болезненно и остро, и всегда найдутся силы, для которых сохранение легенды важнее установления истины.

Система творила символы, в которых она нуждалась. Каждому этапу войны соответствовали символы, несущие определенную смысловую нагрузку, отвечающие очередным на данный момент задачам пропаганды. Иначе и быть не могло. Подвиги начала войны - это подвиги обороняющейся, с боями отступающей армии. Главной задачей было выстоять, остановить врага любой ценой. И весьма своевременными оказались для символа слова политрука Клочкова: «Велика Россия, да отступать некуда - позади Москва!» А прозвучали ли они на самом деле или были вложены в уста героя журналистом, не имело никакого значения.

Перелом в войне, освобождение оккупированных районов страны несли войскам качественно иное психологическое состояние, ставили перед ними иные задачи: воспитание наступательного порыва, беспощадной мести врагу. Здесь и подвиги были «наступательными». И символы, естественно, тоже. Мученики-молодогвардейцы и рядовой Юрий Смирнов, участник танкового десанта в тыл врага, раненым взятый в плен и распятый немцами на стене блиндажа, - наиболее известные из символов 1943 и 1944 гг., призывающие отомстить гитлеровцам за их злодеяния, освободить родных и близких от ужасов фашистской оккупации, до конца быть верными гражданскому и воинскому долгу.

Когда под лозунгом «Вперед, на Запад!» Советская Армия вступила на территорию европейских стран, пропагандистская машина откликнулась на это событие новыми символами. Например, плакатом «Освободим Европу от цепей фашистского рабства», на котором изображен советский солдат, рвущий цепи со свастикой. Ведь и произведения искусства тоже порой выполняли роль символа. Самым известным из них была песня «Священная война». А после Победы символом стал памятник Воину-Освободителю скульптора Е.Вучетича.

Символом, имевшим одинаковую значимость на всем протяжении войны, являлся лозунг «За Родину! За Сталина!» До сих пор он остается одним из главных аргументов приверженцев «отца народов»: «С этим именем мы ходили в бой, с этим именем умирали!» Вряд ли можно усомниться в искренности их слов. Но необходимо понять, как именно это происходило, откуда возник лозунг, кто и почему выкрикивал в бою ставшую легендарной формулу? Ответ на эти вопросы мы находим в политдонесениях: «Среди коммунистов и комсомольцев были распределены боевые лозунги, которые должны были выкрикиваться в момент атаки. Выйдя скрытно в район сосредоточения, подразделения охватили дугой расположения противника. По сигналу атаки роты стремительным броском с возгласами «За Сталина», «За Родину», «Смерть немецким оккупантам», преодолевая проволочные заграждения и минные поля, ворвались в окопы противника... При выполнении боевой задачи личный состав проявил беззаветную храбрость, мужество и отвагу»¹²⁵. Выкрикивание лозунгов в бою являлось одной из форм партийно-политической работы в войсках. В качестве недостатков такой работы отмечались «случаи, когда коммунисты, находившиеся около агитаторов, провозглашавших лозунги, не подхватывали их и не делали достоянием своих соседей»¹²⁶.

Пропагандистское происхождение мифа, в соответствии с которым оценка военной, полководческой роли Сталина воплотилась в призыве «За Родину, за Сталина!», подчеркивает писатель Василь Быков: «Фронтовичка Юлия Друнина правильно замечает, - пишет он, - что в атаках сплошь и рядом звучали иные восклицания. Хотя, как это было заведено, провозглашатели лозунгов и выкриков обычно назначались накануне, на комсомольских и партийных собраниях, откуда эти лозунги и перекочевывали во фронттовую печать. Но выкрикивали ли их на деле, того установить не представляется возможным, так как невозможно было расслышать»¹²⁷. Солидарен с ним и Вячеслав Кондратьев, утверждая, что на фронте крики «За Родину, за Сталина!», которыми подбадривали бойцов политруки, парторги и комсорги, принимали за обычные, знакомые еще с довоенных времен политические лозунги, а потому, «повторяя первую часть, не всегда и не все тянули вторую, заменяя ее простым «ура», понимая, что два эти понятия несоизмеримы, что идти на смерть можно лишь за Родину, но не за какого-то одного человека, кем бы он ни являлся»¹²⁸. Впрочем, не будем обобщать: культовые настроения во время войны усилились, и многие люди были предельно искренними, выкрикивая эти слова. Но ясно одно: знаменитая формула возникла не «по инициативе снизу», а целенаправленно насаждалась идеологическими структурами.

Но вернемся к собственно героическим символам. Какими же критериями руководствовалась пропагандистская машина, поднимая отдельный подвиг до уровня символа? Вновь обратимся к мнению Вячеслава Кондратьева: «Вся война являлась беспримерным и подлинным подвигом всего народа. Одно нахождение на передовой, один шаг на поле боя - все это великое преодоление себя, все это подвиг. Однако, политотделам нужны были «особые» подвиги: единоборство солдат с одной гранатой или бутылкой с зажигательной смесью против танка, или бросание грудью на амбразуры дотов, или подбитие выстрелом из родимой, образца 1891/30 трехлинейки самолета и так далее, и тому подобное. Особо понравилось политотделам бросание на амбразуры»¹²⁹.

Почему-то не воинское мастерство, находчивость, храбрость, которые в первую очередь определяли исход боев и сражений, в основном пропагандировались системой, а самопожертвование, часто граничившее с самоубийством¹³⁰. «Апология жертвенности, идеи сугубо языческой», по определению историка А. Мерцалова, или тиражирование опыта советских «камикадзе», по словам В. Кондратьева, наглядно характеризует жестокие методы руководства войной, которые были свойственны сталинизму. «Режим, который не жалел людей и в мирное время, не мог жалеть их тем более в войну, спасая собственное существование»¹³¹. Весьма показательны в этом смысле и условные обозначения солдат в шифрованных донесениях и телефонных переговорах на фронте - «спички», «карандаши» и прочая «мелочь», очень напоминающая знаменитые сталинские «винтики». Сколько «спичек» сгорело? Спичек не жалко...

Своего рода полемикой с этой официальной традицией представляется нам еще один символ - литературный персонаж, близкий к подлинно народному пониманию героизма, - Василий Теркин:

*«Богатырь не тот, что в сказке -
Беззаботный великан,
А в походной записке,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян»¹³².*

Смелый и находчивый, чуждый необдуманному риску, но разящий врага расчетливо и умело, чтобы не только его одолеть, но и остаться при этом в живых, вернуться домой с победой, - таков русский солдат у Александра Твардовского. Его невозможно представить в роли смертника, он сам ведет поединок со смертью и побеждает ее. Но образ Теркина - редкое исключение в советской литературе, которое стало возможно благодаря таланту его автора.

В целом же, создание символов являлось исключительной прерогативой системы. От нее зависели все награждения, средства массовой информации находились в ее руках. Если же «по недосмотру» герой превращался в символ сам (встречались и такие, народные символы), ему срочно присваивали официальный статус Героя с соответствующими атрибутами и регалиями: система не терпела самостоятельности. «Дом Павлова» и «редут Таракуля» в Сталинграде, «сопка Тюрпека» в Карелии служат тому подтверждением. Возникшие в солдатской среде как дань уважения героям, не сдавшим своих позиций, названия эти перебрались на военные планы и карты, были взяты системой на вооружение и использованы как средства пропаганды. Старшему лейтенанту Я.Ф. Павлову впоследствии присвоили звание Героя Советского Союза. А высота, которую в сентябре 1942 г. захватил со своим взводом старший сержант С.Т. Тюрпека и пал смертью храбрых, отбив все атаки врага, официально решением Военного Совета Карельского фронта от 6 ноября 1942 г. была названа его именем¹³³.

Звание Герой Советского Союза существовало как высшая степень отличия в СССР. Однако, это еще не символ. Звание являлось необходимым, но вовсе не достаточным условием для перехода в новое качество. Героев слишком много, всех не запомнишь. Это до войны орденосцы были наперечет и могли входить с передней площадки в вагон трамвая. Героев Советского Союза свыше одиннадцати тысяч - только за войну. Символов - от силы два десятка. «Народ должен знать своих героев». Символы - это как раз те, о которых все знают, - но только то, что положено.

Из многих тысяч героев известность получили лишь те, над образами которых усердно потрудились пропаганда и которые запомнились с детства из школьных учебников, фильмов и книг. Возможности человеческой памяти ограничены. Это тоже нужно учитывать. В этом, наверное, одна из причин персонификации подвигов.

Но когда героический поступок, имевший в годы войны массовое распространение, связывают с именем одного человека, невольно задаешься вопросом: почему именно это имя стало общеизвестным, каким образом произошло выделение одного героя из ряда многих других, совершивших аналогичный подвиг? Так, воздушный таран связывают почти исключительно с именем В.Талалихина, огненный таран - с именем Н.Гастелло, спасение товарищей ценой собственной жизни, закрытие своим телом огневой точки врага - с именем А.Матросова, хотя таких случаев были сотни¹³⁴. Видимо, каждый из этих и многих других примеров имеет свое объяснение. В случае с летчиками оно довольно простое: подобные подвиги совершались и раньше, но в силу объективных причин первыми узнали именно об этих героях. О том, что воздушные и огненные тараны были совершены уже в первые часы войны 22 июня, стало известно значительно позже, спустя годы после Победы. Талалихин же применил ночной таран в воздушном бою над Москвой, где не заметить его подвиг было просто невозможно.

Что же представляет собой воздушный таран, который одни называют «эталоном ратного подвига», а другие считают фатальным актом самопожертвования, характерным для японских летчиков-камикадзе? Прославленный советский ас Иван Кожедуб утверждает, что воздушный таран применялся как активный, атакующий прием воздушного боя, требующий не только отваги и бесстрашия, но и точного расчета, крепких нервов, быстрой реакции, отличной техники пилотирования, знания уязвимых мест вражеской машины и т.п., при этом гибель пилота не представлялась неизбежной, хотя степень риска, безусловно, была велика¹³⁵. Интересна точка зрения на таран Константина Симонова. Мы приведем здесь отрывок из его интервью

Василию Пескову, считая нужным обратить внимание не только на ответ, но и на форму поставленного вопроса:

«В.: В рассказах о первом годе войны, в воспоминаниях, в стихах, в старых подшивках газет часто встречается слово «таран». Все понимают, что это героический акт - ударить своим самолетом машину врага. Но такой способ борьбы явно нерационален - гибнет и свой самолет. Почему тараны были частыми в сорок первом? Почему они воспевались? И почему позже сбивали самолеты все же из пушек и пулеметов, а не винтом и крылом?»

О.: Я думаю так. На первом этапе войны авиационная наша техника была слабее немецкой. К тому же у летчиков опыта не хватало: нерасчетливо растратил боезапас, а противник уходит, злость заставляет ударить его хоть чем-нибудь - винтом, крылом. Чаще всего так били бомбардировщик - в нем четыре человека, и машина более дорогая, чем истребитель. Эта подспудная арифметика, несомненно, имела значение. И надо иметь в виду: у нападавшего все же были шансы остаться живым, и даже машину иногда удавалось сажать. Много писали о таранах, потому что в этом акте ярко проявлялась готовность жертвовать жизнью во имя Родины. И об этой готовности тогда, в сорок первом, важно было рассказывать. Ну и, естественно, действовал закон: чем чаще о чем-то пишут, тем чаще это находит отклик и в жизни... Позже, когда качество немецких и наших самолетов уравнилось и когда летчики поднабрались опыта, к таранам стали прибегать редко»¹³⁶.

Этот взгляд писателя полностью подтверждается фактами. В самом деле, во время Великой Отечественной войны динамика таранов в небе тесно соотносится с ее периодами. Если в 1941-1942 гг. было совершено около 400 таранов, то в 1943-1944 гг. - свыше 200, а в 1945 г. - немногим более 20. По мере завоевания нашей авиацией господства в воздухе объективная необходимость жертвовать своей жизнью и машиной уменьшалась»¹³⁷.

В случаях с огненным тараном перед летчиком возникала качественно иная ситуация, не зависящая от этапа войны и господства в воздухе: самолет подбит, горит, до своего аэродрома не дотянет, выброситься с парашютом над территорией, занятой противником, значит попасть в плен. И пилот направлял подбитую машину в гущу вражеской техники, зная, что и сам неизбежно погибнет. В многоместном самолете такое решение принималось всем экипажем, однако награждали за подвиг, как правило, одного командира. Даже в легендарном экипаже Н.Гастелло высшей наградой - званием Героя Советского Союза - отмечен только он сам, а его товарищи Г.Скоробогатый, А.Бурденюк и А.Калинин награждены орденами Отечественной войны I степени. Судьба одна, а слава разная, даже у людей из одного экипажа. А сколько «огненных пилотов» вообще не отмечено наградами... Поднимая одного героя до уровня символа, система уже не интересовалась другими, потому что лишь символ мог выполнять определенные идеологические функции, а для этого над ним требовалось немало потрудиться, отбрасывая неудобные факты, шлифуя биографии, чтобы превратить человека в памятник, в лозунг, в легенду, в образец для массового подражания. И уже не имело значения, кто был первым. Главное, кого первым заметила система и насколько он соответствовал нужному ей стереотипу героя.

С Матросовым дело обстоит еще сложнее, хотя и здесь ситуация схожая: он не был первым, кто закрыл своим телом огневую точку врага, но именно его подвигу придали особое значение. Элемент случайности? Может быть, выразительный слог политдонесения обратил внимание командования на этот факт и потому о нем доложили Сталину? На этом случайности кончаются. За дело с присущей ей основательностью взялась пропагандистская машина. И вот уже реальная дата подвига - 27 февраля 1943 г. - подменяется другой, не соответствующей действительности, но зато красивой и удобной, приуроченной к славному юбилею - 25-летию Красной Армии. А прозвучала она впервые в приказе Сталина N 269 от 8 сентября 1943 г., откуда и вошла во все учебники истории¹³⁸. Приказ наркома обороны гласил: «...Подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии.

Для увековечения памяти Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова приказываю:

1. 254-му гвардейскому стрелковому полку присвоить наименование «254-й гвардейский стрелковый полк имени Александра Матросова»
2. Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова зачислить навечно в списки 1-й роты 254-го гвардейского полка имени Александра Матросова»¹³⁹.

Это был первый в истории Отечественной войны приказ о зачислении навечно в списки частей воинов, совершивших выдающиеся подвиги.

И полетела крылатая фраза, абсурдная с самого начала: некто «повторил подвиг Матросова». Но ведь подвиг был у каждого свой! Подвиг нельзя «повторять», его каждый раз совершают заново - разные люди, в разных обстоятельствах. Приведем для примера описание подвига одного из неизвестных «матросовцев» - ефрейтора Владимира Дмитриенко, обнаруженное нами в донесении политотдела 19 Армии Карельского фронта от 29.09.44 г.: «В частях широко популяризируется геройский подвиг коммуниста ефрейтора Владимира Дмитриенко из 122 стр.дивизии, который во время выполнения задачи по разведке огневых точек противника добровольно пошел в разведку. В ходе выполнения боевого задания по разведчикам немцы открыли сильный огонь, который заставил подразделение залечь и не дал возможности продвигаться. Ефрейтор Дмитриенко решил заглушить левофланговый ДЗОТ. Он быстро поднялся и с криком «Вперед!» устремился в гранатами в руках к ДЗОТу, откуда немцы вели непрерывный огонь. Подбежав к самому ДЗОТу, Дмитриенко

взмахнул гранатой, но в этот момент вражеская пуля сразила его и он упал, закрыв своим телом амбразуру ДЗОТа. Воодушевленные подвигом Дмитриенко, бойцы неудержимо устремились вперед, ворвались в окопы и ДЗОТы немцев, где гранатами и огнем из автоматов уничтожали фашистских мерзавцев. Немцы были выбиты из опорного пункта. Только у ДЗОТа, где пал коммунист Дмитриенко, наши бойцы насчитали более 10 убитых гитлеровцев. О подвиге Дмитриенко помещен материал в газете «Героический поход» и «Сталинский боец»¹⁴⁰. Но мало было публикаций в дивизионной и армейской газетах для превращения героя в символ. Он мог стать лишь символом местного масштаба, предметом гордости командиров и политработников: «У нас в части тоже есть свой Матросов». Как и многие другие герои, Дмитриенко оказался «в тени» этого имени, в результате чего его подвиг невольно воспринимался как подражательный, «воспитанный на примере».

Равный по значимости подвиг оценивался неодинаково. Из общего числа установленных ныне «матросовцев» только 164 было присвоено звание Героя Советского Союза, 100 человек награждены орденами и медалями, 98 совсем не имеют наград¹⁴¹. В Действующей Армии довольно частыми были случаи, когда командир части представлял отличившегося подчиненного к одной награде, а вышестоящее начальство награждало его другой, более низкой по статусу, исходя из каких-то своих соображений, иногда просто из-за отсутствия в наградном отделе нужного количества орденов.

Безусловно, превращение героя в символ зависело не только от прихоти системы, но и от целого ряда случайностей. Сам подвиг мог быть исключительным, но, совершенный вдали от начальства и политотделов, так и остаться никому неизвестным. В другом случае донесения могли писаться людьми, не блещущими красотой стиля. И, наконец, в тяжелой боевой обстановке было иногда просто не до того.

Большую роль в создании символа играл журналист, по воле судьбы оказавшейся на месте событий. Сейчас уже мало кто помнит, что одновременно со статьей Петра Лидова «Таня» в «Правде» - о девушке-партизанке, казненной гитлеровцами в селе Петрищево, в «Комсомолке» вышла статья его коллеги по перу С.Любимова, который побывал там вместе с ним. Однако, замечен и отмечен был лидовский материал, как более выразительный. По легенде, Сталин, прочитав в газете ответ партизанки на вопрос гитлеровцев: «Где находится Сталин?» - «Сталин на посту!», произнес слова, решившие посмертную судьбу девушки: «Вот народная героиня». И завертелась машина, превращая неизвестную комсомолку Таню в Зою Космодемьянскую, первую женщину, получившую в Великой Отечественной войне звание Герой Советского Союза¹⁴².

Несмотря на огромный объем литературы, посвященный подвигу девушки, некоторые обстоятельства ее гибели по идеологическим соображениям тщательно скрывались. Так, ни слова не говорилось о неоднозначной реакции жителей с.Петрищево на диверсию, в результате которой несколько семей зимой осталось без крова. Далеко не все сочувствовали пойманной фашистами партизанке. Приведем несколько документов. У жены П.Лидова - Г.Я.Лидовой - хранятся выписки из уголовных дел на С.А.Свиридова, А.В.Смирнову и др. жителей села Петрищево, сделанные в 1942 г. после их осуждения военным трибуналом войск НКВД Московского округа. Через сутки после поджога партизанами трех домов, принадлежащих гр. Смирновой А.В., Солнцеву И.Е. и Кореневу Н., житель села Свиридов С.А., стороживший свой дом и садик, заметил выходящего из села человека и донес об этом фашистам. Схваченный партизан оказался девушкой. По деревне пронеслась весть, что поймали поджигательницу. А дальше произошло следующее.

Из показаний Петрушиной (Кулик) Прасковьи Яковлевны:

«На следующий день после задержания Зою привели к нам в 22 ч., измученную, со связанными руками. Утром в 8-9 ч. пришли Смирнова, Салынина и др. Салынина несколько раз сказала Смирновой, чтобы та била. Смирнова пыталась ударить, но я встала между ней и Зоей, не дала бить и выгнала. Немецкий солдат взял меня за ворот и оттолкнул, я ушла в чулан. Спустя несколько минут Смирнова и Салынина вернулись. Смирнова на ходу взяла чугун с помоями, бросила в Зою и чугун разбился. Я быстро вышла из чулана и увидела, что Зоя вся облита помоями».

Из показаний Солнцева Ивана Егоровича:

«Придя в дом Кулика, я сказал немцам, что это мой дом она подожгла. Меня сразу пропустили и немцы велели мне бить Зою, но я и жена категорически отказались. Когда при казни Зоя крикнула: «Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен, победа за нами», - Смирнова подошла и сильно ударила ее по ноге железной палкой, сказав: «Кому ты угрозила? Мой дом сожгла, а немцам ничего не сделала», - и выругалась»¹⁴³.

Обнародование такого рода фактов несомненно вступило бы в противоречие с официальным тезисом о всенародной поддержке партизанской борьбы жителями оккупированных районов. Куда удобнее была версия о том, что Зою предал ее товарищ по группе Василий Клубков, схваченный, как и она, в Петрищево и оказавшийся менее стойким¹⁴⁴. Случай единичного предательства не шел в разрез с общим направлением пропаганды того времени, тогда как поведение местных жителей приобретало в глазах системы характер опасной тенденции. О том, как тщательно оберегала система неприкосновенность символа в удобном ей виде, свидетельствует еще один любопытный документ. Это докладная записка инструктора отдела школьной молодежи ЦК ВЛКСМ Тищенко секретарям ЦК ВЛКСМ Михайлову Н.А. и Ершовой Т.И. от 30.12.48 г.: «Директор и учителя школы N 201 г.Москвы имени Зои Космодемьянской сообщили, что в организации и проведении экскурсий к месту казни и могилы Зои Космодемьянской следовало бы устранить имеющиеся недостатки. В деревню Петрищево, где зверски замучена фашистами Зоя, приходят много экскурсий,

большинство из которых - это дети, подростки. Но этими экскурсиями никто не руководит. Экскурсии сопровождает Воронина Е.П., 72-х лет, в доме которой размещался штаб, где допрашивали и пытали Зою, и гражданка Кулик П.Я., у которой находилась Зоя до казни. В своих объяснениях о действиях Зои по заданию партизанского отряда они отмечают ее смелость, мужество и стойкость. В то же время говорят: «Если бы она и дальше продолжала к нам ходить, то принесла бы много убитка деревне, сожгла бы много домов и скота». По их мнению, это, пожалуй, Зое и не следовало бы делать. Объясняя о том, как Зоя была схвачена и попала в плен, они говорят: «Мы очень ждали, что Зою обязательно освободят партизаны, и были очень удивлены, когда этого не случилось». Такое объяснение не способствует правильному воспитанию молодежи»¹⁴⁵.

До сих пор история трагедии в Петришево хранит немало загадок и ждет своего объективного исследования.

Еще один символ - 28 гвардейцев-панфиловцев - тоже обязан своим возникновением журналистам. Корреспондент «Комсомольской правды» В.Чернышев и спецкор «Красной звезды» В.Коротеев, даже не побывавшие на месте боев, не беседовавшие с их участниками, воспользовались информацией, полученной в штабе дивизии. В первоначальных своих публикациях, наряду с некоторыми неточностями, они в целом дали объективную и справедливую оценку героизму бойцов 8-й Панфиловской дивизии, отметив, что тяжелые бои велись ими на всех участках и на каждом было проявлено исключительное мужество. Упомянулись особо отличившиеся бойцы 4-й роты Н-ского полка, которые вели бой с фашистскими танками в районе разъезда Дубосеково. Перед боем эта рота насчитывала до 140 человек, после боя в ней осталось около 30. Смертью героев погибло более 100 бойцов. Но Коротеев, не располагавший точными данными, по приезду в Москву в разговоре с редактором значительно приуменьшил число участников боя, сказав, что состав роты, видимо, был неполный, примерно человек 30, из которых двое оказались предателями. Другой журналист - А.Кривицкий, опираясь на эти слова, написал передовую «Завещание 28 павших героев»¹⁴⁶. Так, весьма безответственным образом появилась эта цифра, лишившая заслуженной славы сотни героев роты, полка, дивизии. Напечатанное в газете, да еще в передовице, не могло ставиться под сомнение. 28 героев стали Символом. Имена под эту цифру подбирались особенно тщательно, хотя не обошлось и без проколов: шестеро оказались в живых, из них двое потом долго и безуспешно доказывали свою принадлежность к «списку» героев¹⁴⁷. Интересно и другое: по книге безвозвратных потерь видно, что люди, включенные в поименный список, погибли в разное время в разных местах, а не в один день у разъезда Дубосеково. Впрочем, для системы такие «мелочи» уже не имели значения: когда символ создан, обратного хода нет.

Наконец, в создании такого символа, как «Молодая Гвардия», исключительная роль принадлежит Александру Фадееву. И здесь возникает вопрос о моральной ответственности писателя, не изменившего в художественном произведении имена реально существовавших людей, которые послужили прототипами его героев. Вследствие этого произошла подмена исторической реальности литературным вымыслом в сознании всего народа. О молодогвардейцах судили не столько по документам и свидетельствам участников событий, сколько по роману, который, по словам самого А.Фадеева, не претендовал на документальную точность¹⁴⁸. Так, нескольким невиновным были навешаны ярлыки предателей, они подверглись репрессиям, последовали и гонения на их семьи. Лишь недавно они были полностью реабилитированы, но продолжают оставаться заложниками легенды, созданной А.Фадеевым¹⁴⁹. Этот перечень можно продолжить.

Несомненно, существовали символы, возникновение которых готовилось системой заранее. Одним из них стало Знамя Победы. Сейчас уже трудно сказать, случайно или нет в одну из знаменных групп, штурмовавших рейхстаг, были включены русский и грузин. Но в том, что система не обошла этот факт вниманием и преподнесла его как особый подарок Сталину, сомневаться не приходится. Знаменных групп было несколько, как и флагов, водруженных ими в разных частях рейхстага. Подвиг каждой из них достоин высшей награды. Так, были представлены к званиям Героев Советского Союза разведчики группы лейтенанта С.Сорокина, закрепившие флаг на скульптурной группе над главным входом в рейхстаг. Их подвиг был подробно описан в наградных листах, подписанных командованием корпуса, но командование армии представления на них не подписало¹⁵⁰. Знамя Победы могло быть только одно, а значит, участники только одной группы могли стать Героями, чтобы затем превратиться в символ. Логика системы воистину была железной.

Подведем некоторые итоги. Среди методов, которыми пользовалась система для создания необходимых ей символов, можно назвать следующие:

- фальсификация - полная или частичная, включая подмену одного героя другим, присвоение чужих заслуг, искажение обстоятельств подвига, неверную трактовку событий и т.п.;
- несправедливое умалчивание об одном герое или подвиге и целенаправленное возвеличивание другого с использованием всех доступных средств агитации и пропаганды;
- выделение одного героя из ряда других, совершивших аналогичный подвиг, т.е. неравная оценка равного подвига, персонификация подвига;
- создание пропагандистского клише, стереотипа героя, под который искусственно «подгонялись» живые, реально существовавшие люди;
- другие формы.

Можно выделить определенную закономерность и провести классификацию типов подвига, наиболее часто использовавшихся системой для превращения их в символы:

- Единоборство с превосходящими силами противника, удержание боевых позиций ценой собственной жизни (с гранатой под танк; вызов огня на себя; подрыв гранатами себя и врагов при угрозе плена; и др.);
- Массовый героизм, коллективный подвиг (стойкость целых подразделений);
- Акты самопожертвования, спасение товарищей ценой собственной жизни (грудью на амбразуру);
- Мученическая смерть под пытками в плену у врага, верность долгу и присяге перед лицом смерти;
- Уничтожение врага таранным ударом при отсутствии иных средств ведения боя (воздушный таран); нанесение максимально возможного ущерба врагу ценой собственной жизни, отказ от возможности спастись (огненный таран);

- Единство и дружба советских народов (подвиги многонациональных воинских коллективов; героизм бойцов разных национальностей) - («Герои нашей части», «Герои нашей Армии» и т.п., возникавших непосредственно на фронте без участия главных политических структур, наиболее характерными чертами являются солдатская находчивость, смекалка, боевое мастерство, позволяющие наносить урон врагу с собственными минимальными потерями¹⁵¹. Именно к такого рода символам относится и Василий Теркин, поднявшийся, однако, до общенародного уровня.

- Спасение боевого знамени и другой воинской и советской символики.

Для символов местного масштаба - «Герои нашей части», «Герои нашей Армии» и т.п., возникавших непосредственно на фронте без участия главных политических структур, наиболее характерными чертами являются солдатская находчивость, смекалка, боевое мастерство, позволяющие наносить урон врагу с собственными минимальными потерями¹⁵¹. Именно к такого рода символам относится и Василий Теркин, поднявшийся, однако, до общенародного уровня.

Другой стороной проблемы является вопрос о том, какое влияние оказывали героические символы на сознание людей, в какой степени выполняли отведенные им функции, существовало ли противоречие между собственным мироощущением советского солдата и тем, которое навязывала ему система?

Вспомним слова К.Симонова: «Чем чаще о чем-то пишут, тем чаще это находит отзвук и в жизни». В этом смысле символы, безусловно, срабатывали, оказывая сильнейшее эмоциональное воздействие на огромные массы людей, особенно молодых, воспитанных на революционной романтике и героике (тоже символах, но более раннего времени), а потому наиболее восприимчивых. Примеры доблести и героизма, активно пропагандируемые в печати, на митингах и красноармейских собраниях, с одной стороны, вызывали общее стремление отомстить врагу за гибель товарищей, с другой, - быть похожими на них и сражаться с еще большим мужеством и энергией. «Мы заявляем, - говорилось в письме Военному Совету 2-го Белорусского фронта от комсомольцев и молодежи 272 стрелковой Свирской дивизии от 28.03.45 г., - что любой Ваш приказ будет нами выполнен с честью и достоинством комсомольцев. На пути к достижению цели у нас встретятся трудности, но мы их преодолеем так же, как преодолели наши старшие товарищи, так же, как преодолевали их Зоя Космодемьянская, Александр Матросов и Юрий Смирнов. Мы заверяем Вас, что каждый комсомолец и молодой воин нашего соединения будет в первых рядах атакующих. Мы будем бить врага так, как били его в недавних боях лучшие комсомольцы нашего соединения... На такие подвиги способен каждый из нас. Мы любим свою Родину и для счастья ее не пожалеем своих сил. Мы готовы за Родину пролить каплю за каплей свою кровь, неся в своих молодых сердцах священную ненависть к врагу... Водрузим знамя победы над Гдыней! Смерть фашистским захватчикам!»¹⁵²

Известно немало случаев, когда молодые бойцы и командиры носили всю войну в комсомольских билетах вырезанные из газет портреты Зои Космодемьянской, на танках и самолетах писали «За Зою!» Подобное происходило и с именами других героев. Символы общесоюзного масштаба дополняли в сознании людей их собственный опыт: подвиги друзей-однополчан, очевидцами которых они становились, личные трагедии - гибель семьи или кого-нибудь из близких, разорение родной деревни и т.п. Все это вместе взятое включалось затем в «личный счет мести врагу», о чем и отчитывались друг перед другом на собраниях перед началом боевой операции или накануне наступления¹⁵³. Организаторами составления «счетов мести» выступали партотделы, комсорги, политработники.

Как один из примеров прямого воздействия символа на настроения бойцов, приведем отрывок из отчета об одном открытом комсомольском собрании в частях 19 Армии по письму матери Олега Кошевого к товарищу сына лейтенанту И.Лещинскому от 9.11.43 г. «...Комсомолец, младший сержант т.Мацко в своем выступлении сказал: «Мы беспощадно мстим за молодогвардейцев - прямой наводкой из орудий громим логово врага. Проведенные последние две боевые стрельбы получили хорошие оценки командования батальона - цели были поражены. Наш расчет в основном комсомольский и на призыв матери юного героя Е.Н.Кошевой, на обращение молодежи мы ответим беспощадной мстью. Мы будем увеличивать счет мести немецким захватчикам и до конца выполним наказ матери героя». ...Многие из присутствовавшей на комсомольских собраниях несоюзной молодежи обратились с просьбой принять их в ряды ВЛКСМ. Так, тов. Симаклова на собрании заявила: «Смерть краснодонцев потрясла меня и я почувствовала, что не могу больше быть вне рядов Ленинско-Сталинского комсомола, который воспитывает таких героев, как был Олег и его товарищи. Я прошу принять меня в комсомол»¹⁵⁴.

Впрочем, далеко не всегда выступления на митингах и собраниях могут служить барометром настроений в армии. Об этом свидетельствуют сами политдонесения: «В некоторых подразделениях, которые ранее находились на выполнении боевых заданий, где не были проведены собрания о любви к Родине и воинской доблести - традициях русского народа, в настоящее время закончено проведение таких собраний. Проведению собраний так же, как и ранее, предшествовала тщательная подготовка. Собрания прошли хорошо и с большим

подъемом... Проводилась работа по подготовке бойцов и сержантов к выступлениям»¹⁵⁵. Насколько искренними были подобные выступления, в ряде случаев довольно сложно определить.

Не всеми категориями бойцов героические символы воспринимались одинаково. Призванные в ноябре-декабре 1944 г. из освобожденных от немецкой оккупации районов Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии и Прибалтики бойцы нового пополнения, знакомые с новой идеологией только понаслышке (за два предвоенных года после вступления Советской Армии на эти территории система еще не успела развернуться в полной мере, да и влияние сталинской пропаганды за столь короткий срок не могло оказаться действенным), относились к ее символам с изрядной долей скепсиса: «В ходе бесед выяснилось, - говорится в донесении Политотдела 19 Армии от 28.12.44 г., - что ряд бойцов пополнения не верит в героические подвиги воинов Красной Армии. Так, в 27 стрелковой дивизии после проведения беседы о подвиге Героя Советского Союза сержанта Варламова, закрывшего своим телом амбразуру вражеского ДЗОТа, были реплики: «Этого не может быть»¹⁵⁶.

И все же в своем подавляющем большинстве советские люди относились к героическим символам именно так, как это и планировалось пропагандистской машиной. Хотя было и глубокое понимание того, что нельзя разделять героизм и будни, потому что «и будни войны являлись подвигом, возможно, большим, чем мгновенная вспышка, эмоциональный всплеск, когда солдат бросается на танк с одной гранатой. Это секунды, а будни - это дни и ночи, кровавые и беспроблемные, потому что только смерть или ранение могут освободить солдата от постоянного, нечеловеческого напряжения, выдерживать которое было неимоверно трудно»¹⁵⁷. Тем обиднее было чувствовать за спиной пулеметы заградотрядов, знать, что за любое неосторожное слово и трезвый взгляд на действительность можно угодить в СМЕРШ. Эта горечь за недоверие и подозрительность системы по отношению к тем, кто на грани своих сил, голодный и холодный, до предела усталый и измученный, под постоянным огнем противника, зачастую превосходящего числом и вооружением, отбивал непрерывные атаки и поднимался в атаки сам, делая порой невозможное, проявляя чудеса героизма, - эта обида и горечь солдата к системе предельно ясно выразилась в одной из песен фронтового фольклора:

«Первая болванка пробил бензобак.

Я выскочил из танка, и сам не знаю, как.

А потом в особый вызвали отдел:

«Почему ты, сволочь,

вместе с танком не сгорел?!»

А я отвечаю, а я говорю:

«В следующей атаке обязательно сгорю...»¹⁵⁸

Вот так и чувствовал себя солдат на войне, - с одной стороны, испытывая великое чувство гражданственности, ощущая себя личностью, от которой зависит судьба Отечества, готовый на самопожертвование, честно и с достоинством исполняющий свой ратный труд; а с другой, - поставленный системой в положение «винтика», когда человеческая жизнь ценилась порой дешевле, чем цинковый ящик с патронами. Война велась жестоко и по отношению к своим же солдатам. Сталинский режим не считался с потерями, и «не было случая в годы войны, чтоб за напрасные потери осудили хоть бы одного командира высокого ранга»¹⁵⁹. «Мы за ценой не постоим» - эти слова из песни Булата Окуджавы очень точно отражают пафос военных лет. Эти же слова выражают и сущность героических символов периода Великой Отечественной войны, саму атмосферу того времени.

Итак, к вопросу о значении символов нельзя подходить упрощенно. Обращение к героическим примерам всегда имело место в истории и играло важную роль в поддержании боевого духа армии и народа. Очевидно, что и в годы Великой Отечественной войны существовала объективная необходимость в пропаганде подвигов, которые призваны были служить и служили образцом для массового подражания, вдохновляющим примером для миллионов людей. «...Героический подвиг не только зовет следовать конкретному героическому примеру своих однополчан, друзей, товарищей, соотечественников, но и как бы создает готовую форму, «своеобразную модель» героической деятельности, которая может широко распространяться»¹⁶⁰. Такой моделью, но, как правило, схематичной и упрощенной, втиснутой в узкие идеологические рамки, и являлись символы. И именно здесь объективная необходимость их создания вступала в противоречие с еще одной ролью, которую эти символы выполняли, - ролью, навязанной им системой. Отражая массовый героизм советских людей и способствуя его росту, они в то же время укрепляли мифологическое сознание общества в условиях сталинизма, нередко искажая факты реальной истории. Поэтому, обращаясь к прошлому, следует отделять событие от его символа и героя от наших представлений о нем. Во имя истины.

Вопрос о механизмах формирования и роли героических символов в Великой Отечественной войне особенно важен для понимания такого феномена как духовный облик фронтового поколения, который, при всей своей противоречивости, явился одним из решающих факторов победы советского народа над фашизмом.

Примечания

¹ «Как моего поколения мальчики фантастикой Ленина заманишь - работа в степени романтики -

- Вот что такое коммунизм!*» - написал в 1940 г. поэт Михаил Кульчицкий, отразив энтузиазм и пафос того времени. // См.: Строка, оборванная пулей. М., 1985. С. 310.
- ² Борисов Ю.С., Курицын В.М., Хван Ю.С. Политическая система конца 20 - 30-х годов. О Сталине и сталинизме // Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988. С. 276-278.
- ³ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989. С. 127.
- ⁴ Там же. С. 231.
- ⁵ Горов В.Я., Самсонов А.М. 1941-1945. На подступах к истине // Историки спорят. С. 307.
- ⁶ См.: Историки отвечают на вопросы. М., 1988. С. 145.
- ⁷ Борисов Ю.С., Курицын В.М., Хван Ю.С. Указ. соч. С. 298-299.
- ⁸ Симонов К. К биографии Г.К.Жукова // Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988. С. 98.
- ⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. В 6-ти т. М., 1960. Т. 1. С. 441.
- ¹⁰ Кассис В., Комаров В., Чичков В. Покой нам и не снился. М., 1982. С. 25-26.
- ¹¹ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., 1985. С. 29.
- ¹² История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Т. 1. С. 460; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., 1985. С. 24.
- ¹³ Бестужев-Лада И.В. Трудное возвращение к правде // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 299; По данным Красного Креста, к концу 1941 г. фашистские войска захватили в плен 3,8 млн советских солдат и офицеров. См.: Аргументы и факты. 1990. N 6. С. 8.
- ¹⁴ См.: Анфилов В. Самые тяжкие годы // Литературная газета. 1989. 22 марта.
- ¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 318.
- ¹⁶ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 46.
- ¹⁷ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30-32.
- ¹⁸ Вольф А. Звезда над передовой. М., 1983. С. 254.
- ¹⁹ См.: Нам дороги эти позабыть нельзя: Воспоминания фронтовиков Великой Отечественной. Киев, 1980. С. 301-302; Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 419.
- ²⁰ Венок славы. Антол. худож. произвед. о Великой Отечественной войне. В 12-ти т. М., 1986. Т. 11. С. 95-96.
- ²¹ Вольф А. Указ. соч. С. 49.
- ²² ЦМ ВС. 83413/2; 4/40287/2.
- ²³ Никифорова Е. Рожденная войной. Морозов А. Нейтральная полоса. М., 1985. С. 178.
- ²⁴ Овчинникова Л. Пишу перед боем // Комсомольская правда. 1989. 9 мая.
- ²⁵ Алексиевич С. У войны не женское лицо. Минск, 1985. С. 301-302.
- ²⁶ См.: Самсонов А.М. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1989. С. 79-81.
- ²⁷ Цит. по: Волкогонов Д.А. Морально-политический фактор Великой Победы // Вопросы философии. 1975. N 3. С. 106.
- ²⁸ Кондратьев В. Красные ворота. Повесть. Роман. М., 1988. С. 411-412.
- ²⁹ Бродский И. На смерть Жукова // Нева. 1988. N 3. С. 106.
- ³⁰ Кондратьев В. Красные ворота. С. 411-412.
- ³¹ Гуськов С. Если останусь жив. М., 1989. С. 215.
- ³² Афанасьев А., Бордюгов Г. Украденная победа // Комсомольская правда. 1990. 5 мая.
- ³³ Костерин С. В каждом доме это день // Советская Россия. 1986. 9 мая.
- ³⁴ Кондратьев В. Указ. соч. С. 125.
- ³⁵ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 32.
- ³⁶ См.: Афанасьев А., Бордюгов Г. Указ. соч.; Адамович А. Отвоевались! М., 1990. С. 251.
- ³⁷ См.: Буртин Ю.Г. Изжить Сталина! // Суровая драма народа. С. 10; Кардин В. Не застрять бы на обочине. Из писем фронтовому другу // Дружба народов. 1988. N 2. С. 242.
- ³⁸ Анфилов В. Указ. соч.
- ³⁹ См.: Куликов В. Выше голову, фронтовик! // Труд. 1990. 6 мая.
- ⁴⁰ Кон И.С. Психология юношеского возраста. (Проблемы формирования личности). М., 1979. С. 12.
- ⁴¹ Шарапов Ю.П. Как пред господом Богом чисты... // Красная звезда. 1991. 22 июня.
- ⁴² Кондратьев В. Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. N 7. С. 116.
- ⁴³ Рассчитано по: Бессмертные подвиги. М., 1980. С. 81-110; Бессмертное племя матросовцев. М., 1990. С. 234-284.
- ⁴⁴ См.: Ананьев Б.Г. Развитие психологических функций взрослых людей. М., 1972; О проблемах современного человекознания. М., 1977. Раздел VI. Некоторые проблемы психологии взрослых.
- ⁴⁵ Кондратьев В. Не только о своем поколении. С. 123.
- ⁴⁶ Из воспоминаний С.Л.Сенявского. Личный архив.
- ⁴⁷ Алексиевич С. Указ. соч. С. 61-62.
- ⁴⁸ Там же. С. 101.
- ⁴⁹ Из письма Г.А.Ярцевой брату от 23.02.45 г. // ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 46. Л. 84.
- ⁵⁰ Алексиевич С. Указ. соч. С. 61.
- ⁵¹ Там же. С. 58.
- ⁵² Там же. С. 166.
- ⁵³ Там же. С. 117.
- ⁵⁴ Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. N 2. С. 77.
- ⁵⁵ Алексиевич С. Указ. соч. С. 176-177.
- ⁵⁶ Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 225-226.
- ⁵⁷ Самойлов Д. Указ. соч. // Аврора. 1990. N 2. С. 77.
- ⁵⁸ Родина. 1991. N 6-7. С. 38.
- ⁵⁹ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 58.

- ⁶⁰ Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. Вып. 2. М., 1985. С. 98.
- ⁶¹ Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 270.
- ⁶² Троицкий Е. Русская нация: социалистическое преобразование и обновление. М., 1989. С. 39-40, 255.
- ⁶³ Цит. по: История дипломатии. М.; Л., 1945. Т. 11. С. 103.
- ⁶⁴ Распутин В. Знать себя патриотом // Говоря откровенно. Заметки писателей о межнациональных отношениях. М., 1989. С. 146-147.
- ⁶⁵ Жуков Ю. Солдатские думы. М., 1987. С. 31.
- ⁶⁶ Момыш-улы Б. Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 163-164.
- ⁶⁷ Там же. С. 18.
- ⁶⁸ Боевое братство народов СССР. Дружба и массовый героизм народов СССР в боях за Советскую Украину в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. Киев, 1984. С. 11.
- ⁶⁹ Правда. 1942. 31 октября.
- ⁷⁰ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 16. Л. 29 (оборот).
- ⁷¹ Там же. Л. 387-388.
- ⁷² Там же. Л. 381-382.
- ⁷³ Там же. Л. 319.
- ⁷⁴ Там же. Л. 338-339.
- ⁷⁵ Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. С. 484.
- ⁷⁶ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 323, 338 (оборот).
- ⁷⁷ Там же. Л. 295.
- ⁷⁸ Там же. Л. 295-296.
- ⁷⁹ Там же. Л. 296.
- ⁸⁰ Там же. Л. 297.
- ⁸¹ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 5.
- ⁸² ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 325-326, 339-340.
- ⁸³ Там же. Л. 335, 336.
- ⁸⁴ Там же. Л. 326, 340.
- ⁸⁵ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 118.
- ⁸⁶ Кондратьев В. Не только о своем поколении. С. 117.
- ⁸⁷ Симонов К. Солдатские мемуары. М., 1985. С. 301-302.
- ⁸⁸ Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 154.
- ⁸⁹ Самойлов Д. Указ. соч. // Аврора. 1990. N 2. С. 50-51.
- ⁹⁰ Там же. С. 50.
- ⁹¹ Там же. С. 51.
- ⁹² Бордюгов Г.А. Великая Отечественная: подвиг и обманутые надежды // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991. С. 271.
- ⁹³ Песков В. Указ. соч. С. 117.
- ⁹⁴ Кардин В. Не застрять бы на обочине. С. 243.
- ⁹⁵ Кондратьев В. Не только о своем поколении. С. 117.
- ⁹⁶ Самойлов Д. Указ. соч. // Аврора. 1990. N 1. С. 66-67.
- ⁹⁷ Кондратьев В. Не только о своем поколении. С. 123.
- ⁹⁸ Симонов К. Солдатские мемуары. С. 260.
- ⁹⁹ Слова, пришедшие из боя. С. 124.
- ¹⁰⁰ Симонов К. Солдатские мемуары. С. 301-302.
- ¹⁰¹ Симонов К. Разные дни войны. С. 94.
- ¹⁰² Симонов К. Солдатские мемуары. С. 212-213.
- ¹⁰³ Алексиевич С. Указ. соч. С. 163-164.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 115.
- ¹⁰⁵ Огненные фарватеры. Л., 1987. С. 57-58.
- ¹⁰⁶ Яковенко А. Когда конфликт неизбежен. М., 1989. С. 188-189.
- ¹⁰⁷ Самойлов Д. Указ. соч. // Аврора. 1990. N 2. С. 57-58.
- ¹⁰⁸ Овчинникова Л. Колокол на Долгом лугу. М., 1989. С. 70.
- ¹⁰⁹ Сармакешев В.Н. А мы такие молодые. М., 1988. С. 122.
- ¹¹⁰ Овчинникова Л. Колокол на Долгом лугу. С. 39.
- ¹¹¹ Ворков С.С. Морская гвардия. О гвардейских кораблях и частях Краснознаменной Балтики. Л., 1990. С. 64-65.
- ¹¹² Гудкова Г. Будут жить! Сапожникова М. «Сестра Валя». М., 1986. С. 179-180.
- ¹¹³ Гудкова Г. Указ. соч. С. 181; Алексиевич С. Указ. соч. С. 311.
- ¹¹⁴ Алексиевич С. Указ. соч. С. 310.
- ¹¹⁵ Сармакешев В.Н. Указ. соч. С. 133-134.
- ¹¹⁶ Слова, пришедшие из боя. С. 226.
- ¹¹⁷ Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1960. С. 22.
- ¹¹⁸ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 16. Л. 393.
- ¹¹⁹ См.: Гагарин С. Правда о Второй Ударной // Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. М., 1989. С. 401-434; Черепанов М. Армия не сдаётся // Комсомольская правда. 1987. 27 сентября.
- ¹²⁰ Бессмертие долины Славы // Правда Севера. 1990. 17 июня; Город-герой Мурманск. Мурманск, 1989.
- ¹²¹ Карпов В. Полководец // Роман-газета. 1985. N 8. С. 22; N 9. С. 9-11.

- ¹²² Великая Отечественная война 1941-1945. События. Люди. Документы. Военно-исторический очерк. М., 1990. С. 352; Коваленко Я.С. Под командой Маринеско // Торпеды в цель! Сборник воспоминаний. Л., 1989. С. 250; Награды за мужество // Правда. 1990. 6 мая.
- ¹²³ Литовкин В. Неизвестные герои Великой войны // Известия. 1991. 8 мая.
- ¹²⁴ Костенко К., Яковлева Т. На весах правды // Комсомольская правда. 1989. 5 января.
- ¹²⁵ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 52. Л. 17.
- ¹²⁶ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 58. Л. 403, 427.
- ¹²⁷ Быков В. Так что же сделали с Победой? // Комсомольская правда. 1990. 29 сентября.
- ¹²⁸ Кондратьев В. Не только о своем поколении. С. 113.
- ¹²⁹ Кондратьев В. Оплачено кровью // Родина. 1991. N 6-7. С. 7.
- ¹³⁰ Мерцалов А. Один к пяти // Родина. 1991. N 6-7. С. 138.
- ¹³¹ Кондратьев В. Оплачено кровью. С. 7.
- ¹³² Твардовский А. Василий Теркин. Дом у дороги. М., 1985. С. 174.
- ¹³³ Карельский фронт в Великой Отечественной войне. 1941-1945. Военно-исторический очерк. М., 1984. С. 100-101.
- ¹³⁴ Цифры приводятся разные. Так, в статье «Братья Матросова» в «Правде» за 5 апреля 1990 г. сказано, что, по последним данным, героев, закрывших своим телом амбразуру вражеского дота или дзота, было 386 человек. А в N 17 «Аргументов и фактов» за тот же год историк Н.В.Борисов, много лет изучающий эту проблему, называет число 212. В вышедшей недавно книге А.Коваленко «Правда о Матросове и матросовцах» (М., 1994. С. 340-392.) приводится список, включающий 341 фамилию, при этом автор оговаривается, что за 30 лет кропотливых поисков ему удалось найти 470 «матросовцев». Это показатель того, что конкретные цифры в подобных случаях приводить не следует: работа с архивными материалами продолжается, списки героев требуют дальнейшего уточнения, тщательной проверки. Что касается таранов, то на сегодняшний день установлено, что огненный таран в годы войны был совершен около 500 раз; воздушных таранов насчитывают более 600. // См.: На грани возможного. М., 1990. С. 6, 11.
- ¹³⁵ На грани возможного. С. 8.
- ¹³⁶ Песков В. Указ. соч. С. 151.
- ¹³⁷ На грани возможного. С. 13.
- ¹³⁸ Аргументы и факты. 1990. N 17(498). - 28 апреля - 4 мая. С. 8.
- ¹³⁹ См.: Зайцев А.Д., Рошин И.И., Соловьев В.Н. Зачислен навечно. Биограф. справ. в 2-х кн. Кн. 1. М., 1990. С. 5; Коваленко А. Правда о Матросове и матросовцах. М., 1994. С. 3.
- ¹⁴⁰ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 179.
- ¹⁴¹ Рассчитано по: Бессмертные подвиги. М., 1980. С. 81-110; Бессмертное племя матросовцев. 1941-1945. М., 1990. С. 234-284.
- ¹⁴² Лидов П. Таня // Правда. 1942. 27 января; Любимов С. Мы не забудем тебя, Таня // Комсомольская правда. 1942. 27 января; Лидов П. Кто была Таня // Правда. 1942. 18 февраля.
- ¹⁴³ Из личного архива Г.Я.Лидовой.
- ¹⁴⁴ Милецкий Я. Кто предал Таню // Красная звезда. 1942. 22 апреля; Лидов П. Новое о «Тане» // Правдист. 1944. N 4(119). С. 5; Лидов П. Вокруг «Тани» // Правдист. 1947. N 89. 14 июня.
- ¹⁴⁵ ЦХДМО. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 649. Д. 5. Л. 18.
- ¹⁴⁶ Катусев А.Ф. Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990. N 9. С. 70-72.
- ¹⁴⁷ Куманев Г. Судьба Ивана Добробабина, одного из 28 героев-панфиловцев // Правда. 1988. 18 ноября; Митько М., Куманев Г. Ошибка писаря? Почему из числа Героев был вычеркнут один из 28 панфиловцев // Московская правда. 1989. 7 мая.
- ¹⁴⁸ Фадеев А. Письма. М., 1967. С. 230.
- ¹⁴⁹ Ажгихина Н. Заложники легенды // Огонек. 1990. N 44. С. 25-27.
- ¹⁵⁰ Сычев А. Кто водрузил Знамя Победы? // Аргументы и факты. 1990. N 18(499). - 5-11 мая. С. 3.
- ¹⁵¹ См.: Герои и подвиги. Советские листовки Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. М., 1958.
- ¹⁵² ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 146.
- ¹⁵³ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 33. Л. 241-243, 248-251; Д. 51. Л. 104, 167-168, 214; Д. 76. Л. 27, 106, 241.
- ¹⁵⁴ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 52. Л. 3-4.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 34.
- ¹⁵⁶ ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 321, 337.
- ¹⁵⁷ Кондратьев В., Кожемяко В. Какая же она, правда о войне? // Правда. 1990. 20 июня.
- ¹⁵⁸ Записано со слов А.А.Курносова, слышавшего эту песню после войны от родственника-фронтовика.
- ¹⁵⁹ Кондратьев В., Кожемяко В. Указ. соч.
- ¹⁶⁰ Волгогонов Д.А. Морально-политический фактор Великой Победы // Вопросы философии. 1975. N 3. С. 20.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исход любой войны в конечном счете всегда определяют люди. Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии показала это с особой ясностью. Тогда на чашу весов истории легло соотношение всего комплекса экономических, политических и стратегических факторов противоборствующих сторон, но морально-психологическое превосходство советского солдата оказалось самым весомым. Это вынуждены были признать даже враги. «Это была тяжелая школа, - писал в своих мемуарах немецкий генерал Блюментрит. - Человек, который остался в живых после встречи с русским солдатом и русским климатом, знает, что такое война. После этого ему незачем учиться воевать... Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя»¹.

Сегодня раскрыто уже немало «белых пятен» в истории предвоенного и военного времени, откровенно говорится о том, что замалчивалось десятилетиями. Здесь и преступления «сталинщины», и роковые просчеты командования, и намного превосходящие прежние официальные данные цифры наших потерь в войне, и многое другое. Но вся негативная информация, захлестнувшая в последние годы страницы газет, журналов и книг, не только не может принизить, но, напротив, объективно подчеркивает величие подвига советского солдата, ценой огромных жертв победившего фашизм, отстоявшего независимость Родины. «Не в пример некоторым другим, прежним и последующим войнам, Великая Отечественная война нашего народа против немецко-фашистских захватчиков была войной героической и, безусловно, самой справедливой в нашей истории. Мы победили, это однозначно и непереоценимо, как для судеб наших народов, так и для будущего земной цивилизации. Участники этой войны - действительно герои, и прошедшие ее с первого до последнего дня, и вставшие в ее стрелковые цепи на заключительном этапе боев. Хватило всем под завязку. Победили, и, по-видимому, это главное»², - так оценивает этот период в истории Отечества писатель Василь Быков. При этом духовный облик фронтового поколения в его целостности и историческом развитии в годы Великой Отечественной войны явился одним из решающих факторов Победы над врагом.

Именно в это тяжелейшее для нашей страны время началось ее духовное обновление, общественное сознание сделало первый шаг к штурму тоталитаризма, подготовив тем самым грядущие перемены. «Война одно подтверждала, другое отвергала, третье, в свое время отвергнутое, восстанавливала в его прежнем значении... Новое, рожденное или восстановленное в ходе войны, боролось со всем тем отжившим и скомпрометировавшим себя, что уходило корнями в атмосферу 1937-1938 годов»³, - подчеркивал К.Симонов. Духовные процессы, берущие начало в 1941-1945 гг., получили свое дальнейшее развитие и привели советское общество к ситуации 1956 г. - разоблачению культа личности и подлинному перевороту в сознании миллионов людей. Таким образом, фронтовое поколение можно назвать не только «поколением победителей», но и «поколением XX съезда». Дважды в своей жизни оно сыграло главную роль в решающее для судеб страны время - и в этом его огромное историческое значение. «XX съезд, дух освобождения, оттепели вышел из фронтовой шинели победителей»⁴.

В данной монографии были представлены попытка психологического моделирования и реконструкция основных параметров воздействия на сознание условий военного времени. Используя такой подход, мы убедились в его продуктивности при исследовании историко-психологических проблем Великой Отечественной войны. Вместе с тем, он перспективен и как своеобразная исследовательская модель, полезная при изучении других этапов отечественной истории, прежде всего, периодов «бедствий народных» - больших и малых войн.

В результате исследования мы пришли к выводу, что при изучении личности в экстремальных обстоятельствах необходимо учитывать степень воздействия на человеческое сознание пограничных ситуаций, в том числе такой крайней их формы, как бытие перед лицом смерти, когда происходит ломка привычных представлений о мире и формируется новая система ценностных ориентаций. При анализе историко-психологических проблем, в том числе проблемы духовного облика фронтового поколения, наиболее результативным является «объемный», «стереоскопический» подход к изучению прошлого, рассматриваемого с двух точек зрения, разделенных временным интервалом: «из глубины» и «извне» исследуемой эпохи. При этом изучение субъективной реальности, какой являются духовные феномены, возможно главным образом на основе субъективных источников и прежде всего - источников личного происхождения, освещающих духовные процессы «изнутри». Именно они наиболее широко представлены в этой книге.

В духовном облике поколения в целом и отдельных его представителей можно выделить три взаимосвязанных уровня: мировоззренческий, нравственный и социально-психологический. Формирование и развитие духовного облика во время войны, изменение морально-психологической доминанты в общественном сознании зависят в первую очередь от хода и характера военных действий и от места ведения боев. Специфика духовного облика представителей различных социальных, национальных и половозрастных категорий, отдельных родов войск проявляется не в системе мировоззренческих и нравственных установок, а на уровне социально-психологических качеств, как наиболее динамичной составляющей духовного облика. Особое психологическое восприятие войны указанными категориями военнослужащих обусловлено конкретной обстановкой и задачей каждого бойца и командира в бою, наиболее вероятным для него видом опасности, характером физических и нервных нагрузок, спецификой контактов с противником, взаимодействием с техникой (видом оружия) и особенностями военного быта. На фронте, при всей уникальности каждой

отдельной судьбы, всегда существуют общие закономерности, в том числе и психологического порядка, из которых собственно и складывается «психология войны», формирующая особую общность людей – фронтовое поколение.

Как и в предвоенные годы, так и в ходе самой войны, на духовные процессы в советском обществе влияла противоречивая система факторов. Дезориентированные пропагандой в оценке характера будущей войны, народ и армия с первых ее дней, отмеченных тяжелыми потерями, оказались в состоянии психологического шока. Пришлось отступать до самой Москвы, чтобы там, наконец, восстановить равновесие сознания, мобилизовать материальные и духовные силы на достойный отпор врагу. Но еще в течение года судьба России продолжала «висеть на волоске». Затем наступил новый этап, соединивший в себе два основных процесса – коренной перелом и освобождение Родины, но в плане психологическом для них характерна общая духовная доминанта – наступательный порыв, стремление освободить родных и близких, оказавшихся в оккупации. Заключительный этап был связан с освободительной миссией Советской Армии в Европе и содержал в себе целый комплекс противоречий как психологического, так и идеологического порядка, вызванных пребыванием на чужой территории.

Ведущими областями, в которых проявлялся духовный облик фронтового поколения на всем протяжении войны, были отношение к Отечеству, отношение к войне, ее характеру и целям, отношение к товарищам по оружию, отношение к врагу, отношение к тяготам войны и к опасности. При этом в сознании рушились многие пропагандистские штампы, не выдержав испытания практикой, а вместо них утверждались новые ценности, основанные на реальном опыте фронтовиков. Вместе с тем, политические структуры разработали механизмы создания и функционирования героических символов, обращение к которым было вызвано объективной необходимостью поддержания морального духа войск, но с другой стороны, неизбежно укрепляло мифологическое сознание общества в условиях сталинизма. При этом само фронтовое поколение оказалось в двойственной роли – как объекта, так и субъекта мифологизации. И это тоже одно из свидетельств его противоречивости как характерного продукта своей эпохи.

Проблема роли психологического фактора в войне, безусловно, неисчерпаема. Поэтому в этой книге мы не пытались охватить все ее грани, но лишь обозначили наиболее важные из них, наметив возможные подходы и пути их решения. При этом исходили из убеждения, что только комплексное исследование, охватывающее методологические, источниковедческие и конкретно-исторические аспекты проблемы, способно наиболее полно осуществить стоящую перед нами задачу: не ограничиваться чисто аналитическим рассмотрением духовных феноменов, но постараться самим прочувствовать атмосферу военных лет, по возможности взглянуть на события глазами их участников, подключив механизм сопереживания и, отчасти, перевоплощения. Насколько удался этот опыт – судить читателю.

* * *

В своей работе мы ограничились изучением фронтового поколения в хронологических рамках самой войны, то есть в тех условиях, когда оно окончательно сложилось и сформировалось в этом качестве. Но война закончилась, а жизнь продолжалась. Жизнь страны-победительницы и тех, благодаря кому она победила. Как же сложилась послевоенная судьба фронтового поколения, какое место отвело ему государство, – с точки зрения самих фронтовиков, их самооценки, самовосприятия и самоощущения?

На протяжении всей книги мы неоднократно обращались к свидетельствам писателей и поэтов – ветеранов Великой Отечественной, чьи размышления о своем времени в публицистических статьях и литературных произведениях носят характер «обобщенной мемуаристики», – ибо, художественно переосмыслив личный жизненный опыт, они выражают настроения большинства своих сверстников, соратников и друзей. В заключении мы вновь обращаемся к их мнению и попробуем суммировать эти ретроспективные оценки прошлого из дня нынешнего – как своеобразный итог жизни фронтового поколения, которая, увы, подходит к своему завершению, но при этом становится Историей – со всеми ее ошибками, взлетами и падениями. И «нельзя из книги жизни, называемой История, вырывать страницы. Прошлое отрывается от нас с кровью, как бинты с незаживших ран»⁵.

Возвращение с войны молодых фронтовиков означало для них вступление в совершенно новую жизнь. До ухода в армию они, как правило, не имели ни законченного образования, ни профессии, ни семьи. Опыт, приобретенный ими на фронте, был богат и разнообразен, очень важен для формирования личности, ее характера и мировоззрения, но все-таки крайне специфичен. В мирной жизни в советской стране он оказался не только малоприменим, но зачастую неприемлем и даже опасен для тех, кто им обладал. Склонность к риску, умение принимать самостоятельные решения в экстремальных ситуациях, смелость и решительность, – то есть все те качества, которые наиболее ценились в боевой обстановке, совершенно не вписывались в жесткую систему тотального администрирования и идеологического диктата. На «гражданке» люди действительно были «винтиками» хорошо отлаженной бюрократической машины, и нестандартность каких-либо деталей вела к тому, что их просто браковали и выбрасывали. Нужно учитывать, что эта «нестандартность», сформированная боевыми условиями, дополнялась посттравматическим синдромом, который был характерен практически для всех фронтовиков. Расшатанность нервной системы, болезненное реагирование на непривычные условия мирной жизни, встретившей защитников Родины далеко не так, как они того заслуживали, помноженные на сильный самостоятельный характер, сложившийся на войне, делали послевоенную адаптацию этого поколения

чрезвычайно сложной. Система требовала послушания и исполнительности, а эта категория ее «подданных» была самой взрывоопасной.

Поэтому даже через много лет ветераны вспоминают первые послевоенные годы с двойственным чувством: к радости возвращения и того, что остались живы, примешивались обиды и разочарования. «Фронтавикам хорошо памятливы послевоенные 40-е годы, когда они возвращались в разоренные города и голодные села, - писал В.Быков. - Никто в то время не рассчитывал на какой-либо достаток, не претендовал на привилегии - надо было впрягаться в адский труд и налаживать разоренное. И тем не менее уже тогда стало ясно, что народ-победитель заслуживал большего - по крайней мере, элементарного к себе уважения за беспримерную в истории победу»⁶.

Но даже и этого элементарного страна не дала своим героям, которые, «сделав свое дело», стали вроде бы лишними. Затаенная боль и горечь от несбывшихся надежд характерны для настроений тех лет. Вот как вспоминал об этом В.Кондратьев: «Отрезвление пришло в первые послевоенные годы, трудные и сложные для бывших фронтовиков... Мы почувствовали себя ненужными, ущербными, особенно инвалиды, получившие нищенские пенсии, на которые невозможно было прожить («которых не хватало даже на то, чтоб выкупить карточный паек»⁷, - уточнял он в другой своей статье). И этих несчастных, даже безногих и безруких, гоняли каждый год на ВТЭК для подтверждения инвалидности, словно за это время могли отрасти руки и ноги. Чем, как не неприкрытым издевательством являлся такой идиотский порядок?... У нас отняли месячные выплаты за награды и бесплатный проезд на поездах раз в год за орден. Выплаты были мизерные: за медаль «За отвагу» - 5 рублей, за «Звездочку» - 15 рублей каждый месяц, но все же стало обидно, что и такие гроши отняли...»⁸ С горькой иронией вспоминает эту обиду и В.Быков: «Некоторые льготы и жалкие рубли, полагавшиеся орденосцам, по окончании войны были отменены, как водится, по ходатайству самих орденосцев»⁹.

Те же качества, которые затрудняли фронтавикам вхождение в мирную советскую жизнь, вместе с присущим им чувством солидарности, сплоченности, фронтового братства делали их опасными для системы. И система, при всем пренебрежении к «отработанному материалу», остро чувствовала эту опасность. Фронтавиком «ставили на место» не только тем, что «все места были заняты»¹⁰, но и демонстративным принижением их реальных заслуг, и новым раскручиванием маховика репрессий, на сей раз направленного в первую очередь на них. «Не случайно, - отмечала Юлия Друнина, - Сталин побаивался свободолюбивых фронтовиков - начиная с маршала Жукова и кончая рядовыми солдатами и офицерами, которых он хладнокровно и последовательно расстреливал и гноил в ГУЛАГАХ»¹¹.

Этот процесс очень четко запечатлелся в памяти ветеранов. К 1948 г. в основном была закончена послевоенная демобилизация, включая и младшие возрасты. В гражданское общество выплеснулась беспокойная «фронтальная вольница». И именно тогда режим начал поспешно «закручивать гайки». «В конце 48-го и в 49-м ... стали сажать бывших военнопленных, прошедших причем проверки в 45-м, и отправлять в лагерь, - писал В.Кондратьев. - К тому же в те годы прокатилась волна арестов в высших учебных заведениях, причем, бывших фронтовиков»¹². За что? А «по малейшему подозрению в инакомыслии, за пресловутую «антисоветскую агитацию и пропаганду», - говорит В.Быков. - За трезвое слово о западном (буржуазном!) образе жизни, на который мы успели взглянуть в последние месяцы войны и удивиться, обнаружив, что жили там далеко не так, как нам твердили много лет до войны. Жили достойнее нас, богаче и свободнее»¹³.

Этот побочный эффект освобождения Европы - невольная осведомленность в том, что система тщательно скрывала от народа, ставила фронтавиков в особенно уязвимое положение. Неадаптированные к мирной жизни, прошедшие сквозь кровь и смерть, и потому наивно-бесстрашные в своем стремлении говорить то, что думают, не опасаясь последствий, они становились особенно опасными для режима, приобретая такое «крамольное» знание. Система не могла не пойти в решительное на них наступление, выкорчевывая малейшие очаги сомнений и нигилизма. «Едва закончилась война, - вспоминал Герой Советского Союза маршал В.Куликов, - а газеты уже запестрели статьями о низкопоклонстве перед Западом. Адресовались они в первую очередь нам - фронтавикам, прошагавшим с боями по Европе. Кто еще, кроме нас, видел Запад в те годы? Вот нам и «разъясняли», как понимать увиденное. А тех, кто продолжал говорить правду, отправляли за решетку»¹⁴.

Казалось бы, именно начало мирной жизни для большинства молодых ветеранов должно было стать самым светлым и радостным временем, - ведь пришла, наконец, их «отсроченная» войной юность. Однако, по словам В.Кондратьева, «нет, не было в нашей послевоенной жизни светлого, о чем можно было бы вспоминать с ностальгической грустью»¹⁵. И, напротив, война, «несмотря ни на что, вспоминается воевавшими хорошо, потому что все страшное и тяжелое в физическом смысле как-то смылось из памяти, а осталась лишь духовная сторона, те светлые и чистые порывы, присущие войне справедливой, войне освободительной. Была в войне одна странность - на ней мы чувствовали себя более свободными, нежели в мирное время»¹⁶.

В чем же была причина этого распространенного среди фронтавиков, казалось бы, неожиданного ощущения? «Чем-то эти дни не отвечали нашим фронтовым мечтам о будущем, - размышляет В.Кардин. - Сейчас более или менее ясно - чем. Мы не ждали молочных рек и кисельных берегов. Своими глазами видели спаленные села, руины городов. Но у нас все же появились свои, пусть и расплывчатые, представления о справедливости, о собственном назначении, о человеческом достоинстве. Они удручающе не совпадали с тем, что нас ждало едва не на каждом шагу»¹⁷. У них было много сил, много надежд - и огромная потребность чувствовать себя необходимыми. «И когда этого не случилось, началась ностальгия по военным временам. Чем труднее, нелепее складывалась жизнь, тем отраднее вспоминались эти страшные времена»¹⁸.

Наверное, именно тогда окончательно завершилось формирование фронтового поколения не только как социально-демографического явления, но и как духовного феномена. Во время войны у фронтовиков не было еще полного осознания самих себя как особой общности, оно могло проявиться только в мирной жизни, - и тем сильнее, чем больше общество, а точнее - система, отторгала их от себя. «Не сразу мы, вернувшиеся с фронта, ощутили себя поколением, почувствовали связь между собой, необходимость в ней, - вспоминает В.Кардин. - Миновали первые послевоенные годы, и мы начали искать друг друга, наводить справки, списываться, искать встречи. Вероятно, что-то в мирных днях заставляло нас держаться «до кучи»¹⁹. По-разному складывалась послевоенная жизнь фронтовиков - у кого-то вполне благополучно, у кого-то неудачно, может быть, даже трагически. Но при всем многообразии и несходстве судеб, это чувство фронтового братства, ощущение себя «особым поколением» с годами только усиливалось.

Были разные времена. По-разному власти предрежащие относились к фронтовикам. Поколение видело и испытало на себе все - от сталинского террора до хрущевского открытого пренебрежения в самые «либеральные» годы, от парадного чествования по праздникам и юбилеям в период «героя Малой земли» Л.И.Брежнева до крушения великой державы, за которую оно сражалось и отдавало жизни. Однако общим во все периоды было сначала смутное, а затем все более отчетливое осознание, что Великая Победа, присвоенная, украденная системой, так и не дала ни стране-победительнице, ни самим фронтовикам того, что они заслуживали. «И ветеранам, и всему народу больно и обидно, - говорил В.Кондратьев, - что добытая такой большой кровью Победа не принесла стране того, о чем мечтали мы на фронте, что побежденные живут во сто крат лучше нас, но ведь это беда, а не вина тех, кто воевал. Мы все-таки отстаивали свою государственность, хороша она была или плоха, а значит - воевали и победили не зря»²⁰.

Эти последние слова были сказаны Вячеславом Кондратьевым в июне 1991 г. - за несколько месяцев до распада СССР. А в конце сентября 1993 г. этот писатель-фронтвик, один из самых талантливых и честных, еще недавно приветствовавший перемены в обществе и немало сделавший для критического переосмысления пройденного страной пути, в том числе и Великой войны, добровольно ушел из жизни. На год раньше оборвала свою жизнь поэтесса Юлия Друнина. Эти люди были тем голосом, которым говорило о себе фронтовое поколение. Их взгляды и творчество были символическим выражением ценностей и идеалов, которыми жили фронтовики. Они являлись воплощенной совестью этого поколения, а возможно, и совестью всей нации. И добровольный их уход тоже символичен. Он стал выражением последнего испытания, последней трагедии, которая пришлось на жизнь ветеранов Великой Отечественной. Видимо, в последние постперестроечные годы рухнула не только система, к которой эти два человека относились по-разному, но оба - без пьетета. Рухнуло и то, что составляло смысл жизни этого поколения. «Воевали и победили не зря», - говорил В.Кондратьев в 1991-ом. Может быть, в 1993-м он думал уже иначе? Что должен был чувствовать он и его сверстники, когда в бывших союзных республиках и странах Восточной Европы отменяли Праздник Победы и оскверняли солдатские кладбища, сносили памятники освободителям, называя их «оккупантами»? Когда воинствующие нигилисты и «ниспровергатели» идеалов зашли так далеко, что уравнивали подвиг русского солдата с преступлениями сталинского режима? И подобный взгляд безответственных политиков и публицистов захлестнул средства массовой информации...

*«Мы не от старости умрем -
От старых ран умрем»²¹, -*

пророчески о себе и своем поколении написал Семен Гудзенко. Вражеские пули настигали ветеранов и после войны. Но не только они. Многих, спустя почти полвека, настигли слова и дела соотечественников. Они умирают от «новых ран», которые оказались страшнее ран военных.

Нет, ветераны Великой Отечественной не заслужили того, как с ними обошлось общество. Они оказались «потерянным поколением» в послевоенные годы и воистину трагическим поколением в конце своего жизненного пути. Самое героическое во всей Отечественной истории, самое «выбитое» на фронте, - оно оказалось самым ненужным и опасным для системы после окончания войны, самым ненужным и третируемым ниспровергателями этой системы сегодня.

В адрес фронтовиков слишком часто раздаются обвинения в приверженности к коммунизму и «сталинщине». Да, есть среди них и такие. Но не они определяют лицо поколения, его духовный облик и смысл жизни. Хотя и этих людей не следует осуждать за то, что на старости лет они не могут с легкостью «перевертышей» отбросить взгляды, сформированные всей жизнью в рамках существовавшей системы. Тем более кощунственно обвинять все поколение, спасшее свою Родину и все человечество от фашистской чумы, поднявшее страну из руин и сделавшее в конечном счете возможным утверждение тех демократических ценностей, с позиций которых его теперь подвергают «шквальной» критике. Даже «сталинизм» некоторой части фронтовиков - чаще всего лишь внешняя форма, за которой скрывается ностальгия по непреходящим национальным ценностям и былому величию единого государства, которое навсегда останется для них Родиной.

Мы все в долгу перед этим поколением, которое, увы, имеет серьезные основания считать, что его предали собственные дети и внуки. Но и дети, и внуки должны отдавать себе отчет в том, что без этого фронтового прошлого у России нет будущего. И в наши трудные, драматические времена основой для нравственного - и государственного - возрождения России должен стать моральный пример фронтового поколения в моменты его высшего духовного взлета.

* * *

Эта книга начиналась стихами поэта-фронтовика Семена Гудзенко «Мое поколение». И, наверное, будет правильно закончить ее тоже стихами. Их автор Виктор Кочетков прошел всю войну и в конце жизни подводит итог своей солдатской судьбе и судьбе своих ровесников:

*«Всяко жил - и горестно, и весело
Ветеран пехотного полка.
Жизнь не очень густо повесила
Орден на лацкан пиджака.
Но когда немалый путь итожится,
Я твержу, как заповедь, слова:
«Русь жива!
Все прочее приложится.
Главное, солдаты, Русь жива!»²²*

Примечания

¹ Роковые решения. М., 1958. С. 72-73, 98.

² Быков В. Так что же сделали с Победой? // Комсомольская правда. 1990. 29 сентября.

³ Симонов К. Уроки истории и долг писателя: заметки литератора // Наука и жизнь. 1987. N 6. С. 46.

⁴ Бордюгов Г., Афанасьев А. Украденная Победа // Комсомольская правда. 1990. 5 мая.

⁵ Фрейлих С. Поколение // Коммунист. 1988. N 7. С. 46.

⁶ Быков В. Указ. соч.

⁷ Кондратьев В. Парадокс фронтовой ностальгии // Литературная газета. 1990. 9 мая.

⁸ Кондратьев В. Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. N 7. С. 113.

⁹ Быков В. Указ. соч.

¹⁰ Поэт-фронтовик Борис Слуцкий написал об этом горькие стихи:

*«Когда мы вернулись с войны,
я понял, что мы не нужны.
Захлебываясь от ностальгии,
от несовершенной вины,
я понял: иные, другие,
совсем не такие нужны.
Господствовала прямота,
и вскользь сообщалось людям,
что заняты ваши места
и освободить их не будем».*

См.: Кондратьев В. Красные ворота. Повесть. Роман. М., 1988. С. 411.

¹¹ Друнина Ю. «Туча над темной Россией...» // Правда. 1990. 15 сентября.

¹² Кондратьев В. Парадокс фронтовой ностальгии.

¹³ Быков В. Указ. соч.

¹⁴ Куликов В. Выше голову, фронтовик! Непраздничные мысли в предпраздничные дни // Труд. 1990. 6 мая.

¹⁵ Кондратьев В. Парадокс фронтовой ностальгии.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кардин В. Лучшие годы нашей жизни, или почему я равнодушен к антиутопиям // Огонек. 1990. N 19 (май). С. 17.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Кондратьев В., Кожемяко В. Какая же она, правда о войне? // Правда. 1991. 20 июня.

²¹ Этот день Победы. Сборник. М., 1985. С. 95.

²² Там же. С. 135.

АРХИВЫ: СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЦАМО - Центральный Архив Министерства обороны Российской Федерации.

ЦХДМО - Центр хранения документации молодежных организаций (бывший Центральный Архив ВЛКСМ - ЦА ВЛКСМ).

ЦМ ВС - Центральный Музей Вооруженных Сил.

БГМИ ВОВ - Белорусский Государственный Музей Истории Великой Отечественной войны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ N 1. ФРОНТОВОЙ ФОЛЬКЛОР

I. Песни из фронтового блокнота и писем с фронта младшего лейтенанта-танкиста С.Л.Сенявского. 1944 г. Карельский фронт. // Из личного архива.

1. Из письма к отцу от 12.08.44 г.

*«На позицию девушка провожала бойца,
Темной ночью простились на ступеньках крыльца.
Не успел за туманами скрыться старый дружок,
На кровати у девушки уж другой паренек.
В повседневных погончиках, с папироской в зубах,
И с улыбкою нежною на счастливых устах.
Не прошло и полмесяца, парень пишет письмо:
«Оторвало мне ноженьку, искромсало лицо.
Если любишь по-прежнему и горит огонек, -
Приезжай, заведи меня, мой желанный дружок».
Отвечает желанная: «Не печалься, друг мой,
Ты теперь уж без ноженьки, у меня есть другой.
На костыликах с палочкой ковыляй как-нибудь,
Может, вырастет ноженька. Про меня ты забудь.
Все, что было хорошего, то забыто давно.
Безвозвратно угас огонь и закрыто окно»¹.*

Да, сейчас я пишу тебе письмо, а рядом играют на баяне новую песенку «Огонек» и мне вспомнилось, как пел ее мой друг, тяжело раненый на моих глазах, перед моим отъездом. Сестричка заплакала, а я ушел, не дослушав, - она меня так расстроила - ведь она же так правдива: есть еще такие девчонки. Но пел он не так, как поют все, а так, как я пишу тебе...

¹ Этот вариант «Огонька» упоминается в книге В.Ю.Крупянской и С.И.Минц «Материалы по истории песни Великой Отечественной войны». М., 1953. С. 122. О широком его бытовании свидетельствует также Л.Н.Пушкарев (Пушкарев Л.Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. Рукопись книги.), который во время войны записал его шесть раз от разных бойцов и в разное время, а впервые услышал его от бойца Д.Т.Швыдкова, 1921 г. рожд., уроженца Витебской обл., в запасном полку: «...Слушая как-то песню «Огонек», он сказал: «Все это хорошо, но в жизни этого не бывает, в жизни-то вот что...» И он запел:

*Не успел за туманами скрыться наш паренек,
Как у нашей у девушки появился дружок.
С золотыми погонами, с папироской в зубах
И с победной улыбкою на красивых губах.
Не прошло и полмесяца - парень шлет письмецо:
«Оторвало мне ноженьку, раздробило лицо.
Если любишь по-прежнему и горит огонек -
Заведи меня, ласточка, мой любимый дружок!»
И ответила девушка, что любви больше нет:
«Я с другим повстречалась, вот и весь мой ответ.
Костыляй потихонечку, про меня позабудь,
Залечи свою ноженьку, проживешь как-нибудь!»
Усмехнулась парнишечка, прочитав письмецо:
«И нога не болит моя, и красиво лицо.
И по-прежнему выгляжу, и служу, как всегда,
Но к тебе я, к изменнице, не вернусь никогда!»*

Далее Л.Н.Пушкарев пишет о том, что в других вариантах сюжет песни несколько менялся: изменившая возлюбленному девушка встречала его в родном городе, когда он

*«...Шел походкою гордою на обеих ногах,
И лицо не разбитое, и вся грудь в орденах.»*

В нескольких вариантах говорилось даже, что паренек получил Звезду Героя Советского Союза, и тут уж посрамление изменницы было полным! «И вот что показательно, - отмечает фольклорист. - Бытование подобного рода вариантов никак не повлияло на популярность песни «Огонек» и тех продолжений и ответов на нее, которые воспевали верность, постоянство и взаимную любовь», а сама песня «продолжала оставаться одной из самых популярных среди молодежи в послевоенные годы».

В продолжение темы приведем для сравнения куплет из фронтового варианта песни «Темная ночь» (из записной книжки С.Л.Сенявского):

*«Ты меня ждешь,
А сама с интендантом живешь
И у детской кровати тайком
Стрептоцит принимаешь...»*

Здесь тема женской неверности получает дальнейшее развитие: на смену подруге, невесте приходит жена. Но осуждению и презрению подвергается не только сама женщина, изменившая мужу-фронтовику, но и интендант, «тыловая крыса», покупающий любовь у голодных за банку американской колбасы.

2. Из письма к отцу от 17.08.44 г.

*«В беленькой скромной косынке
Часто мне снилась во сне.
В нашей палате, в белом халате
Ты наклонялась ко мне.
В мороз и в зной*

*Вижу я образ родной
Милой девчонки
В серой шапчонке -
Нашей сестры фронтовой.
Девушку в белой косынке
Видел я часто в бою.
Шла она рядом с нашим отрядом
И напевала в строю:
«В мороз и в зной
Всюду пойду за тобой.
Ты ведь достоин,
Милый мой воин,
Ласки сестры фронтовой».
Белой и скромной косынки
Нам не забыть никогда.
Снегом укрыта, спит под ракетой,
Светит над нею звезда.
В мороз и в зной
Всюду я помню о той
Девушке милой,
Что заслонила
Друга от пули собой»².*

² Песня исполняется на мотив «Синего платочка». О существовании похожего варианта упоминает и Л.Н.Пушкарев: «Одну песню о медсестре я списал из песенника медсестры Н.С.Зарубиной, 1919 г. рожд., уроженки Пензенской обл.:

*С крестиком белый платочек
Виден в дали снеговой.
Парень красивый, парень кудрявый
Ранен лежит под сосной.
Срочно нужна перевязка,
Кровь молодая бежит.
Девушка в белом платочке
К парню на помощь спешит.
Накрепко перевязала
И до санбата снесла.
Парню лихому, парню-герою
Жизнь молодую спасла.
Кончилась зимняя стужа,
И под зеленой сосной
С девушкой этой в белом платочке
Встретился парень-герой.
«Здравствуй, родная сестрица!
Видишь - остался живой.
Кончатся беды - после победы
Встретимся снова с тобой!»*

«В живом бытовании, - отмечает Л.Н.Пушкарев, - я эту песню не встречал, может быть, потому, что вскоре выписался из госпиталя и возвратился в свою часть».

3. Из письма к брату от 15.10.44 г.

«...Вилик, я тебе напишу наши песни, то есть песни танкистов-фронтовиков. Ты их пой и вспоминай своего старшего брата. Пой, дорогой, они хорошие и много говорят о нашей жизни и, в частности, моей. Пройдут годы, и ты будешь вспоминать их и вспоминать, что у тебя был брат в этих суровых, но великих боях. А если будет когда-нибудь время, то я сам напишу о наших боях стихи, но пока его нет, да и не до сочинений сейчас. вот одна из наших песен, помни ее, выучи, если хочешь, и пой ее. Ты можешь ее петь, так как это песня тех, в чьих рядах сражается твой брат. А если судьба будет жестокой, то они часто тебе будут напоминать обо мне.

*Встает заря за небосклоном,
За ней встает наш батальон.
Механик чем-то недоволен,
В ремонт машины погружен.
Башнер-стрелок таскал снаряды,
В укладку бережно их клал,
А командир смотрел приборы,
«Быстрей», - механику сказал.
Нам дан приказ, ракета взвилась,
В атаку мы должны пойти.
«Нажми, механик, на стартеры,
Приказ мы выполнить должны».
Нам дан приказ, ракета взвилась,
Дана команда: «Выводи!»
Моторы ревом отрезвили,*

Машины в поле понесли.
 Вдали гремела канонада,
 Наш батальон громил врага,
 Бежали фрицы с поля боя,
 Усеяв трупами луга.
 Куда, куда, танкист, стремишься,
 Куда, механик, держишь путь?
 Или с термиткой повстречаться,
 Или на минах «отдохнуть»...
 Но он термитки не боится,
 Ему и мина не страшна,
 Его болванка «поцелует»
 И спать уложит навсегда.
 Наш экипаж в бою бесстрашен,
 Громит он немцев, не щадя,
 С своим героем-командиром
 Он вывел танк из-под огня.
 Прощай, коробка броневая,
 Ты смертью для меня была,
 Меня болванкой навернуло,
 И ты осталася одна.
 Вдали снаряды загудели,
 Народ бежит густой толпой,
 А молодого офицера
 Несут с разбитой головой.
 Прощай, коробка броневая,
 И ты, братишка дорогой,
 Тебя я больше не увижу,
 Лежу с разбитой головой³.

А это вторая:

Над родиной коршуном взвился фашист,
 Разруху и смерть всюду сея,
 Но сел на машину советский танкист,
 Чтоб Гитлера свору рассеять.
 Механик-водитель, нажми рычаги,
 С отвагой пойдем на фашистов,
 Чтоб в яростной злобе бесились враги
 От наших советских танкистов.
 И ринемся в бой мы на полном ходу.
 Сказал лейтенанту водитель:
 «Сквозь огненный ливень свой танк проведу,
 Скорее вы в бой нас ведите».
 Отец дорогой мой, ты слезы не лей,
 Я жив, но не скоро приеду.
 Ты в брате воспитывай доблесть мою,
 А мне пожелай лишь победу.
 А если в жестоком, кровавом бою,
 Быть может, я выйду из строя,
 Ты в братьях воспитывай гордость мою,
 Скажи им, что пал я героем.
 Утешь, приголубь мою старую мать,
 Ей будет всех больше больнее.
 Скажи ей, что славно в бою умирать
 Танкисты без страха умеют.
 Напрасно старушка ждет сына домой,
 Ей скажут - она зарыдает.
 А ветер шумит над пробитой броней,
 Шумит и вдали исчезает⁴.

Вот пока две песенки на известные мотивы из фильма «Большая жизнь» и матросской песни «Раскинулось море широко».

Ну, пиши, милый, а то ты меня совсем забыл. Целую тебя крепко, крепко. Твой горячо тебя любящий брат Спартак».

³ Песня исполняется на мотив шахтерской песни «Коногон». Наиболее известным является ее вариант из повести В.Курочкина «На войне как на войне». Несколько других вариантов опубликовано в книге «Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны». М., 1985. С. 74-76. Вариант, приведенный здесь, интересен прежде всего тем, что в нем самом заложено сразу несколько вариантов песни. Особенно это заметно на примере 3 и 4, 7 и 9, 9 и 11 строф, в которых имеются смысловые повторы.

⁴ Песня исполняется на мотив песни «Раскинулось море широко». В сокращенной редакции, с некоторыми отличиями, опубликована в указ. соч. В.Ю.Крупянской и С.И.Минц под названием «Песня танкиста» (С. 99). В нашем варианте обращает на себя внимание следующее: автор письма внес исправления в песенный текст, заменив традиционные строки «Жена дорогая, ты слезы не лей» и

«Ты в детях воспитывай доблесть мою» на новые, «приспособив» тем самым песню к своему семейному положению. Человек молодой и неженатый, он обращается к отцу, упоминает о существовании братьев. Можно предположить, что личные поправки такого рода были во фронтовом фольклоре довольно распространенным явлением.

4. Из фронтового блокнота.

Моя любимая

*С обидой письма пишешь мне,
Что я забыл тебя,
Но ты пойми - я на войне,
Моя любимая.
Как много - и не перечешь -
Ждут писем от меня.
И в Омске есть, и в Туле есть
Моя любимая.
И ждет меня уже давно
Законная семья.
Тебя забыть мне суждено,
Моя любимая.
Еще ты пишешь, есть уж дочь,
Похожа на меня.
Так что ж, расти, и я не прочь,
Моя любимая.
А где отец малютки той,
Кто спросит у тебя,
Скажи: «Погиб на фронте он»,
Моя любимая.*

II. Песни из фронтового блокнота ветерана войны М.В.Штапкиной. 12.11.44 г. Госпиталь 5168. Карельский фронт.

1. * * *

*Гремят в бою раскаты огневые,
Гудит земля, разбужена войной.
Идут на фронт подруги боевые,
А позади остался дом родной.
Припев:
Родная Армия послала за тобой
И назвала военною сестрой.
Спешите, девушки:
На грозном поле боя
Красноармеец ранен боевой.
Он шел вперед, за Родину сражался,
Он бил врага гранатой и штыком,
К чужим траншеям с боем пробирался,
Лицом к лицу встречался он с врагом.
Припев.
Над ним летят встревоженные птицы,
Он слышит гул знакомых батарей.*

*Ты подползи и дай ему напиток,
Ты защити и словом обогрей.*

Припев.⁵

⁵ В сборнике «Фронтовой фольклор». М., 1944. (Сост. В.Ю.Крупянская) приводится несколько песен о фронтовой медсестре, причем, в одном из вариантов, не имеющим ничего общего с приведенным здесь (иная ритмика, иной мотив - строевой, маршевый), есть такой припев (см. С. 62-63, 117):

*Спешите, девушки, на поле боя,
Там ждет вас раненый боец,
Спешите, девушки, на поле боевое,
Чтоб не погиб защитник и боец.*

Таким образом, наблюдается заимствование отдельных строк или строк близкими по тематике песнями друг у друга, а порой и соединение разных вариантов в один песенный текст.

2. Твой портрет

*В минуту затишья твой снимок
Приятно смотреть на войне.
Тоска твоих глаз сероватых
Особенно нравится мне.
Чуть тронуты губы улыбкой,
Но грусть за улыбкой видна.
И я угадал без ошибки -*

*Ты нежно и просто верна.
И мне здесь под небом тревожным,
Хоть ты далеко-далеко,
Тебя не любить невозможно
И жить без тебя нелегко.
Что раньше казалось неясным,
Ты в горькой разлуке поймешь.
И помни, что ты не напрасно
Мое возвращение ждешь.*

3. Фотография

*Милая, хорошая, родная,
Как давно расстались мы с тобой.
О тебе я часто вспоминаю
В тихий час, когда закончен бой.
Из кармана выну твоё фото,
Погляжу, посмотрят и друзья.
И на сердце легче отчего-то,
Будто побывал с тобою я.
Не могу никак я наглядеться
На твои на милые черты.
Я храню её всегда у сердца, -
Кажется, со мною рядом ты⁶.*

⁶ Просмотрев большое число дневников, блокнотов, записных книжек ветеранов войны, мы сделали наблюдение, что записи лирических песен о любви и женской верности преобладают у женщин-фронтовичек, в то время, как у мужчин довольно часто встречаются «песни-перевертыши». На вопрос, помнит ли она такого рода песни, М.В.Штапкина ответила, что помнит, их было очень много, но пели их в основном мужчины, а они, девушки, не пели, так как песни эти очень обидные и сочинялись про них. Вместе с тем, именно альтернативные варианты песен представляют наибольший интерес в психологическом плане.

III. Из сборника «Фронтной фольклор». М., 1944.

1. Бескозырка

*Я видел его под Одессой родной,
Когда в бой пошла наша рота:
Он шел впереди с автоматом в руках,
Моряк Черноморского Флота.
Он шел впереди и пример всем давал,
Моряк, уроженец с Ордынки, -
А ветер ревел за широкой спиной
И в лентах его бескозырки.
Я видел его в деревушке одной,
В обмазанной беленькой хате,
Лежал он на белом больничном столе
В кровавом и рваном халате.
Семнадцать ранений хирург насчитал,
Две пули застряли глубоко,
А храбрый моряк все в бреду напевал:
«Раскинулось море широко».
В сознание пришел и сказал он врачу:
«Быть может, зайдешь на Ордынку?
Жене передай мой прощальный привет,
А сыну мою бескозырку»⁷.*

⁷ Запись 28.03.44 г. Исполняется на мотив «Кочегара». Известна также под названием «Москвич». Была особенно популярна у моряков и морских пехотинцев. // Фронтной фольклор. М., 1944. С. 65-66.

2. * * *

*Вечерами темными и ночами лунными
Под тенистой липой в роще над рекой,
С девушкой любимой, с песней душевную
Шел с гитарой звонкою парень молодой.
Кто не знает прелести тех ночей волнующих,
Разговоров пламенных с милой-дорогой...
Быстро скрылось времечко, улетело птицею,
И уехал в армию парень молодой.
На границе западной и в разлуке с милою
Он ночами темными борется с тоской,
Часто пишет письма ей, но ответа нет на них...
И не жди ответа ты, парень молодой.*

За три года в армии вся любовь забудется,
 Ты в шинельке серенькой стал совсем другой,
 И любимой девушке больше ты не нравишься,
 Ей другой понравился парень молодой.
 Многие из девушек никогда не думали,
 Что за нашу родину будет жаркий бой,
 И за нашу родину, за любовь счастливую
 Кровь прольет горячую парень молодой.
 Вот пришло сражение ночью светлой, лунною,
 Золотистой осенью в роце над рекой,
 И за нашу родину, за любовь счастливую
 Ранен был под Харьковом парень молодой.
 А наутро в зарослях паренька заметила
 Санитарка шустрая, унесла с собой.
 За борьбу умелую, за любовь счастливую
 Стал героем родины парень молодой.
 Стук экспресса-поезда по степи разносится,
 С санитаркой Запада в край спешит родной;
 А его любимая плачет ночью лунною, -
 Не вернется больше к ней парень молодой.
 Вечерами темными и ночами лунными
 Под тенистой липою в роце над рекой
 С девушкой любимой, с санитаркой Запада
 Шел с гитарой звонкою парень молодой⁸.

⁸ Исполняется на мотив песни из кинофильма «Большая жизнь». Первые пять куплетов были известны уже в начале войны. Полный вариант записан весной 1942 г. Одна из популярнейших песен фронтовой молодежи (Указ. соч. С. 66-67, 118). Вариант этой песни под названием «Немецкие куколки» был обнаружен нами в Белорусском Государственном Музее Истории Великой Отечественной войны (КП 37741). Здесь тема измены доведена до логического конца:

«Молодые девушки немцам улыбаются,
 Позабыли девушки о своих парнях...»

Приведем для сравнения три заключительные строфы:

Лейтенантам-летчикам девушки любимые
 Со слезами верности о любви клялись,
 Но в пору тяжелую соколов забыли вы
 И за корку хлеба немцам продались.
 Но вернутся соколы, прилетят желанные,
 С чем тогда вы, девушки, выйдете встречать?
 Торговали чувствами, торговали ласками,
 Невозможно, девушки, это оправдать.
 Под немецких куколок вы прически сделали,
 Ногти перекрасили, крутитесь юлой.
 Но не нужно соколам ни ногтей, ни локонов,
 И пройдет с презрением парень молодой.

Видимо, этот вариант был наиболее распространен на оккупированной территории и среди партизан. Близкий к нему текст песни приведен в повести Б.Горбатова «Непокоренные».

IV. Песня из записной книжки сержанта Д.Власенко. 1945 г. I-й Украинский фронт. // ЦМ ВС. 4/3072/1,2.

Разгоняет коптилочка тьму,
 Освещает мне путь для пера.
 Мы с тобою близки по письму,
 Мы с тобою, как брат и сестра.
 О тебе я на фронте грущу
 И тебя после дней боевых
 Я в глубоком тылу разыщу,
 Если только останусь в живых.
 Ну, а если случится беда,
 Если жизни сосчитаны дни,
 Вспоминай обо мне иногда,
 Добрым словом меня вспомяни.
 Ну, пока до свиданья. Пора
 Мне на немца в атаку идти.
 Я хочу даже в крике «Ура!»
 Твое имя вперед пронести⁹.

⁹ Песня исполняется на мотив «Землянки».

I. Из дневников летчицы Г.И.Докутович, штурмана самолета У-2 46 Гвардейского Таманского женского авиаполка ночных бомбардировщиков. Участница боев на Северном Кавказе. Совершила 120 боевых вылетов. Погибла 1 августа 1943 г. // БГМИ ВОВ. Инв. 36792.

30 января 1943 г.

Сегодня я услышала новую легенду о нашем полку. Немцы узнали о существовании полка. И зовут они нас «бессмертные иуды». Немцы говорят, что в наш полк набрали «уличных сорви-голова», уличных женщин. Что нам делают специальные уколы, от которых мы наполовину женщины, наполовину мужчины, днем спим, ночью летаем бомбить. И при этом мы неуловимы (поэтому «бессмертные»). А «иуды» потому, что у нас все еврейки. Это интересно! Интересно потому, что немцы ценят нас как противника. Говорят, что один самолет У-2 попал к немцам. И они все, главным образом офицеры, бросились бегом к самолету, надеясь увидеть своими глазами летчиц. Но там были ребята. И все-таки их заставили раздеть до конца... Между прочим, это правда, что в рассказах о нашем полку переплетается сказочное с былью...

10 февраля 1943 г.

...Вчера ночью наш полк получил известие о награждении гвардейским званием. Все-таки дождалась! Первый и единственный женский полк, да к тому же еще гвардейский! Братикам утерли нос...

11 марта 1943 г.

Санаторий Ессентуки.

Понемногу привыкаю к санаторной обстановке. Уже не очень скучаю. Боюсь, что привыкну к отдыху!

А кругом что делается! Женщины совсем сходят с ума, на шею вешаются. Чуть утро - уже ходят под окнами. А вечером теряют всякий стыд, просто приходят к санаторию и приглашают мужчин в кино, в театр. Целой толпой ожидают у входа. Ребята, конечно, не теряются. И вот здесь-то я вижу, какая разница в отношении к нам и к «этим» женщинам. Наш полк все ребята глубоко уважают. И не только как боевых товарищей, но именно как девушек, которые не торгуют своей честью и совестью, не продают свои чувства, преданность. Некоторые ребята с улыбкой говорят - «После войны мы приедем в ваш полк жениться». К «этим» женщинам они ходят. Но потом сами же говорят друг другу: «Ты к «трофейным» ходил? Ходил. Так не смей же прикасаться к нашим девушкам...»

27 мая 1943 г.

Год на фронте.

Помню 10 октября 1941 г. Москва. В этот день в ЦК ВЛКСМ было особенно шумно и многолюдно. И, главное, здесь были почти одни девушки. Пришли они со всех концов столицы - из институтов, с учреждений, с заводов. Девушки были разные - задорные, шумные, и спокойные, сдержанные; коротко стриженные и с длинными толстыми косами; механики, парашютистки, пилоты и просто комсомолки, никогда не знавшие авиации. Они по очереди заходили в комнату, где за столом сидел человек в защитной гимнастерке. «Твердо решили идти на фронт?» «Да!» «А вас не смущает, что трудно будет?» «Нет!» Человек этот внимательно смотрел на каждую, нет ли тени сомнения или неискренности.

Сегодня нам вручают гвардейское знамя. Честной, самоотверженной работой на благо Родины мы добились этой высокой награды. И именно тем, что нелегко далась нам эта награда, мы гордимся сегодня по праву. А нам было трудней, чем другим. Сначала мы завоевали право быть самостоятельной воинской единицей. Потом завоевывали право воевать. За нами ревниво наблюдали. Но мы добились права быть равными в бою. А когда стали равными, тогда доказали, что можем быть в передовых рядах воинов.

31 мая 1943 г.

Как все-таки противно все кругом. Даже большие умные командиры - подлецы и развратники! Просто страшно и нелепо, как может в одном человеке уживаться все вместе... Нельзя презирать такого человека, потому что это хороший человек, сильный человек. (А сильных вообще нельзя презирать). Правдивый человек, с большой русской душой. И в то же время другое, нехорошее. Как быть?

II. Из материалов Политотдела 19 Армии 2-го Белорусского фронта и отделения Военной Цензуры N 138 НКГБ СССР за февраль-март 1945 г. // ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 58, 77-94, 120-121; Д. 68. Л. 8-9.

N 1.

Политический отдел 19-й армии 19 февраля 1945 г.

N 00128

Сов.секретно

Начальнику военной цензуры по 19-й армии.

Представьте к 25 февраля 1945 г. в политический отдел армии копии нескольких положительных и отрицательных писем девушек из Действующей Армии своим подругам, родителям, любимым, и девушек из нашего героического тыла - подругам, любимым на фронт для улучшения партийно-политической работы среди женщин армии.

Начальник политотдела 19 армии
полковник Поморцев

N 2.

НКГБ СССР
Отделение
военной цензуры N 138
N 200/694

3 марта 1945 г.
Сов.секретно

Начальнику политотдела 19 армии
полковнику тов. Поморцеву.

На основании Вашего отношения N 00128 от 19.02.45 года и личной с Вами договоренности, направляем Вам копии писем девушек и женщин, исходящих как из действующей Красной Армии в тыл страны, так и из тыла в действующую Красную Армию.

(Материал задержан из-за передислокации, фельдсвязь уехала и прекратила работу).

Приложение: 19 копий с писем¹.

Начальник отделения ВЦ НКГБ 138
майор госбезопасности Аграфенин

¹ Из 19 писем военная цензура определила 9 положительного характера из тыла на фронт, 6 положительного и 4 отрицательного характера из Действующей Армии в тыл. В подборку включены наиболее интересные письма женщин-военнослужащих с пометками цензуры (текст писем, подчеркнутый синим карандашом, выделен подчеркиванием, красный карандаш - курсивом). На примере писем Г.А.Ярцевой и Е.Охрименко можно проследить, как различается изложение одних и тех же событий одним и тем же лицом в зависимости от адресата, которому письмо предназначено.

№ 3.

Из писем Е.Охрименко к родным

1) Отправитель: Охрименко Е. ПП 52531.

Получатель: Охрименко И.А. ПП 56365.

11.2.45 г.

«Добрый день, дорогой брат Ванюша!

С горячим приветом сестра Катерина.

...Живу, конечно, хорошо. С ребятами живем очень дружно, в обиду никогда, нигде не дадут. Ты должен знать, как ценят достойных девушек. Ведь нами наш батальон восхищается и гордится, все ребята говорят, что эти девушки исключительные, еще не встречали в армии за 5-7 лет некоторые таких девушек, как наш экипаж четырех радисток. Дружить мы ни с кем не дружим, но любим всех, особенно свой батальон связи. Мы каждую свободную минутку, и даже урываем ото сна и отдыха, и используем на ребят - постирать, полатать, сварить, сготовить, и они нас никогда не дадут в обиду и не позволят ни один хоть чуть посмеяться, поднять на смех. Но ладно, если только придется встретиться, тогда удостоверись, а то еще скажешь, хвастаешься, мол. Но пока и все, живем хорошо, трофеи ребята приносят, достают.

...С тем и бывай здоров.

...Твоя сестра - Катерина.

Привет твоим друзьям и товарищам».

2) Отправитель: Охрименко Е. ПП 52531.

Получатель: Охрименко А.Ф. Башкирия, г.Уфа, ст.Дема,

Ново-Александровка.

22.2.45 г.

«Добрый день, милая мамуся, сестрички, братишки!

Шлю я Вам свой горячий привет и желаю самого хорошего в Вашей жизни и здоровье. Милая мамочка, сообщаю, что я еще жива и здорова, живу хорошо, нахожусь в боевых условиях... Мамочка, не беспокойся за меня, для меня сейчас все хороши мальчишки, потому что и я для них хороша. Я каждую минуточку вырываю для того, чтоб им помочь, постирать, полатать, а главное, что держу себя очень скромно, а потому меня зовут все ребята любимчиком.

Правда, мамуся, есть много ребят хороших и каждый уговаривает дружить, но нет, мамуся, держусь и дружу только, как с товарищами и люблю, как братьев, а они меня, как сестру. А в армии, если дружить, то через неделю и замуж выйдешь. Маня дружит, так он еще ни черта не понимает, мальчуган. Правда, мамочка, есть у меня на примете хорошенький паренек, и любит он меня, и я его люблю, но тайно. Я только смеюсь ему в глаза, чтобы не приставал ко мне со своей дружбой, а за глаза сама люблю его. У него, мамочка, своя легковая машина и уже чемоданы набиты трофеями, одеждой и обувью, и все для меня. Так что, полюбим мы всуерьез друг друга, когда кончим врага. Так что замуж в армии я не собираюсь. А с мужем замечательным приеду домой. С тем, мамочка, до свидания. Гроза гремит и гудит с воздуха, с земли, кругом война.

Бывайте здоровы. Пишите, жду. Целую горячо».

Верно: ст. оперуполномоченный ОВЦ НКГБ 138
капитан госбезопасности Овчинников.

№ 4.

Письмо Анненковой М.П. к подруге

Отправитель: Анненкова М.П. ПП 38737.

Получатель: Фирсова В.В. г.Куйбышев (обл.),

ул. М.Горького, 71, кв. 7.

19.2.45 г.

«Верочка, дорогая, здравствуй!

Получила твое письмо, которому была очень рада. Верочка, неужели Сашка поступил с тобой так же, как и многие? Вот, Вера, узнай их «любовь», они тебя ласкают извне, а что питают в душе, трудно узнать, нет в них искренних чувств, а просто одно временное увлечение или любовь с животными чувствами. Ох, как трудно здесь найти действительно верного человека, действительно, это все делается необдуманно с нашей стороны, только после мы начинаем каяться (это я о себе лично говорю). Я не хочу сказать, что Ф.Ф. бесчеловечно ко мне относится. Я, Вера, его не пойму, вообще он человек странный очень и с ним жить очень тяжело. Или это он со мной только так ведет себя, ведь сегодня 2 года, как мы с ним дружим, и можно было бы (даже должно так быть), он ко мне больше привязан, чем к жене, а у него наоборот, вначале у

него был просто порыв любви ко мне, вот этим он меня и привлек, а теперь он стал холодным, а к жене, наоборот, не изменил отношения, а только в каждом письме обещает ей скорой встречи, письма ей пишет очень хорошие, ласковые, чего я от него и то не вижу. А с моей стороны, говоря правду, привязанность большая. Когда я была в Москве, мне казалось, что я его быстро забуду, ну а теперь не могу, хоть я и имела попытку покончить с ним, но это невозможно, так как после этого я себя только брошу в грязь лицом, ибо о наших отношениях с ним все знают. Вера! Когда я сказала о нем сестре (в Москве), она меня ругала, но я ей не сказала, какие у нас отношения, она очень мне наказывала не иметь с ним чего-либо, но хоть это так, а теперь уже поздно. Меня, Вера, почему-то тревожит этот вопрос, все чаще мне кажется, что жизнь у меня пропадающая, испорчена, и найти себе хорошего человека я не смогу, а с ним, Вера, я не смогу жить. Так я люблю человека, но пусть и он только меня любит, тогда только будут общие интересы в жизни, а у нас их нет и, возможно, не сможет быть: во-первых, его возраст уже ушел ото всего того, что нужно мне, и, во-вторых, он связь с семьей так или иначе иметь будет, это все будет на стороне от меня, я этого не перевариваю (хоть это эгоистично). Как я себя не убеждаю в этом, все равно зло берет: ты любишь его, а он пишет такие любезные письма, как обидно! Вера, из-за этого у нас почти все ссоры, мне не нравится, когда он делает это от меня на стороне.

Я считаю так, если бы он стремился со мной к будущему, перевес был бы в мою сторону, и он мог бы все письма показывать мне. Я не говорю, чтобы он прекратил писать, этого я не хочу сама, но то, что у него ко мне одно, а к жене другое, это мне уже надоело, и потому, Вера, отношения у нас очень натянутые. Война идет к концу, а я, пожалуй, останусь «на бобах» и больше ничего. Если бы нам встретиться с тобой, вот бы хорошо, я уж, Вера, приеду тогда к тебе и будем жить. Как ты думаешь, плохо, что я не имею специальности? Ехать в Коми не хочется, а если к тебе приеду, поработаю машинисткой, а там видно будет, может быть, удастся учиться, но у меня очень плохо материально, а к родителям в село я не хочу ехать, там я ничего не добьюсь в жизни. Верочка, остаться бы только не калекой. Ты, наверное, получила от меня с дороги письмо. Мы уже в Германии, вот пока еще знакомиться начинаем со своим противоположающимся «другом». Скоро, Верочка, опять в бой, а здесь ведь не в Карелии, здесь гораздо труднее, и особенно со стороны авиации. Вера, прошли все польские города (Торн, Бромберг и т.д.), побывали у поляков. Поляки - народ не совсем дружелюбный. Некоторые приветствуют хорошо, а некоторые смотрят косо на нас. Немцев ненавидят они крепко, потому что у них деревни и города все разрушены. Верочка, останусь жива, то как поеду к тебе, постараюсь привезти подарок с какой-нибудь Гретхен. Рассказывают, которые уже воевали, немцы все оставляют. Но хотя бы голову свою спасти и ноги не потерять, а то тогда и подавно ни один черт не посмотрит на урота. Правда... Верочка, здоровье мое хорошее, беспокоить, пока ничего не беспокоит, так как мы больше ссоримся, чем живем мирно. Ты поверь, я стала какая-то хулиганка, его несколько не стесняюсь, ругаюсь с ним всюю, характер чертовский стал, все меня бесит, каждая мелочь. Еще Валя пишет о генерале. Я думаю, все так делают.

Из дома давно ничего нет, так как письма ходят долго. Вообще они ничего живут, но им требуется денежная помощь, а помочь-то некому. Вера, ну, а как твои дела, как Сашка, прислал что? Хочется посмотреть Сережку. Валя пишет, что у нее дочка тоже очень хорошая. У нее очень тяжелое положение, не знаю, как она будет дальше.

Вера, пиши мне почаще, ведь фото твое я так и не получила, очень жалею.

Вот, пока и все, хватит на сей раз, Если бы все это прочитал Ф., что бы было! (Он и так говорит - зачем всем пишешь о наших отношениях, мы поссоримся и помиримся, а у тебя все знают). Наверное, твое письмо видел. Я говорю, что с Верой мы во всем делимся, а иначе мне не с кем, а одной очень тяжело. Верочка, пиши, жду. Привет от него.

Целую тебя крепко, крепко, вместе с Сережей.

Твоя Муся».

Верно: ст. уполномоченный ОВЦ НКГБ 138
капитан госбезопасности Овчинников.

№ 5.

Из письма В.Н.Моргуновой к матери

Отправитель: Моргунова В.Н. ПП 17757.

Получатель: Зайчикова О.А. г.Горький, 3 ул.

Вождей Революции, дом 1, кв. 16.

22.2.45 г.

«Милая моя мамочка! Здравствуй!

Шлем тебе с Димой привет и самое лучшее пожелание в твоей одинокой жизни, а главное, родная, будь здорова. Мамочка, ты, наверное, очень беспокоишься моим долгим молчанием. Прости, милая, меня за это, но я мысленно была везде и всюду с тобой, ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Ох! Сколько же мне пришлось пережить за это время, этого никому, никогда не понять. *Ты не расстраивайся, милая моя мамочка, но я снова в армии, и судьба не обошлась так жестоко со мной (как когда-то обошлись со мной люди). Я снова со своим любимым мужем Димой, разделяю вместе с ним все тяготы войны, он очень много пережил из-за меня и переживает сейчас, мы с ним совсем постарели, посидели, ну что же, может быть, и погибнуть придется вместе, а на сегодняшний день мы живы и здоровы и далеко-далеко, милая мамочка, от тебя в Германии, бьем поганых немцев безжалостно, как паршивых собак. Живы будем, уже скоро вернемся к тебе, наша родная старушка, ты только жди и не плачь, береги себя, ничего не жалея, поддерживай себя в питании. Прошу тебя, если что есть мое, продай, только кушай, это самое главное. Живы будем, все будет, а то ты все, наверное, жалеешь. Не в тряпках счастье, они будут, если останемся живы...»*

Верно: ст. уполномоченный ОВЦ НКГБ 138
капитан госбезопасности Овчинников.

№ 6.

Из писем Г.А.Ярцевой к брату и подруге

1) Отправитель: Ярцева Г.А. ПП 06121.

Получатель: Ярцев М.А. г.Свердловск. ВТУЗ-Городок,
9-й студ. корпус, к. N 113.

23.2.45 г.

«Мишенька! Получила твое письмо, которое ты писал в Рыбинске. Как много прошло времени с тех пор, как я была там. Теперь что же... Война... Опять бой... Опять работа, переживания и лишения. Мой мальчик! Как надоело все, как хочется жить по-человечески, хорошо. Без войны, без вечно преследующего, но скрываемого страха.

Уже два года, как я на фронте, и никак не привыкну к этой жизни. Снаряды, мины, шум «ишаков», гул самолетов - это кошмары мои. Никогда в жизни я не забуду эти два года. Эстония, Литва, Латвия, Польша, а скоро Германия. Куда привела меня моя военная жизнь.

Ты можешь меня понять, если переживал чувство унижения, оскорбления своего «я», своего достоинства. Я, боец, выполняю все приказания каких-то сержантиков, людей, которые никоим образом в мирное время не могли даже быть знакомыми со мной. А здесь я выполняю то, что мне прикажут.

Миша!.. Порой готова на все!

За мной ухаживали мужчины. Я видела их жадные, пошлые взгляды, я понимала, что здесь, среди этих людей, этой обстановки нет настоящих чувств. Я искала, я ждала 2 года... И я нашла теперь человека, который заменил мне все в жизни. Военный, фронтовой друг. Всегда и везде я чувствую его неустанную заботу, его любовь. После 18-20-часовой работы я иду к нему, я отдыхаю у него... Я забываюсь с ним... Миша, поймешь ли ты всю тяжесть моей жизни... Борьба чувства долга, чести с простыми человеческими чувствами. Я верю Владимиру, Миша, верю. Хочу, чтобы и ты верил и уважал того человека, коего я люблю. Я писала и спрашивала тебя об этом. Решила, правда, сама. Ты прав, что это должна решать все сама. Прости и не осуждай свою сестру. Слишком лoman и странен ее жизненный путь, слишком запоздала ее любовь. Я вышла замуж... Формально оформи его сейчас нет возможности.

Миша, дело не в формальности, а в глубине и искренности чувств. Будем реально смотреть на вещи. Теперь у меня есть возможность выбраться из этого пекла. Представь, этот шаг стоит моей жертвы...

Миша, славный, пиши мне, не осуждай меня. Что ждет меня дальше... Я верю в лучшее будущее, верю Владимиру. Пиши, что хорошего в Свердловске. Скоро ли я приеду домой, ты примешь меня и не отвернешься. И будешь любить моего малыша, твоего племяшку.

Целую крепко.

Твоя сестра. Привет от Вовки».

Верно: ст. уполномоченный ОВЦ НКГБ 138
капитан госбезопасности Овчинников.

2) Отправитель: Ярцева Г.А. ПП 06121.

Получатель: Рябкова Н.В. г.Нижний Тагил, Свердловская
обл., ул. 1-я Свердловская, N 79.

24.2.45 г.

«Милая Нинка! Почему-то вспомнила тебя, стало грустно, больше за себя, за свою жизнь. Вдали идет бой, шум снарядов, канонады. Все так привычно и так же ново, как и в первые дни моего пребывания в армии. Хорошая девочка, скажу тебе новость - я вышла замуж!!! Да, да, не улыбайся! Нина, как я люблю его, Нина! С его стороны встречаю еще большие чувства. Хороший человек. Разве можно о нем сказать в нескольких словах... Нужны страницы, нужны книги. Я долго думала... За два года войны натерпелась всего. Теперь думаю ехать домой. Ведь знаешь, всегда все это, все чувства, вся любовь кончается одним. И я не стыжусь, я поеду домой, у меня тоже будет или сын, или дочь.

Вспоминаю доброе довоенное время, нашу жизнь в Свердловске, детские шутки, ребячество, любовные интрижки... Бориса... Тебя и Андрэ... Жаль его, искренне жаль! Как ты живешь? Ты так редко пишешь. Как твоя бабуся... Поцелуй ее за меня, пусть в святых молитвах вспомнит и меня. Бабенька, милая Бабенька. А моя мама никогда его не увидит, а она так хотела внука. Как живет Тоня Меринова, Женя Карпова и все девушки тагильские, мои соученицы по институту. Пиши обо всем. Пиши, как жизнь у Вас в материальном отношении, как с питанием, со снабжением вообще. Меня это очень интересует, если я собираюсь домой. Хотелось бы тебя познакомить с Владимиром! Он не русский, что-то грузинское с русским, первое превалирует. Да, сообщаю что-то о Галине. Проехала Эстонию, Литву, Латвию и Польшу, теперь где-то на границе Германии. Очень и очень трудно ей, бедняжке. Нинка, как бы трудно не жилось в тылу, это все-таки не на войне, не под пулями и снарядами. Сидишь, пишешь, говоришь - одна бомба, один снаряд - и нет тебя в живых. Не хочу тебе портить настроение. Будем надеяться, что вернемся живы и здоровы. А там... Поживем себе на здоровье, дадим жару. Да, Нинка, у тебя есть дочь, у меня будет, а о мужьях не будем и тужить. Нинка, если б была возможность, можно б было выслать чудесные посылки их трофейных вещей. Есть кое-что. Это бы нашим разутым и раздетым. Какие города я видела, каких мужчин и женщин. И глядя на них, тобой овладевает такое зло, такая ненависть! Гуляют, любят, живут, а их идешь и освобождаешь. Они же смеются над русскими - «Швайн!» Да, да! Сволочи... Не люблю никого, кроме СССР, кроме тех народов, кои живут у нас. Не верю ни в какие дружбы с поляками и прочими литовцами.

Решила написать и Наде Меньникашке. Привет всем, всем. Целую твою Маринку.

Твой Крендель».

Верно: ст. уполномоченный ОВЦ НКГБ 138
капитан госбезопасности Овчинников.

N 7.

Из донесения о работе Политотдела 19-й Армии по организации воспитания комсомольцев и молодежи в ходе наступления

17 марта 1945 г.

«Политический отдел армии в начале марта сделал анализ писем девушек, посылаемых ими к себе на родину. В результате этого установлено, что в некоторых подразделениях среди девушек плохо организована политработа. Девушка Колюжная М.С. пишет подруге: «Жизнь протекает безынтересно». Вторая девушка Шахпаронова жалуется в своем письме подруге: «На фронте в пору затишья бывает скучно и нудно. Дни идут, проходят недели и месяцы, мелькают годы, а ничего еще не сделано в личной жизни на фронте и не делается».

Есть ряд девушек, которые увлекаются трофеями. Охрименко сообщает своей матери о своем женихе: «У него, мамочка, своя машина и уже целые чемоданы набиты одеждой и обувью, и все для меня». Зайчикова бахвалится: «Трофеи ребята приносят, достают. Живем хорошо».

Отдельные девушки заявляют о том, что им надоела война, не нравятся установленные в Красной Армии порядки. Ярцева Г.А. пишет брату: «Как надоело все, как хочется жить по-человечески, хорошо, без войны, без вечно преследующего, нескрываемого страха». Она же продолжает: «Я выполняю приказания каких-то сержантов, которые никоим образом в мирное время не могли бы даже быть знакомыми со мной». Петрова М.Н. жалуется: «За два года войны натерпелась всего».

Установлены факты, когда отдельные девушки говорят о том, что на фронте нет любви, не верят в ее постоянство. Анненкова М.П. пишет подруге: «У мужчин нет искренних чувств, а просто одно временное увлечение или любовь с животными чувствами». Вторая девушка жалуется своей подруге о плохой жизни с этим мужем-фронтовиком: «Сегодня мы можем быть вместе, а завтра нас разделяют большие пространства». Ярцева М.Г. говорит о себе своему брату: «Слишком ломан и странен ее жизненный путь, слишком запоздала ее любовь по причине войны». Анненкова М.П. говорит: «Война идет к концу, а я могу остаться на бобах».

Выявлен один факт непонимания девушкой великой освободительной миссии Красной Армии. О поляках Фирсова пишет: «Их идешь освобождаешь, а они смеются над русскими «швайн»».

В целях устранения всех недостатков в воспитательной работе среди девушек, политическим отделом армии 6 марта направлена всем начальникам политорганов директива. В директиве предлагается широко разъяснить всей армейской женской молодежи великую освободительную миссию, которая выпала на героическую Красную Армию в ходе Великой Отечественной войны, рассказать девушкам, что служба в Красной Армии является почетной и священной обязанностью каждого гражданина Союза ССР, популяризировать высокую оценку труда наших славных женщин, которую им дал Верховный Главнокомандующий маршал Советского Союза товарищ Сталин. Во всех комсомольских организациях, где есть девушки-комсомолки, предложено провести открытые комсомольские собрания с повесткой дня «Женщина в Великой Отечественной войне». Также предложено организовать коллективную читку с девушками очерка Е.Кононенко «Девушка в серой шинели», в воспитательной работе широко использовать авторитет матерей. Для этого предложено организовать посылку сообщений матерям об отличном поведении девушек, практиковать чтение таких писем на комсомольских собраниях и опубликование их в печати. Рекомендована следующая тематика бесед и докладов для женской молодежи: «Моральный облик советской молодежи», «О чести и достоинстве советской девушки», «Победа над врагом завоевывается в тяжелых боях и упорном труде», «Чем ближе наша победа, тем выше должна быть наша бдительность, тем сильнее должны быть наши удары по врагу», «Исторические решения Крымской конференции». Выступать с докладами и беседами на эти темы мною обязаны начальники политорганов, заместители командиров по политчасти и комсомольские работники.

Начальник Политотдела 19-й Армии
полковник Поморцев².

² Строчки, приписанные Петровой М.Н., Фирсовой и Зайчиковой (среди авторов 19 писем таких фамилий нет, две последние фамилии принадлежат получателям писем), в действительности взяты из письма Г.А.Ярцевой к подруге (2 цитаты) и Е.Охрименко к брату. Упомянутая в документе безымянная «вторая девушка» - М.С.Колюжная.

№ 8.

Директива Политотдела 19 Армии № 0176 от 6 марта 1945 г.

«Начальникам политотделов корпусов, дивизий, бригад
и зам. командиров по политчасти отдельных частей.

Некоторые политорганы ослабили руководство воспитательной работой среди девушек, не добились того, чтобы комсомольские работники учитывали особенности правильной организации большевистского воспитания женской молодежи.

Среди девушек политическая работа проводится плохо. Политотдел Армии располагает фактами, когда женская молодежь в своих письмах на родину жалуется на то, что в Армии им скучно и нудно, что ряд мужчин, имея жен и детей, женится на фронте, или просто вступает в сожительство с молодыми девушками.

Есть и другая категория девушек, которая пишет о стремлении получить беременность в действующей армии и с трофейными вещами попасть в тыл страны.

Все это имеет отрицательное влияние на четкое несение службы женской молодежью в Красной Армии.

ПРЕДЛАГАЮ:

1. Широко разъяснить всей армейской женской молодежи Великую Освободительную миссию, которая выпала на героическую Красную Армию в ходе Великой Отечественной войны. Рассказать девушкам, что служба в Красной Армии является почетной и священной обязанностью каждого гражданина Союза ССР. Популяризировать высокую оценку труда наших славных женщин, данную им товарищем Сталиным.

2. Во всех комсомольских организациях, где есть девушки-комсомолки, до 20 марта 1945 года подготовить и провести комсомольские собрания с повесткой дня: «Женщина в Великой Отечественной войне», на которых подвергнуть критике девушек, теряющих свой моральный облик.

3. Организовать коллективные читки с девушками очерка Елены Кононенко «Девушки в шинелях». В воспитательной работе широко использовать авторитет матери. Для этого организовать посылку сообщений матерям об отличном поведении девушек. Практиковать чтение таких писем на комсомольских собраниях и опубликование в печати.

4. Систематически проводить для женской молодежи доклады и беседы на темы:

«Моральный облик советской молодежи».

«О чести и достоинстве советской девушки».

«Победа над врагом завоевывается в тяжелых боях и в упорном труде».

«Чем ближе наша победа, тем выше должна быть наша бдительность, тем сильнее должны быть наши удары по врагу».

«Исторические решения Крымской конференции».

Обязать начальников политорганов, заместителей командиров (начальников) по политчасти, комсомольских работников лично выступать перед девушками с докладами и беседами на указанные темы.

Исполнение донести мне специальными донесениями к 23 марта 1945 года.

Начальник политотдела 19 Армии
полковник Поморцев».

ПРИЛОЖЕНИЕ N 3. СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА НА ТЕРРИТОРИИ ПРОТИВНИКА В 1945 г.

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, советские воины клялись отомстить захватчикам сторицей. Еще накануне в боевых частях проводились митинги и собрания на тему «Как я буду мстить немецким захватчикам», «Мой личный счет мести врагу», где вершиной правосудия провозглашался принцип «Око за око, зуб за зуб!» Но последовавшие затем «разъяснения» политотделов в духе известного сталинского тезиса «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский ... остается»¹, явились для многих неожиданностью и часто отвергались (док. N 1,5). «Сказать по правде, многие наши бойцы с трудом принимают эту линию тактичного обращения с населением, особенно те, чьи семьи пострадали от гитлеровцев во время оккупации», - писала весной 1945 г. работник штаба 1-й гвардейской танковой армии Е.С.Катукова². Вступив на территорию Восточной Пруссии, Военный Совет 2-го Белорусского фронта вынужден был издать приказ N 006, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии (док. N 1).

Впрочем, бесчинствовали в основном тыловики и обозники. Боевым частям было просто не до того - они воевали. Их ненависть выплескивалась на врага вооруженного и сопротивляющегося. А с женщинами и стариками «сражались» те, кто старался быть подальше от передовой. Вспоминая бои в Восточной Пруссии, Л.Копелев, бывший политработник, впоследствии писатель, рассказывал: «Я не знаю статистики: сколько там было среди наших солдат негодяев, мародеров, насильников, не знаю. Я уверен, что они составляли ничтожное меньшинство. Однако именно они и произвели, так сказать, неизгладимое впечатление»³. Следует отметить, что многие солдаты и офицеры сами решительно боролись с грабежами и насилиями. Их пресечению способствовали и суровые приговоры военных трибуналов. Однако судили они не только за мародерство и насилие, но и за «буржуазный гуманизм» по отношению к побежденным⁴. Командование боролось с мародерством ровно настолько, насколько оно угрожало армейской дисциплине, вводя и узаконивая организованные его формы. Специальным приказом были разрешены посылки домой трофейных вещей, причем, количество таких посылок строго регламентировалось в соответствии с воинским званием: офицер мог отправлять больше, чем рядовой или сержант⁵.

Впрочем, о мародерстве (в приведенных ниже документах оно мягко именуется «барахольством») следует сказать отдельно. Это особая проблема, тесно связанная с психологией восприятия советскими людьми заграничной, прежние представления о которой сильно расходились с увиденным в действительности. Годами внушаемые идеологические догмы пришли в противоречие с реальным жизненным опытом. Уже в первые дни 1945 г. сталинская система почувствовала для себя опасность возможного появления новых «декабристов» из армейской среды (док N 1). Недаром так тревожили политотделы «новые настроения», когда в письмах домой солдаты описывали жизнь и быт немецкого населения («в розовых красках», сравнивая увиденное с тем, как жили сами до войны, и делая из этого «политические неверные выводы») (док. N 2,3,4). Бедные по европейским стандартам дома казались им зажиточными, вызывая, с одной стороны, зависть и восхищение, а с другой, озлобляя своей, по их понятиям, роскошью. В документах упоминаются разбитые часы, рояли, зеркала (док. N 6). Не трудно понять чувства солдата, крушившего предметы быта, дававшего выход своей горечи.

Политотделы спешили разъяснить - с завоеванным имуществом следует обращаться бережно, по-хозяйски, не сжигать, не разрушать, а «организованно» вывозить на Родину. Иногда добавляли: это все награблено фашистами у других народов, в том числе и у нашего, а значит, подлежит возврату (док. N 1,6).

Публикуемые ниже документы из Центрального Архива Министерства Обороны до недавнего времени были закрыты для исследователей, хотя и не представляли из себя военной или государственной тайны. Но они наносили серьезный удар по идеологическим клише, устоявшимся стереотипам на освободительную миссию советских войск во второй мировой войне. Это директивы политотдела 19-й армии 2-го Белорусского фронта за февраль-апрель 1945 г., несколько политдонесений и другие документы. Официальная историография изучала собственно боевые действия, старательно замалчивая вопрос о настроениях в армии, оказавшейся за пределами своей страны, в том числе на территории противника.

Конечно, они не могут охватить все многообразие взглядов, мыслей и чувств, которые возникли у советских людей, когда они перешли государственную границу СССР и двинулись на запад. Но уже в них ясно видны и новые политические настроения, и отношение к ним сталинской системы, и проблемы дисциплинарного характера, которые возникают перед любой армией, воюющей на чужой территории, и целый ряд нравственных и психологических проблем, с которыми пришлось столкнуться советским солдатам в победном 1945 году.

¹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 46.

² Жуков Ю. Солдатские думы. М., 1987. С. 337.

³ Огонек. 1989. N 36. С. 23.

⁴ Так, самого Л.Копелева обвинили в «жалости к противнику» и в результате - он был осужден, десять лет провел в лагерях.

№ 1.

Из выступления начальника Политуправления 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта О कोरोкова на совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главпура РККА о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника. (Протокол совещания).

6 февраля 1945 г.

«Из всех вопросов, которые здесь поставлены, я особо хочу выделить вопрос об опасности явлений пьянства, барахольства, насилий, бессмысленных поджогов и т.п. Опасность этих явлений в том, что они расшатывают воинскую дисциплину, порядок, организованность. Армия есть прежде всего строго централизованный организм, и сила армии в том, что она по одному нажиму кнопки приходит в движение сверху донизу. Если в армии начали развиваться массовое пьянство, дебош, непочтение младших к старшим, то нельзя думать, что армия будет боеспособной. История знает много фактов, когда победоносные войска, вступив на территорию противника, распускались и становились уже не теми войсками, которыми были до вступления на территорию врага. Поэтому мы все эти вопросы должны расценивать более сурово, чем рассматриваем их здесь.

Почему надо более сурово, более решительно и более сильно дать оценку этим явлениям? Потому что в них большая опасность. Люди теряют облик воинов Красной Армии, ориентируются на легкую добычу, на легкую жизнь. Насилует сначала немку, а затем насилует и польку. Старший офицер приказывает ему прекратить, а он выхватывает пистолет и убивает офицера. Может ли такой человек самоотверженно бороться? Нет!

Опасность этих явлений очень велика. Не случайно Военный Совет и Политуправление фронта с получением первых же сигналов собрали совещание нач.поармов¹ и прокуроров. После был издан приказ № 006². Было издано специальное обращение Военного Совета, где подчеркивается значение организованности и дисциплины как необходимых условий победы.

На сегодняшний день эти явления до некоторой степени сокращены. Они сокращены самой обстановкой, некоторым замедлением движения войск. Для Политуправления фронта нет сейчас более ответственной задачи, как наведение порядка в войсках и печатной, и устной пропагандой, и принятием решительных мер по партийной линии, по судебной и т.п.

Был такой факт, когда все обозы в одной части оказались забитыми шелками, скатертями и другим барахлом, а боеприпасов было только 1/2 боекомплекта и когда потребовалось дать огонь, то сделать этого не смогли. Мы сможем оказаться в таких условиях, когда немец соберет кулак и нанесет сильный контрудар. И если наши обозы будут загружены барахлом, то это приведет нас к печальным последствиям: мы можем скомпрометировать то великое наступление, которое развернули.

Надо оздоровить обстановку, действовать вплоть до исключения из партии и снятия людей с руководящих должностей, ибо интересы партии, интересы государства нам выше всего. Война еще не кончилась, а мысль многих руководящих офицеров занята барахлом. Сейчас надо сделать крутой поворот в сторону борьбы с этим явлением, используя все формы и методы, ибо опасность очень велика: мы можем потерять армию. Побрякушки могут поглотить наших людей. Если никакие надолбы и доты не задержали нашего наступления, то занавески, ситцы могут стать более крепкими дотами, чем железо и бетон. Разве случайно немцы не трогают спирто-водочных заводов? Они знают, что пьяное войско - это не войско. Они сознательно оставляют барахло, чтобы наши бойцы запутались в нем. Тут нужно повести решительную борьбу, иначе мы можем потерять армию, а отвечаем за это мы. За душу бойцов отвечаем мы, коммунисты. При выезде на места надо будет повернуть внимание политорганов на решение этой задачи.

Второй вопрос - вопрос о ненависти к врагу. Настроение людей сейчас сводится к тому, что говорили, мол, одно, а теперь получается другое. Когда наши политработники стали разъяснять приказ № 006, то раздавались возгласы: не провокация ли это? В дивизии генерала Кустова при проведении бесед были такие отклики: «Вот это политработники! То нам говорили одно, а теперь другое!» Причем, надо прямо сказать, что неумные политработники стали рассматривать приказ № 006 как поворот в политике, как отказ от мести врагу. С этим надо повести решительную борьбу, разъяснив, что чувство ненависти является нашим священным чувством, что мы никогда не отказывались от мести, что речь идет не о повороте, а о том, чтобы правильно разъяснить вопрос. Конечно, наплыв чувств мести у наших людей огромный, и этот наплыв чувств привел наших бойцов в логово фашистского зверя и поведет дальше в Германию. Но нельзя отождествлять месть с пьянством, поджогами. Я сжег дом, а раненых помещать негде. Разве это месть? Я бессмысленно уничтожаю имущество. Это не есть выражение мести. Мы должны разъяснить, что все имущество, скот завоеваны кровью нашего народа, что все это мы должны вывезти к себе и за счет этого в какой-то мере укрепить экономику нашего государства, чтобы стать еще сильнее немцев. Солдату надо просто разъяснить, сказать ему просто, что мы завоевали это и должны обращаться с завоеванным по-хозяйски. Разъяснить, что если ты убьешь в тылу какую-то старуху-немку, то гибель Германии от этого не ускорится. Вот немецкий солдат - уничтожь его, а сдающегося в плен отведи в тыл. Направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя. И наши люди понимают это. Один сказал, что мне стыдно за то, что я раньше думал - сожгу дом и этим буду мстить. Наши советские люди организованные и они поймут существо вопроса. Сейчас имеется постановление ГКО о том, чтобы всех трудоспособных немцев-мужчин от 17 до 55 лет мобилизовать в рабочие батальоны и с нашими офицерскими кадрами направлять на Украину и в Белоруссию на восстановительные работы.

Когда мы по-настоящему воспитаем у бойца чувство ненависти к немцам, тогда боец на немку не полезет, ибо ему будет противно. Здесь нам нужно будет исправить недостатки, направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу.

Третий вопрос - у нас сейчас появились новые политические настроения. Сельское хозяйство Восточной Пруссии высоко развитое и организованное. Это хозяйство кулацкое, основанное на эксплуатации труда. Прусская вотчина - юнкерско-помещичье хозяйство. Поэтому все хорошо, богато выглядит. И когда наш красноармеец-крестьянин попадает сюда, особенно красноармеец в политическом отношении незрелый, с сильными мелкобуржуазными, частнособственническими взглядами, то он невольно сопоставляет колхоз с немецким хозяйством. Отсюда факты восхваления немецкого хозяйства. У нас даже отдельные офицеры восхищаются немецкими вещами.

Агитатор и пропагандист мимо этих новых явлений в политических настроениях проходить не должен, ибо эти настроения основаны на неправильных выводах об увиденном. После войны 1812 года наши солдаты, увидевшие

французскую жизнь, сопоставляли ее с отсталой жизнью царской России. Тогда это влияние французской жизни было прогрессивным, ибо оно дало возможность русским людям увидеть культурную отсталость России, царский гнет и т.п. Отсюда декабристы сделали свои выводы о необходимости борьбы с царским произволом. Но сейчас иное дело. Может быть, помещичье имение в Восточной Пруссии и богаче какого-то колхоза. И отсюда отсталый человек делает вывод в пользу помещичьего хозяйства против социалистической формы хозяйства. Это влияние уже регрессивно. Поэтому надо беспощадно вести борьбу с этими настроениями, надо правильно разъяснить вопрос о системе хозяйства в Восточной Пруссии. Неплохо будет затронуть вопрос и в нашей печати, показать Восточную Пруссию как реакционное гнездо.

ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30-32.

¹ Имеются в виду начальники политотделов армий.

² Приказ Военного Совета 2-го Белорусского фронта N 006 от 21.01.45 г. Его основной смысл заключен в требовании «мародеров и насильников расстреливать на месте преступления».

№ 2.

Письма из Действующей Армии. Копии, снятые военной цензурой. 19-20 февраля 1945 г.

1) Отправитель Шапаронова Л. Полевая почта 72466-х.

«Польша мне нравится, и народ здесь приветливый. К нам относятся очень хорошо, как к своим освободителям. Они понимают, что если бы не мы, то никогда бы полякам не сбросить ярмо немцев. А немцы здесь действительно были господами. У нас в СССР они еще не успели развернуться во всей возможной полноте. Полякам нельзя было жениться, есть масло, мясо, хлеб белый, пить молоко и т.д. Им выдавали немного хлеба из отрубей и черного кофе (суррогаты). Вот и все. Специальные нюхачи рыскали по домам и узнавали, не едят ли поляки, что им не положено. Перед пацаном-немцем поляк обязан был снимать шапку и кланяться, иначе тот его бил по щекам. А если бы поляк дал ему сдачи или отпихнул, его бы повесили. Словом, настоящее рабство. Все поляки от старого до малого были работниками у немцев. Все было немецкое - и заводы, и земля, и магазины. Потому так поляки и ненавидят немцев, проклинают их. Потому они так хорошо встречают нас.

Питание у нас здесь улучшилось, так как немцы оставили много коров, свиней, картошки и т.д. Питаемся мы сейчас без всяких норм. Еще один небольшой перегон и мы будем совсем около линии фронта, на пороге в Германию... В Германии будет много немцев, и французов, и русских, и всяких других. Много сейчас согнано народу. Будут последние жестокие бои. Немцы сопротивляются ужасно, ведь мы входим в их родные города и села, их ждет расплата. Гитлер может пойти на все сейчас, может применить химию. Словом, горячая сейчас пора наступит...»

2) Отправитель Герасимова В. Полевая почта 06121.

«Добрый день, дорогие мои! Пишу в перевязочной, где только что закончилась обработка раненых. Сегодня, да теперь каждый день, будет работа; немножко отвыкли, но все равно - работать хорошо. Достаточно уж полодырничали. Км за 6 - передовая, до нас доносятся только звуки разрывов снарядов и мин, пение «катюш», его «жеребца». И вот, несмотря на то, что мы уже отвыкли от всего этого фронтового шума, все же весело и работа спорится. Все движется быстро. Быстро мы проехали намеченные км и достигли фронта. Проезжали деревни, села, города. Дороги хорошие, местами взорваны и побиты при отступлении фрицев, чтобы мы двигались медленнее, но нет преград. Все это была Польша. Деревни грязные, люди не привыкли, видно, мыться в банях, так как их нет, что нам не очень понравилось, какая-то брезгливость, и мне почему-то вспомнилась наша Евиша, которой все равно, где стирать белье и мыть посуду. Вот ее можно взять в образ человека деревень и сел Польши. Внешний лоск и внутренняя грязь. В городах немного получше одеты, с шиком, видимо, привыкли жить с немцем (от 39 г.), то есть нет здесь уже той приветливости, и мне кажется, что многие в этих городах - это фрицы, замаскированные поляками. Где нас много, они не появляются, своих действий не проявляют, а где идешь одна, можешь напасть на неприятность.

Фриц бежит, все свое бросает. Невольно вспоминается 41-й год. В квартирах все оставлено - шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки и они не теряются. Я уже писала, что мы были в барских домах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся и поправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись и нам не все хочется кушать.

Теперь перед нами будет Германия, и вот иногда встречаются колонны фрицев, как будто чем-то прибитых, с котомками за плечами. Пусть на себе поймут, как это хорошо. Иногда встречаются и наши, возвращающиеся на Родину люди. Их сразу можно узнать. И вот невольно сравниваешь 41-й год с 45-м и думаешь, что этот 45-й должен быть завершающим.

Передавайте привет Таниным родным. Крепко всех целую.

Вера».

ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92, 94.

№ 3.

Из директивы Политотдела 19-й Армии о мерах по укреплению политической бдительности и воинской дисциплины.

26 февраля 1945 г.

Начальникам политотделов корпусов, дивизий, бригад и заместителям командиров по политчасти отдельных частей.

В ряде частей и соединений нашей армии наблюдаются случаи разглашения военной тайны в личной переписке бойцов и офицеров с родными и знакомыми... Одновременно с разглашением военной тайны в отдельных письмах

военнослужащих в розовых красках рисуется жизнь немецкого населения, разбогатевшего за счет грабежей и применения рабского труда.

Встречаются письма, в которых рассказывается о фактах пьянства, дебошей и связях с польскими и немецкими женщинами.

ПРЕДЛАГАЮ:

1. Провести разъяснительную работу среди рядового, сержантского и офицерского состава о бдительности и сохранении военной тайны.

2. Дивизионным газетам периодически помещать статьи о военной присяге, сохранении военной тайны и порядке переписки с родными и знакомыми.

3. Повести решительную борьбу с политически вредными настроениями, восхваляющими зажиточность немецкого населения, разъясняя, что Германия в течение многих лет грабила народы всей Европы, превращая их в своих рабов, а их территории в свои колонии.

4. Пресекать всякое проявление поступков со стороны бойцов и офицеров, дискредитирующих высокое звание воина Красной Армии, армии-освободительницы, армии-мстительницы (пьянство, дебоши и интимные связи с польскими и немецкими женщинами).

5. Среди рядового, сержантского и офицерского состава предлагаю провести доклады и беседы на следующие темы:

1) приказ товарища Сталина № 5¹ - боевая программа завершения разгрома немецко-фашистских захватчиков;

2) моральный облик воина Красной Армии;

3) грабительский и разбойничий характер немецко-фашистского империализма;

5) будь бдителен - сохраняй военную тайну;

6) зачем мы идем в Германию?

7) как понимать солдатскую месть?

8) победа над врагом завоеывается в тяжелых боях и в упорном труде.

О выполнении данной директивы доносить в очередных политдонесениях.

Начальник политотдела 19-й Армии
полковник Поморцев.

ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 4-5.

¹ В приказе № 5 Верховного Главнокомандующего в связи с 27-й годовщиной Красной Армии подводились итоги зимнего наступления советских войск (см.: Правда. 1945. 23 февраля.).

№ 4.

Директива Политотдела 19-й Армии о недопустимости использования немецких открыток в почтовой переписке. Начальникам политотделов 19-й армии.

17 марта 1945 г.

Установлено, что военнослужащие частей и соединений армии в своих письмах в тыл нашей страны посылают большое количество трофейных открыток и фотокарточек, иллюстрирующих военную технику врага, быт немецких солдат и населения оккупированных Красной Армией районов фашистской Германии. Имеют место даже случаи посылки немецких открыток с антисоветскими цитатами из речи Гитлера.

По этому вопросу предлагаю провести разъяснительную работу среди всего личного состава.

Разъясните, что воспрещается как посылка в письмах, так и использование в качестве почтовых карточек трофейных немецких открыток и фотографий, имеющих немецкие надписи и характеризующих и тем более восхваляющих военную технику врага, быт немецких солдат и населения.

Примите все меры к тому, чтобы полностью и в достаточном количестве снабдить весь личный состав чистой бумагой.

Об исполнении настоящего указания донести к 25.3.45 года.

Начальник политотдела 19-й Армии
полковник Поморцев.

ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 12.

№ 5.

Из директивы Политотдела 19-й Армии о разъяснении личному составу норм поведения на территории других стран

7 апреля 1945 г.

Начальникам политотделов корпусов, дивизий, бригад.

Приказы Войскам 2-го Белорусского фронта 0026 и 0193 немедленно довести до личного состава путем текстуальной читки и проведения специальных бесед. В беседах ознакомить весь личный состав с приговорами Военного Трибунала Вашего соединения за поведение отдельных военнослужащих, позорящих честь и достоинство воина Красной Армии.

На партийных активах, партийных и комсомольских собраниях поставить вопрос о неуклонном выполнении приказов 0026 и 0193.

Со всем личным составом провести доклады и беседы на следующие темы:

1. О Великой Освободительной Миссии Красной Армии.

2. О чести и достоинстве Советского воина.

3. О поведении Советского воина на территории других стран.

4. Моральный облик воина Красной Армии.
5. Фашистская армия - армия убийц и грабителей.
6. Как надо понимать наше мщение к врагу.
7. Об ответственности военнослужащих за дезертирство.

В дивизионных газетах систематически освещать вопросы о высоком моральном облике нашего воина и о том, как надо понимать солдатскую месть.

Наметьте специальные мероприятия на выполнение приказа N 0026 и N 0193.

О проделанной работе пришлите к 11, 14, 17, 20 апреля специальные политдонесения.

Зам. нач. политотдела 19-й Армии
подполковник Платонов.

ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 14.

№ 6.

Из донесения политотдела 205-й стрелковой дивизии об укреплении воинской дисциплины, порядка и организованности в подразделениях.

8 апреля 1945 г.

18 февраля при политотделе дивизии было проведено совещание комсоров полков, батальонов по вопросу: «Работа комсомольских организаций по разъяснению особенностей боев в Восточной Пруссии». Здесь же комсомольские работники дивизий были ознакомлены с приказом Военного Совета 2-го Белорусского фронта N 006...

Накануне наступления, 23 февраля, на собраниях первичных организаций с повесткой дня: «Приказ Верховного Главнокомандующего N 5 указывает нам путь к победе», комсомольские активисты требовали от каждого комсомольца не терять достоинства и чести воина-освободителя на территории врага.

Комсомолец Бушуев (1-й батальон 672-го артиллерийского полка) заявил: «Наши сердца горят мстью к врагу. Эта святая месть будет испепелять врага. Но мы - воины-освободители. Нам не пристало кичиться своими победами. Честь воина-освободителя для нас превыше всего. Не замараем же ее о подолы грязных немок, пьянством, барахольством...»

24 февраля дивизия вступила в бой. В первый же день наступления появились факты, когда отдельные бойцы, оставив выполнение боевой задачи, начинали заниматься барахольством, превращать в негодность зеркала, часы, музыкальные инструменты...

В соответствии с решением комсомольского бюро 721-го стрелкового полка во всех батальонах комсорги батальонов, члены комсомольского бюро полка, батальонов провели беседы во взводах, отделениях на тему: «Взятое нами имущество и ценности принадлежат советскому государству»...

10 марта бюро ВЛКСМ 672-го артиллерийского полка, обсуждая вопрос: «Практическое выполнение приказа Верховного Главнокомандующего N 5», в своем решении записало: «Повести решительную борьбу с пьянством, барахольством, насилием. Комсоргам дивизионов, батарей привлекать к строжайшей союзной ответственности комсомольцев, нарушающих воинский порядок, позорящих высокое звание воина-победителя».

ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д; 76. Л. 225, 226.

№ 7.

Из донесения политотдела 18-й стрелковой дивизии о мерах по укреплению воинской дисциплины

8 апреля 1945 г.

...Комсорг роты автоматчиков 424-го стрелкового полка старшина Солов, вступив в разговор с начподивом¹, пытался доказать, что русских и полек насиловать нельзя, а немок можно. Когда разъяснил ему начподив о неправильности его мнения, он все равно твердил свое, настраивая на это других молодых воинов.

Впоследствии он был разобран на бюро ВЛКСМ, которое приняло решение отстранить его от должности комсорга роты и просить командование послать т.Солова в стрелковую роту.

Будучи уже в стрелковой роте в должности помкомвзвода², т.Солов дрался примерно. Несколько раз подымал в атаку бойцов, а когда выбыл командир взвода из строя, он принял на себя командование взводом, который первым вошел в дер. Брюкк. Только после окончания боя, будучи ранен, т.Солов ушел с поля боя.

Командование представило его к ордену «Красная звезда».

ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 216-217.

¹ Начподив - начальник политотдела дивизии.

² Помкомвзвода - помощник командира взвода.

№ 8.

Из директивы политотдела 19-й Армии о состоянии дисциплины в воинских частях

12 апреля 1945 г.

Командирам корпусов, дивизий, начальникам политорганов соединений.

Войска нашей Армии успешно выполнили задачу по очищению от противника Восточной Померании, заняли десятки немецких городов и опорных пунктов и штурмом овладели городом Гдыня - важной военно-морской базой и крупным портом на Балтийском море.

Вместе с тем за последнее время в ряде частей и соединений отсутствуют надлежащий воинский порядок, резко упала воинская дисциплина, в результате чего в частях и соединениях армии растет количество чрезвычайных происшествий, аморальных явлений и воинских преступлений. В ряды наших войск внесены позорные и политически

вредные явления, когда под флагом мести отдельные военнослужащие вместо честного и самоотверженного выполнения своего долга перед Родиной занимаются бесчинством и барахольством.

Некоторые военнослужащие теряют облик советского человека и тем более война Красной Армии. В частях и особенно в тыловых подразделениях имеет место массовое переодевание бойцов и даже офицеров в гражданское обмундирование.

Позорным явлением в армии стало возрастающее количество пьянства офицерского и рядового состава, которое приводит к чрезвычайным происшествиям и воинским преступлениям.

Потеряв чувство ответственности за выполнение своего долга, отдельные офицеры вместо наведения настоящего воинского порядка и поднятия боеспособности в своей части, сами выступают как организаторы коллективных пьянок, дебоширств, барахольства и насилия...

Среди отдельных офицеров имеются факты беспечности, ротозейства и потери революционной бдительности, что приводит к партийным и государственным преступлениям...

За период боевых действий Военным Советом армии отмечено большое количество невыполнения боевых приказов, неумелое руководство войсками и даже несколько случаев проявления трусости со стороны отдельных офицеров.

Все эти отрицательные факты известны политорганам, партийным и комсомольским организациям, но надлежащей политической оценки им не дается.

Многие командиры и начальники политорганов соединений, партийные и комсомольские организации слабо реагируют на эти позорные явления и либерально относятся к бойцам и офицерам, творящим безобразия.

Пьянство, дебоширство, чрезвычайные происшествия и другие факты аморальных явлений отдельных военнослужащих, позорящих нашу Красную Армию, стали возможны потому, что в ряде частей и подразделений не наведен настоящий воинский порядок. Со стороны офицерского состава понижена требовательность к своим подчиненным, а политическая работа продолжает оставаться на низком уровне, проводится формально, оторвана от конкретных задач части и соединения...

Командующий войсками 19-й армии
генерал-лейтенант Романовский

Член Военного Совета 19-й
армии генерал-майор Панков

Начальник политотдела 19-й армии
полковник Поморцев

ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 17-20.

№ 9

Из директивы политотдела 19 Армии о предупреждении случаев венерических заболеваний среди военнослужащих

14 апреля 1945 г.

Начальникам политотделов корпусов, дивизий, бригад.

В частях армии за последнее время увеличилось количество заболеваний венерическими болезнями... Причиной заболеваний является общение военнослужащих с женщинами из местного населения.

Отдельные политорганы и партийные организации ослабили воспитательную работу с личным составом по повышению бдительности и предупреждению случаев заболеваний, не поняли того, что мы находимся на вражеской территории, что враг стремится любыми способами ослабить наши силы и вывести из строя наших военнослужащих.

ПРЕДЛАГАЮ:

Усилить воспитательную работу с личным составом по предупреждению случаев заболеваний венерическими болезнями, используя для проведения этой работы офицеров-врачей.

Принять все меры к тому, чтобы не допускать общения военнослужащих с местным населением.

О проделанной работе доложить к 20 апреля 1945 года.

Начальник политотдела 19-й Армии
полковник Поморцев.

ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 21.

№ 10

Запись из дневника 16-летнего авиационного помощника Дитера Борковского о настроении берлинского населения

Гриммштрассе 17, 15 апреля 1945 г.

«...В полдень мы отъехали в совершенно переполненном поезде городской электрички с Анхальтского вокзала. С нами в поезде было много женщин - беженцев из занятых русскими восточных районов Берлина. Они тащили с собой все свое имущество: набитый рюкзак. Больше ничего. Ужас застыл на их лицах, злость и отчаяние наполняло людей! Еще никогда я не слышал таких ругательств... Тут кто-то заорал, перекрывая шум: «Тихо!» Мы увидели невзрачного грязного солдата, на форме два железных креста и золотой немецкий крест. На рукаве у него была нашивка с четырьмя маленькими металлическими танками, что означало, что он подбил 4 танка в ближнем бою. «Я хочу вам кое-что сказать,» - кричал он, и в вагоне электрички наступила тишина. «Даже если вы не хотите слушать! Прекратите ныть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие - русские, поляки, французы, чехи - и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!» В поезде стало так тихо, что было бы слышно, как упала шпилька.»

Печ. по: Война Германии против Советского Союза.

№ 11

Из донесения члена Военного совета 5-й ударной армии командующему войсками 1-го Белорусского фронта о политическом настроении жителей Берлина в связи с проводимыми советским командованием мероприятиями

Берлин

15 мая 1945 г.

В связи с окончанием войны и рядом мероприятий, проведенных советским командованием по восстановлению города Берлина, особенно по обеспечению населения продовольствием, политико-моральное состояние населения города резко повысилось. Многие берлинцы в беседах подчеркивают, что за год радостные события начались только в последние недели и, как ни парадоксально, связаны они с приходом в Берлин Красной Армии... С приходом Красной Армии стали улучшаться и бытовые условия: появился свет, стало легче с водой и размещением, а самое главное, хорошо разрешается продовольственный вопрос.

Рабочий-электромонтер Трюмберг в беседе рассказал: «Кошмарные недели остались позади. Нацисты пугали нас, что русские отправят всех немцев в вечное рабство в холодную Сибирь. Теперь мы видим, что это была наглая ложь. Мероприятия советского командования показывают, что русские не собираются оскорблять и уничтожать нас. У меня опять появилась перспектива в жизни».

...Домохозяйка Елизавета Штайм заявила: «Я имею троих детей. Мужа у меня нет. Я предполагала, что всем нам придется погибнуть от голодной смерти. Нацисты говорили, что большевики расстреливают все семьи, в которых кто-нибудь участвовал в войне против России. Я решила открыть вены своим детям и покончить самоубийством. Но мне было жалко детей, я спряталась в подвал, где мы просидели голодными несколько суток. Неожиданно туда зашли четыре красноармейца. Они нас не тронули, а маленькому Вернеру даже дали кусок хлеба и пачку печенья. А сейчас мы видим, что все советское командование беспокоится о том, чтобы население не умирало с голоду. Больше того, выдают всякие нормы и беспокоятся о восстановлении наших жилищ. Я беседовала со всеми жильцами нашего дома. Все они очень довольны таким отношением русского командования к нам. От радости мы завели патефон и танцевали целый вечер. Некоторые высказывали только такую мысль - неужели так и будет дальше, неужели так и дальше будут снабжать. Если будет так, то остается только одно - устроиться на работу и восстанавливать разрушенное...»

Член Военного совета 5-й ударной армии
генерал-лейтенант Боков.

ЦАМО. Ф. 254. Оп. 66624. Д. 1. Л. 187-192.

№ 12

Из Постановления Военного совета 1-го Белорусского фронта о снабжении молоком детей Берлина

Берлин

31 мая 1945 г.

В соответствии с постановлением ГОКО № 8450 от 8 мая 1945 г. «О снабжении населения гор. Берлина» Военный совет постановляет:

1. Организовать снабжение молоком детей до 8-летнего возраста за счет:

а) использования молочных ресурсов пригородов Берлина в количестве ежедневно 70 тыс. литров молока;

б) передачи из трофейного скота 5 тыс. голов дойных молочных коров для размещения на молочных пунктах в районах г. Берлина. <...>

7. Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на начальника тыла фронта генерал-лейтенанта Антипенко.

О ходе выполнения постановления докладывать Военному совету фронта каждые 5 дней.

Командующий войсками
1-го Белорусского фронта
Маршал Советского Союза
Г. Жуков

Член Военного совета
1-го Белорусского фронта
генерал-лейтенант
Телегин.

Печ. по: Коммунист. 1975. № 4. С. 73-74.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не впервые молодые люди обращаются к событиям далекого прошлого при жизни участников и современников этих событий. Еще Лермонтов в свои 23 года написал «Бородино» к 25-летию этой великой битвы, построив стихотворение в виде диалога с ветераном сражения. В этом диалоге важно все - и воспоминания бойца, и интерес вопрошающего.

Лермонтовское стихотворение мне вспомнилось, когда я начал читать рукопись Елены Сенявской, кандидата исторических наук, «1941-1945: Фронтное поколение. (Историко-психологическое исследование)». На первый взгляд: ну что может сказать о фронтном поколении человек, родившийся после войны, который не знал и не видел ее? Но это только на первый взгляд. Оказывается, может. Более того, у него есть свое преимущество: сама война, ее участники, их духовный облик - для него объект научного исследования. Фактор личной памяти при этом отсутствует, как и фактор субъективного отношения, если не считать, конечно, что отцом автора был фронтник-танкист.

Е.Сенявскую интересует все: и социально-психологический аспект войны, и духовный облик как историческая категория, и понятие фронтного поколения, и формирование и развитие его духовного облика, и социальные особенности его проявления на фронте. Автор подробно рассматривает все эти факторы. Прежде всего представляет интерес, что понимается под термином «фронтное поколение». Известно, что в войне участвовали представители самых разных возрастов, от юных до стариков. И думается, что Е.Сенявская права, понимая под фронтным поколением тех, для кого именно война и участие в ней стали главным фактором, наложившим на их личность особый отпечаток в значительно большей степени, чем у других участников войны.

Это были молодые люди в возрасте от 17 до 25 лет. Им и уделяет основное внимание автор. «Лихая нам досталась доля - немногие вернулись с поля», - подводит итог бородинской битве лермонтовский ветеран. Известно, что из всех ушедших на войну юношей и девушек 1923 года рождения осталось в живых лишь три процента... Страшная цифра. И говорит она о многом. Е.Сенявская приводит немало мнений самых разных авторов о том, что минувшая война была войной мальчишек и девчонок. И гибли они в силу своей элементарной неподготовленности к войне - ни физической, ни моральной. Те, кто были постарше тремя-четырьмя годами, уже что-то умели, да и сознание их было готово к испытаниям.

В своем исследовании Е.Сенявская рассматривает такие сюжеты, как женщина на войне, психология воинов разных национальностей, восприятие войны рядовыми и командирами, людьми различных профессий, взаимоотношения человека и боевой техники, вопрос о символах и мифах войны. Все оказывается важным. И можно только удивляться, как молодой ученый по каждому из этих сюжетов сообщает читателю что-то новое, неведомое, интересное, о чем полезно прочесть каждому, в том числе и побывавшему на войне.

Но если исследователь по возрасту своему не воевал, откуда же берет он данные для своей работы? Автор подробно рассказывает об этом. Источниками книги стали письма и мемуары, фольклор. Е.Сенявская достаточно критически, как и подобает историку, пользуется источниками, не берет все подряд на веру, подвергает, скажем, воспоминания перекрестному рассмотрению. И это создает целостную, реалистическую картину.

К сожалению, не избежал автор некоторого критического перебора. Написал один поэт, что после войны мы оказались никому не нужны. И Е.Сенявская никак это не комментирует. Но ведь это не более, чем поэтическая рефлексия. Или взять вопрос о символах и мифах войны. Вроде бы все правильно, но судит-то автор с позиций сегодняшнего дня, а это от историзма далековато. Однако, все это издержки большой, вдумчивой и полезной работы.

Автор поставил себе сложную задачу, выразив ее словами известного летописца войны Ильи Эренбурга: «Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она непохожа на ее описания, она и проще, и сложнее. Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники. Ее понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи». Приведя эти слова, Е.Сенявская делает вывод: «Мы попробуем не только понять, но и почувствовать эту войну».

Следует сразу же сказать, что автору это удалось. И в этом - основное достоинство книги. Она по праву войдет в историографию Великой Отечественной войны. Не сомневаюсь, что ее с интересом прочтут люди самых разных поколений. Ведь война еще не ушла из нашей жизни, хотя после ее победного окончания прошло уже почти полвека, вдвое больше, чем у Лермонтова.

Ю.Шарапов,
*доктор исторических наук,
майор в отставке*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава I. История Великой Отечественной: социально-психологический ракурс

1. Фронтовое поколение и его духовный облик: к методологии проблемы
2. «Летопись боя, хроника чувств»: вопросы источниковедения военно-исторической психологии

Глава II. «Откуда мы? Мы вышли из войны...» (Фронтовое поколение как социально-психологический феномен)

1. «Долгие версты войны»: динамика духовного облика фронтовиков (1941-1945)
2. «Война у каждого своя...» (Восприятие войны различными категориями военнослужащих)
3. Героические символы: реальность и мифология войны

Заключение

Приложения

Послесловие